

Иван Елагин

2

Иван Елагин

Иван Елагин

Иван Елагин

2

Иван Елагин

Иван Елагин

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДВУХ ТОМАХ

МОСКВА «СОГЛАСИЕ» 1998

Иван Елагин

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ ВТОРОЙ

Стихотворения

Портрет
мадмуазель
Таржи

МОСКВА «СОГЛАСИЕ» 1998

УДК 882
ББК 84(2Рос=Рус)6
Е47

Руководитель программы «Согласие»
В.В.Михальский

Составление,
подготовка текста, примечания
Е.В.Витковского

Редактор
В.П.Кочетов

Художник
С.А.Стулов

ISBN 5-86884-064-X (Т.2)
ISBN 5-86884-062-3

© И.И.Матвеева, 1998
© Е.В.Витковский. Составление,
подготовка текста, примечания, 1998
© С.А.Стулов. Оформление, 1998
© «Согласие», 1998

ПОД СОЗВЕЗДИЕМ ТОПОРА

Выходит — ошибся я малость,
Пустым оказался билет.
А мне почему-то казалось,
Что я настоящий поэт.

Я думал, что все вы придете
Расхватывать строк вороха,
Качаться на спаде и взлете,
Вздыхать на ухабах стиха.

Но критик чужого пошиба,
Моих не читающий книг,
Со мной не миндальничал, ибо
В статье заявил напрямик,

Что я неудавшийся лирик,
Что стих мой давно не у дел,
Что ветер сатиры до дырок
Стихи мои все просвистел!

И он, доказательства ради,
Представил фигуру мою —
Как глупо стою на эстраде,
Как руку в пространство сую.

Не первый удар, не последний,
Чего не бывает в пути!
Бывают удары заметней,
Бывают и хуже статьи.

Человек был кроток, тих.
Улыбался за двоих.
А потом вдруг осерчал,
Почернел и отощал.
Стал он пугалом вороньим,
И его мы похороним.

Не спеша идут куда-то
По дороге два солдата.
Напевают без забот.
А убьют их через год.
Мне живется очень кисло,
Я ни в чем не вижу смысла.
Смысла нет в моих стихах.
Я пишу их впопыхах.

Неожиданно нагрянув,
Смерть нас гонит, как баранов
На продажу гонят гурт.
Дичь. Нелепица. Абсурд.

Оттого и эта строчка
Обреченностью горда,
Как прощальный взмах платочка
Из вагона в никуда.

Обдало меня время печальной волной.
Я мальчишкой в комнате рос проходной.
За комодом, где спал я, всю ночь надо мной
Занавеска дышала сквозною стеной.

Где-то там, если в прошлое ехать назад,
И трамваи звенят, и деревья шумят,
Гомонят и щебечут родные миры —
Проходные дворы, проходные дворы.

Я и сам оказался такой проходной.
За страну страна пронеслась стороной.
Сколько встреч наносных, поездных, проездных!
Сколько женщин в дороге я знал проходных!

Сколько с вами носился и маялся я,
Проходные враги, проходные друзья!
Сколько громких имен, сколько слав проходных
Довелось повидать на дорогах земных!

Сколько раз мне поэт попадался такой,
Что пройдет с проходною своею строкой,
Потому что сердца задевают едва
Проходные слова, проходные слова...

Негодует, тоскуем, хохочем
И стареем у чайных столов.
Об искусстве шутя, между прочим,
Скажем нехотя несколько слов.

Пусть сравнение покажется грубым —
Расставаться не хочется с ним:
Разговаривать много не любим
Мы про женщин, с которыми спим.

Разговаривать — критиков дело.
Заприметивши издалека,
Обсуждать начинают умело
Грудь, прическу, колени, бока.

И трезвонят, чтоб было им пусто!
Им легко языками молоть...
Кожей мы ощущаем искусства
Золотую, горячую плоть.

И пускай они пишут и пашут
На просторах газетных полей!
Им оно только ручкой помашет,
Ну, а нам — нарожает детей.

Не надо слов о смерти роковых,
Не надо и улыбочек кривых,
И пошлостей, как пятаки потертых.
Мы — тоненькая пленочка живых
Над темным неизбывным морем мертвых.

Хоть я и обособленно живу, —
Я всё же демократ по существу,
И сознаю: я — только единица,
А мертвых — большинство, и к большинству
Необходимо присоединиться.

Не в строчке хорошей тут дело,
Не в строчке плохой,
А в том, чтоб душа молодела
От корки сухой,

А в том, чтобы нищенской стайкой
Плеться, облака
Тебе бы как теплой фуфайкой
Согрели бока.

И вовсе неважно, что мало
Ты мир понимал,
Но лужа тебе просияла,
Как лунный опал.

Но ветка тебе постучала
В окно поутру,
Но птица тебе одичало
Кричит на ветру,

И ты по вечернему логу
Идешь холодком,
И дерево машет в дорогу
Зеленым платком.

И что там какие-то тайны —
Секрет мастерства, —
Пусть будут, как звезды, случайны
Ночные слова,

Пусть падают криво и косо
В овраги стиха, —

Вот так же летят под колеса
Листвы вороха.

Но помни, что с болью, со стоном,
Как грех на духу,
Вот так же слова исступленно
Отдашь ты стиху,

Но помни, что ты настоящий —
Лишь всё потеряв,
Что запах острее и слаще
У срезанных трав,

Что всякого горя и смрада
Хлебнешь ты сполна,
Что сломана гроздь винограда
Во имя вина.

Все города похожи на Толедо,
Когда глядишь на них с горы сквозь рощу,
Как будтоходишь в полотно Эль Греко.
Сперва я это в Киеве заметил,
А много лет спустя увидел в Бронксе.
Теперь таким же показался Питсбург.
Таким же ты с горы увидишь город,
В котором я когда-то жил и умер.

Мой друг-художник как-то из Толедо
Привез мне связку шпаг миниатюрных,
Которыми берут кусочки сыра:
Толедское изделие для туристов.

Похожие на зубочистки шпаги,
В альбоме репродукции Эль Греко,
В какой-то книжке стены Алькасара —
Вот всё, что мне известно про Толедо.

Но я с Толедо, очевидно, связан
Домашним чем-то, будничным, привычным,
Как будто половину жизни прожил
Я в городе, который нарисован.

Вон человек идет.
И он зайдет в аптеку.
Понадобился йод
Внезапно человеку.

Всё так, и всё не так.
Там в тишине аптечной
В дверях стоит чужак
Трагически беспечный.

И серебро, и медь
Уплатит он кассиру,
Чтоб пузырек иметь
И унести в квартиру.

Всё так, и всё не так.
Как на большую льдину
Упал луны медяк
В аптечную витрину.

В рассеянности он
Порезал палец в ванной,
Он несколько смущен
Царапиною странной.

Всё так, и всё не так,
И где-то в сердце самом
Стучит: тик-так, тик-так —
То кровь шумит по шрамам.

Он осторожно йод
Накапает на ранку

И бережно заткнет
Он пробочкою склянку.

Всё так, и всё не так.
Попробуй, с роком сверься.
Какой-нибудь пустяк —
И разорвется сердце!

И кончится всё так:
Обычным некрологом
О том, как шел чудак
По жизненным дорогам.

Всё так, и всё не так.
Всё кончится взрывною
Куда-то в вечный мрак
Катящейся звездой.

Не была моя жизнь неудачей,
Хоть не шел я по красным коврам,
А шагал, как шарманщик бродячий,
По чужим незнакомым дворам.

Только — что бы со мной ни случилось,
А над жизнью моей кочевой
Серафима стоит шестикрылость,
А не дача и сад под Москвой.

Как доходит до славы — мы слабы.
Часто слава бывает бедой.
Да, конечно, не худо бы славы,
Да не хочется славы худой.

Полетать мне по свету осколком,
Нагуляться мне по миру всласть
Перед тем, как на русскую полку
Мне когда-нибудь звездно упасть.

НЕЧТО ВРОДЕ СЦЕНАРИЯ

Всё держится на принципе простом:
Неважно, за какой берусь предмет —
Высокий или низкий, — дело в том,
Какой я на предмет бросаю свет.

Вот телеграфный столб вобью в строку,
И лист газетный брошу на панель,
И ветром этот лист проволоку
По улицам за тридевять земель.

А сам пойду плясать вокруг столба
Иль тихо прислонюсь к нему в тоске.
Кто знает, может быть, моя судьба
В том по ветру несущемся листке.

А если мне всё это надоест —
Столб вырву, лист газетный подожгу,
Могу какой угодно сделать жест,
Совсем без жестов обойтись могу.

Так просто — декорации все снять —
И в черных сукнах ночи я опять.

Я попрошу художника сперва
Подвесить очень низкую звезду,
Чтоб замерцала под звездой трава.
Я по дороге издали иду.

Всё ближе подхожу я к фонарю,
Дрожащему у крайнего двора.
Вот подошел и на фонарь смотрю.—
Теней и света резкая игра.

Внезапно освещается на миг
Передо мной дорога впереди.
Всё сотрясает сумасшедший крик,
Загрохотавший из моей груди.

Немедленно я погасил звезду,
И камнем разбиваю я фонарь.
Я по дороге этой не пойду.
Уже я шел по ней когда-то встарь.

Из глубины всплывает крупный план.
Вверху лицо огромное горит.
Я узнаю себя. Слегка я пьян,
Без галстука, нечесан, непобрит.

Еще мгновенье — и вода везде.
Лицо мне заливают водопад.
Лицо мое теряется в воде.
Потоки мчатся, пенятся, шипят.

Вот девушка, на плоский камень сев,
Босые ноги в воду опустив,
Глядит, как водопад бросает в гнев,
И думает, как в гневе он красив.

Не знаю, как я оказался с ней.
Не слышно слов — кругом шумит вода.
В лесу, на водопаде, среди камней,
Мы, встретившись, простились навсегда.

Я от нее ушел в далекий год.
У города такой печальный вид.

На город бомбу бросил самолет,
И эта бомба всё еще летит.

Но вот упала, всё разворотив,
На полквартала расплескавши дым.
Но это был такой волшебный взрыв,
От взрыва сразу стал я молодым.

А девушка ушла в небытие.
Она тогда еще не родилась.
Еще на свете не было ее
В тот год, как бомба та разорвалась.

Нам вместе молодыми не бывать!
Зачем же ты пришла на водопад?
Зачем же в этой пьесе мы опять,
Где говорят и любят невпопад?

Я режиссера столько раз просил
О том, чтоб мне переменили роль,
А эту исполнять нет больше сил,
Не вынесу я больше эту боль.

Я слышу — песни русские поют,
Поют и пьют стаканами вино,
И крупным планом несколько минут
Мое лицо с боков освещено.

И я слова чужие говорю
И жесты повторяю не свои,
И я тянусь куда-то к фонарю,
Куда-то в водопадные струи,

Куда-то в завтра и в позавчера, —
Я слышал, что игра такая есть:
Во времени проделана дыра,
Чтоб в прошлое и будущее влезть.

Я одновременно и там и тут,
Я существую завтра и давно,
Я слышу — песни русские поют,
Поют и пьют стаканами вино.

И снова режиссера я прошу
О том, чтоб мне переменили роль,
И я вино стаканами глушу
И алкоголем заглушаю боль.

Рулетки завертелось колесо,
И кто-то выкликает номера,
И я по траектории косою
Лечу из послезавтра во вчера.

И я опять пришел на водопад,
И я опять под фонарем стою,
Я возвратился в прошлое назад,
Я возвратился в молодость мою.

Но иногда мы все-таки вдвоем —
В мечтах, в воспоминаниях и в снах.
В пространстве том же самом мы живем,
Но я и ты — мы в разных временах.

Я по траве светящейся иду,
Свод надо мной натянут голубой.
В Мариенбаде в будущем году
Мы, может быть, увидимся с тобой!

В государстве великих разлук ходовая монета —
 пространство.
 Начинают с того, что кладут между мной и
 тобою моря.
 Проходи по чужим городам, под чужими
 созвездьями странствуй
 И как в шахте глубокой томись в непечатых
 слоях словаря.

А еще через несколько лет только праздники
 помнишь и флаги,
 И в воскресном театре души мемуарные фильмы идут.
 Заливает, как темной водой, котловины твои и овраги,
 Заливает пространства твои колокольного
 времени гуд.

За последней березой закат истончается желтой
 полоской:
 Это занавес ночи на нас опускает свою бахрому.
 Как ни горько признаться, а всё ж оказалась
 земля моя плоской.
 И я вместе с театром моим уплываю куда-то
 во тьму.

Нет, не родину страшную я потерял в суматохе
 вокзальной, —
 Из-под лапищ ее никуда не уйти мне со словом
 моим, —
 А кусочек пространства, где я на поверхности
 мира зеркальной
 На рассвете июльского дня отражением плыл
 молодым.

В уцелевших просторах моих ветер времени
дует по строчкам,
И я целую жизнь напролет от себя самого
ухожу,
И разбитое зеркало я всё пытаюсь сложить
по кусочкам,
И всё кажется мне, что себя я из этих
кусочков сложу.

Сергею Бонгарту

Кривая ветвь совсем не за ограду,
А протянулась во вчерашний день
За птицею, которая по саду
Рассыпала рулады дребедень,

За птицей, упорхнувшей в день минувший!..

И сказочно и празднично и страшно,
Как будто мы на части время рвем,
Когда живой кусок из тьмы вчерашней
Выламываем кистью иль пером.

Как будто время трескается с хрустом,
Как будто всё идет наоборот,
И при волшебном фонаре искусства
Из будущего прошлое встает.

Снег столько раз ложился на карнизе,
И сколько раз седой была трава,
А вот Наташе на твоём эскизе
Всё те же солнечные двадцать два!

И в юности моей, во время оно,
Когда ещё писалось горячо —
В стихах звезда сорвалась с небосклона
И до сих пор летит она ещё.

Когда-нибудь из сумрака столовой
Я прямо в твой пейзаж перешагну —
На озеро, где по воде лиловой
Ты чайной розой расплескал луну,

Войду туда, где в бешеном нахлесте
Святящиеся вlepлены мазки.
И непременно ты заглянешь в гости
Когда-нибудь ко мне, в мои стихи.

Как им заплатит воля равновесья?

Гумилев

А называют землю Колыма.
(Того убили, тот сошел с ума.)

А есть еще другая — Воркута.
(Не сыщешь ни могилы, ни креста.)

Под снегом примиряющим России
Вповалку спят чужие и родные.

А где-то в дальних США, за океаном,
Есть кладбище с названием престранным.

Есть кладбище. Животные на нем
В своих могилах спят последним сном.

Вот памятник, заботливой рукою
Воздвигнутый над свинкою морскою.

А вот мемориальная плита
Над прахом незабвенного кота.

А рядом что-то наподобье раки
С останками возлюбленной собаки.

И вот теперь раздумываю здесь я
О гумилевской воле равновесья.

А на уплату равновесья хватит?
Или оно, смеясь над нами, платит

За ужас общей ямы с братской давкой
Плитою намогильною над шавкой?

Опять кругом слезливая зима.
От непрестанно гаснущих снежинок
Стоят, как маслом вытерты, дома,
Как будто ряд переводных картинок.

На западе — разваренный крахмал
С вишневой растекающейся пеной.
Мне кажется, что Бога замешал
Какой-то пейзажист третьестепенный.

Я с головой почти что в шубу влез,
В калошах, в шапке, с шарфом до колена...
Не пушкинский пророк, не сын небес,
Бряцающий на лире вдохновенно,

А очень неуклюжий человек, —
Весьма несовершенное творенье, —
Шагающий неловко через снег
В очередное сверхстолпотворенье.

У каждого есть множество обид.
Любой из нас — проситель с челобитной.
И, может быть, всех громче говорит
Тот, кто на свете самый беззащитный.

Ты сказал мне, что я под счастливой родился звездой,
 Что судьба набросала на стол мне богатые яства,
 Что я вытянул жребий удачный и славный... Постой —
 Я родился под красно-зловещей звездой государства!

Я родился под острым присмотром начальственных
 глаз.

Я родился под стук озабоченно-скучной печати.
 По России катился бессмертного «яблочка» пляс,
 А в такие эпохи рождаются люди некстати.

Я родился при шелесте справок, анкет, паспортов,
 В громыхании митингов, съездов, авралов и слетов,
 Я родился под гулкой обвал мировых катастроф,
 Когда сходит со сцены культура, свое отработав.

Только звезды оставь. Разлюбил я торжественный
 стиль.

Кто ответит, зачем эти звезды на небо всходили?
 По вселенной куда-то плывет серебристая пыль,
 И какое ей дело до нас — человеческой пыли.

Я еще уцелел, еще жизнь мою праздную я
 И стою на холодном ветру мирового вокзала,
 А звезда, что плыла надо мной, — не твоя, не моя,
 Разве только морозный узор на стекле вырезала.

Оттого я на звезды смотреть разучился совсем.
 Пусть там что-то сверкает вверху, надо мной леденя, —
 Мне бы дружеский взгляд да очаг человеческий — чем
 Ближе к небу — как Дельви́г говаривал — тем холоднее.

Я сегодня за широким столом,
Я сегодня у себя в мастерской,
По соседству у меня за углом
Начинается бедлам городской.

Только мне на это всё наплевать,
И мне грохот никакой нипочем!
Я сегодня расставляю опять
Декорации в театре моем.

К дому дерево подвину сперва,
Всё черным оно черно от дождя,
А верхушка — ни жива, ни мертва —
Пусть качается, тоску наводя.

Вдоль по улице пушу я трамвай,
В небе провод протяну навесной —
Ну-ка, занавес давай-подымай,
Я на сцене появляюсь ночной.

Мне казалось, что сценарий хорош,
Что я знаю свою роль назубок,
А как в роль эту вживаться начнешь —
Норовишь куда-то вкривь или вбок.

Прихожу я от волнения в раж,
Постановку всю как есть погубя,
Забываю я, что я — персонаж,
И играю самого я себя!

Вон и критик, недовольный игрой,
Сокрушительные громы низверг

И вопит, что настоящий герой
Всей душою порывается вверх!

Под стеклянным я большим колпаком,
В безвоздушном я пространстве повис,
И конечно, в положении таком
Непонятно мне, где верх, а где низ.

Не за роль же приниматься опять
И чужую пересказывать страсть,
Когда нечем мне не только дышать,
Но и некуда мне даже упасть.

От стакана на комодe
Отпечатался кружок.
Получилось что-то вроде
Нашей памяти, дружок.

Ах ты спорщик-заговорщик!
На задворках пропадай!
А помрешь — тебя наборщик
Поведег в печатный рай.

Обнаружат, подытожат,
Отутюжат по кускам
И торжественно предложат
Умиляться знатокам.

Но, ценя порядок свято,
Предисловие вклинят
Наподобие салата
Из приправленных цитат.

И пускай покойник ропшет, —
Что там слушать мертвяка!
Время — ловкий полировщик,
И рука его легка!

Попадется эта строчка
Прямо критику в капкан,
Не останется кружочка,
Где поставил я стакан.

Я жонглер-скоморох, я циркач,
Я подбрасываю палевый мяч,

Я приплясываю весело вскачь,
Я подбрасываю розовый мяч.

Я ловлю их и бросаю опять,
Как пошли они взлетать и петлять,

И уже их стало в воздухе пять!

Но им жизни захотелось иной,
Стал один из них огромной луной,

Ни за что не опускается вниз,
Между веток удивленно повис.

И другие разлетелись мячи,
Не дозваться их — кричи не кричи,

Не мячи уже, а в виде ином:
Тот драконом стал, а этот окном.

Хоть один бы мне какой-нибудь мяч,
А из публики кричат: «Не портачь!»

Дескать, хватит дурака-то валять,
Начудил — и поворачивай вспять!

Дескать, прорва есть других циркачей,
И работают они половчей!

Ухвачу я что ни есть под рукой —
Иль тарелку, или обруч какой,

Но работу я не брошу свою,
Представление я снова даю.

Жизнь пора начать сначала,
С самых первых рубежей,
Чтобы счастьем обучало
Сумасшествие стрижей.

Чтоб комочек птичьей плоти
В откровении окна
Перечеркивал в полете
Всё, чем жизнь защищена,

Перечеркивал бы круто
Тихой доли берега,
Успокоенность уюта,
Огражденность очага,

Чтобы сердце закружило
Как на холмище ветряк,
Чтоб пошел скакать по жилам
Шалой крови краковяк,

Чтобы, к ниточке искусства
Прикасающийся чуть,
Мог бы я хрустальной люстрой
Небо звездное качнуть,

Чтобы камнем я низвергся,
Всё на свете позабыв,
В обнаружившийся в сердце
Ослепительный обрыв,

Чтобы так же я низвергся,
Как ты под гору летишь,
Сокращающимся сердцем
Удаляющийся стриж.

Каменоломня старая в цвету.
Зеленая вода в гранитной раме.
Две голые студентки на плоту
Стоят с огромными баграми.

Как этот камень раскален и дик!
Какие райские виденья!
И кажется, что только миг
Остался до грехопадения.

Какая осень! Что за странность
Ее клокочущая рдяность!

Какою мерой ни отмеривай
Запутанность житья-бытья,
Но и в одном осеннем дереве
Бессонно заблудился я.

Такое взбалмошное! Вот оно
Погодой ветреной измотано!

А сколько там дроздов, запрятанных
За шевелящейся листвою!
А сколько там прорех, заплатанных
Великолепной синевою!

Такое нищенски-кривое,
Ошеломленное на вид,
А вспыхивающей листвою
Заворошит — заморозит!

Закопшится, загорится,
Закружится красным-красно,
Как будто ветром-проходимцем
То дерево подождено!

Так ослепительно и яро
Оно разбрызгивает свет!
Но из осеннего пожара,
Я знаю, — мне дороги нет.

Пока ему еще блистать,
Я вместе с деревом останусь.
Я тоже дереву под стать.
Я тоже осени достанусь.

До небосклона за окном
Какие-нибудь полквартала,
И черной трещиною в нем
Сухое дерево стояло.

И в небо ветками стучась,
Живые души будоража,
Оно и после смерти — часть
Неугомонного пейзажа.

Скрипит, за землю уцепясь
Окаменевшими корнями.
С читателем такую связь
Я ощущаю временами.

В ЗАЛЕ ВСЕЛЕННОЙ

На площадях танцуют и казнят!
Я мог бы так начать венок сонетов.
Но мне скучна с сонетами возня.
Чистосердечно признаюсь, что я
Не из числа усидчивых поэтов.

На площадях вожди с трибун кричат,
На площадях солдаты маршируют.
Но не всегда на площадях парад:
В базарный день на площадях торгуют.

Для танцев я немного староват,
И нет во мне влечения к парадам.
Казнить — меня, конечно, не казнят,
Но и с вождями не посадят рядом.

Что ж, остается только торговать!
И, может быть, я выбрал часть благую.
Вот я стою на площади опять,
Стихом, душою, строчкою торгую.

Не нужен ли кому-нибудь закат,
Какого нету у других поэтов, —
У горизонта дымно-розоват,
А выше в небе — темно-фиолетов?

Не надо ли кому-нибудь тоски?
Мы все живем, в тоске своей увязнув,
Но от моей тоски — твои виски
Засеребрятся серебром соблазнов.

Скорее, покупатель мой, спеши!
Я продаю товар себе в убыток.

Не хочешь ли билет в театр души,
Который я зову театром пыток?

Пускай спектакль слегка аляповат,
Пускай в нем декорации лубочны,
Но там слова на сцене говорят,
Которые неумолимо точны.

И может быть, то главное, о чем
Ты только вскользь догадывался глухо, —
Там на подмостках с площадным шутком
Разыгрывает площадная шлюха.

Я там веду с собою разговор,
В моем театре я распорядитель,
И композитор я, и осветитель,
И декоратор я, и режиссер,
И драматург я, и актер, и зритель.

Чайна Таун! Экзотика!
В трех кварталах — восток.
Китаянка под зонтиком.
С веерами лоток.

Живописные лавки.
Толкотня — не пройти.
Гребни, брошки, булавки
Из слоновой кости.

Безделушки-подарочки
Да цветные фонарики,
И влюбленные парочки
Ходят, взявшись за руки.

А турист из гостиницы
От музеев устал,
И он радостно ринется
В этот шумный квартал.

Неудачники разные,
Экзотический сброд
Оглушительно празднуют
Свой смешной Новый Год.

Пиротехники взрывчатой
Искры, сполохи, звон,
И веселый, пупырчатый
С красной пастью дракон!

А чуть-чуть за заборами,
Непростительно рядом —

Небоскребы с конторами
Или гавань со складом.

Временами мне кажется,
Что я — город шутих,
Защищаемый тяжестью
Небоскребов чужих;

Что бывает заманчиво
И ко мне подойти,
Посмотреть на болванчика
Из слоновой кости.

Интерес только денежный —
Или сбыт, или спрос.
Что дракон-то всамделишный, —
Кто ж поверит всерьез?!

А что смертно продрогли мы,
По земле проносясь, —
Это так — иероглифы,
Отвлеченная вязь.

И по мне, как по пристани,
Комментируя вид,
Бойко ходит с туристами
Предприимчивый гид.

Я запомнил мой праздник мгновенный.
Звезды шли над моей головой.
Для меня в этом зале вселенной
Фильм пускали цветной, звуковой.

Мир шумел надо мной водопадом
И ронял за звездою звезду,
И смеялись друзья мои рядом
Чуть не в каждом соседнем ряду.

Только стал я поглядывать хмуро,
Только стал я зевать от тоски:
Слишком часто уж дура-цензура
Вырезает из фильма куски.

А друзья? Как осталось их мало!
Тот ушел, а того увели.
Вот уже их почти что не стало,
Точно сдуло куда-то с земли!

Приближается дело к развязке,
И куда ни взгляну — предо мной
Умирают трагически краски,
Погасают одна за одной!

Наступает бесцветная скука.
Вот и звук обрывается вдруг,
И со звуком — со скоростью звука
Целый мир исчезает вокруг.

И, наверное, в самом финале
Билетер, зажигающий свет,
Будет рад, что в просмотрном зале
Никаких уже зрителей нет.

ЦИРК

Леониду Ржевскому

Гаснут лампы постепенно.
Стихла музыка. Пора.
На округлую арену
Хлынули прожектора.

Замаячили медведи
В голубом луче густом,
И в вечернем платье леди
Дирижирует хлыстом.

А медведи косолапы
И на роликах смешны,
А у клоуна-растяпы
С треском падают штаны!

Звонко хлопают копыта
В наступившей тишине,
По арене три джигита
На одном летят коне!

...Луна сегодня нанята
Сопутствовать стиху.
Вон жизнь моя натянута
Как проволока вверху!

Деревья, трубы, кровельки,
Ворона на кресте.
А я иду по проволоке
На страшной высоте!

...Артиллерия ахает,
Дым столбами встает,
Верховые в папах
Разогнали народ.

Машут саблями бешено
И кричат на скаку,
Моя люлька подвешена
На крюках к потолку.

Может, вместо этого
Плыл над головой
Небосвод брезентовый —
Купол цирковой!

Вместо бедной квартирки,
Вместо стирки белья —
Там, под куполом цирка,
Колыбелька моя!

Жонглер кидает обручи
И ловит в тот же миг,
Жонглер на этом поприще
Великого достиг!

Смотрите, настоящие
Творит он чудеса —
Бросает вверх горящие
Четыре колеса!

Мое же местожительство
Я сам не знаю где,

Летят, горя, правительства
В бесовской чехарде!

Что сделаешь, — с эпохой
Столкнулся таковой,
И я над суматохой
Качаюсь цирковой.

Луна ныряет в облаке,
Как ягодка во мху,
А я на тонкой проволоке
Качаюсь наверху.

Вон акробат с трапеции
Летит вниз головой,
Подхвачен по инерции
Трапецией другой.

Однако неперменные
Условия таковы,
Чтобы внизу ареною
Прогуливались львы!

Ступаю нерешительно.
Вот-вот я упаду!
Как головокружительно
Жилось мне в том году!

Казалось — вовсе лишнее
Мое житье-бытье:
Под проволокой хищное
Шатается зверье!

(И, занятый уборкой,
Внизу бежит бочком
Лауреат с ведерком,
С услужливым совком!

Там вурдалак во френче
Ведет локомотив,
Рычаг как можно крепче
Когтями ухватив!

А клоун — кто он?
Жилет как радуга.
Походит клоун
На Карла Радека!

Любому ясно, чай,
Что пуля клоуну,
Как ни паясничай,
Приуготована!)

Луна бросает промельки
Продрогшему стиху,
А я иду по проволоке
Под куполом вверху.

Вот бегут по арене
Боевые слоны —
Это столпотворенье,
Это грохот войны!

За слона ухватиться
И бежать наравне,

Как бегут пехотинцы,
Прижимаясь к броне.

Непреренно сирена
Загудит с вышины,
И, гремя, на арену
Пушку вкатят слоны.

А жерло в три обхвата!
Выше зданий-громад!
И туда-то, меня-то
Запихнут, как снаряд!

Пробезумствует выстрел —
И куда-то, Бог весть,
Пролечу я со свистом
Через цирк — через весь,

Пролечу исступленно,
Как летит метеор,
До мостов над Гудзоном,
До Великих озер,

До холмов Сан-Франциско,
До вермонтских холмов...
Остается приписка —
Только несколько слов:

Ночь вагонами брякала,
Ночь звенела дождем,
Надымила, наплакала,
Наврала обо всем.

Сергею Бонгарту

Я скажу языком неположенным,
Да и слов не хочу я возвышенных.
Называть тебя мало художником —
Поджигатель ты и злоумышленник!

Потому что не кистью, не краскою —
Головешками воспламененными
Петуха подпускаешь ты красного,
А зовешь его «Вазой с пионами».

А на этот пейзаж посмотрите-ка —
Что за пламя в осенних кустарниках!
Приглашать сюда надо не критика —
Вызывать сюда надо пожарников!

Медь какого-то чайника старого,
А такое сверкание чертово!
Это ты поразбрасывал зарева
На свое полотно натюрмортово!

На холсте, как в драконовом логове,
Полыхает пунцово, гранатово, —
Это ты со своими поджогами
Начудил у сарая дощатого.

И не ты ли — все тюбики по боку —
И собравши всю силу огромную,
По закатному беглому облаку
Саданул зажигательной бомбою?

Вон и поле с коровою рыжею,
Как с костром, на дороге разложенным...
Оттого-то и смысла не вижу я
Называть тебя просто художником.

А захочется стать мне законником
И названьем блеснуть обстоятельным —
Назову тебя огнепоклонником,
Поджигателем, бомбометателем!

ИГРА С ОСЕНЬЮ

В октябре закаты
Плавают по саду.
Я опять за карты
С осенью засяду.

Начинаю сдачу
Жестом обозленным.
Карты так и скачут
На сукне зеленом.

У нее всё черва,
У нее всё бубна,
И она, наверно,
Выиграет крупно!

Ну, а мне ложится
Карта, что подобна
Полуночной птице
На плите надгробной.

У меня всё трефа,
У меня всё пика,
Не везет свирепо,
Продуваюсь дико!

Оказались масти
У нее повыше.
 Попрошу я счастья
У летучей мыши!

Попрошу удачи
Я у черной кошки,

Всё я порастрочу
До последней крошки!

Карты у нее-то
Кружатся по саду,
С этим банкометом
Никакого сладу!

А мои над черной
Угольною ямой!
А мои со вздорной
Пиковою дамой!

Осень вся смеется
В груди ассигнаций,
Как со дна колодца
С нею мне тягаться?

И себя я снова
Чувствую бессильным.
Я с тузом трефовым,
Как с крестом могильным!

У нее-то клены
С бубною да с червой,
У меня — ворона
На сосне вечерней.

И король мой с чернью,
А у ней — с багрянцем.
Надо бы, наверно,
Мне играть с оглядцей.

Если с мастью черной,
То всегда в убытке.
Может, передерну?
Я на это прыткий.

Иль помечу ногтем,
Благо глаз наметан,
Мне-то — бочка с дегтем,
Ей-то — бочка с медом.

У меня-то сажа,
У нее — румяна!
Разве же я слажу
С нею без обмана?

Вся она как праздник!
Вина по витринам!
И портвейном дразнит,
И бенедиктином!

И она так грозно
Двигается к победе
В колыханье бронзы,
Золота и меди!

А со мною гарь-то!
Тачка с антрацитом!
Раз такая карта —
Значит, быть мне битым!

А на ней обновы
С охрой и кармином!

Даже туз бубновый
У нее с рубином!

У нее валеты
В пламенных кафтанах,
Дамы разодеты
В бархатах багряных.

На душе так гадко!
Так себя мне жалко!
У меня девятка
Вроде катафалка:

Шествующих восемь.
Гроб посередине.
На погосте осень
В рыжем кринолине.

Я себе, однако,
Сколько надавал-то
Чугуна и шлака,
Мрака и асфальта!

Я смотрю на трефу,
Я смотрю на пику,
Растерялся, сдрейфил,
Сбился с панталыку!

Выиграет, стерва,
Выиграет крупно —
У нее всё черва!
У нее всё бубна!

Не от того вы лечили меня, доктора.
Острые звезды глядят на меня со двора.
Может быть, мне на звезду убираться пора?
Не от того вы лечили меня, доктора!

Стих обдавал меня гудом и жаром костра.
Спрячьте таблетки, термометры et cetera!
Разве таблеткой унять лихорадку пера?
Не от того вы лечили меня, доктора!

Сердце мое ударяло по краю ребра,
Сердце звенело мое, как звенит баккара!
Треснет, как колокол, сердце от звона нутра.
Не от того вы лечили меня, доктора!

И от вливания крови не жду я добра —
Кровь своих зорь перелили в меня вечера.
Может быть, просто кончается крови игра?
Не от того вы лечили меня, доктора!

Ложечкой в рот вы еще мне влезали вчера.
Рот — это радостный дар, а не просто дыра!
Рот разрывает осколками слова-ядра.
Не от того вы лечили меня, доктора!

Звезды качнутся — большие, как прожектора.
Я эти звезды созвездием звал Топора...
Это за мною придут мои звезды — пора!
Не от того вы лечили меня, доктора!

Ниле Магидовой

В окна ошарашивает ветер сквозной,
А кондуктор спрашивает билет проездной.

Всё вытаскиваю из карманов подряд.
Колеса лязгают, колеса гремят.

Осень донашивает рвань с желтизной,
А кондуктор спрашивает билет проездной.

А я-то заспанный, с виду босяк,
Никакого паспорта, никаких бумаг.

А закат окрашивает небо за сосной,
А кондуктор спрашивает билет проездной.

Ищу за рубахою, лезу в сапог,
Охаю, ахаю, от пота взмок!

Ноги подкашивает страх затяжной.
А кондуктор спрашивает билет проездной.

И так мне боязно, от страху обмяк,
Ссадят с поезда прямо в овраг!

А лес завораживает своей тишиной,
А кондуктор спрашивает билет проездной.

До самых седин всё тот же бред:
— А ну, гражданин, предъявите билет!

Каждым утром, только встаю,
Входит кондуктор в спальню мою,

И, охорашивая усы с сединой,
Кондуктор спрашивает билет проездной.

Как мертвою хваткой, я сдавлен тоской,
Сбегу без оглядки на берег морской,

В блещущий, пляжевый, солнечный зной,
Только не спрашивай билет проездной!

...Куда ни поеду — как приставной —
Кондуктор по следу ходит за мной.

Когда-нибудь эту я кончу игру,
Как жил без билета, так и умру,

И тело бросят за вечной стеной,
И ангелы спросят билет проездной.

Очередной обидою
Непоправимо раненный,
Мучительно завидую
Монете отчеканенной.

Я отчеканен начерно!
Есть от чего расстроиться!
На мне не обозначено,
Какого я достоинства.

И я в большом унынии
Прикидываю тщательно:
Кружок я алюминия,
Медяшка? Или платина?

Эпоха — это складчина.
В ней каждый как монетина.
За что же мной заплачено?
Добро ли приобретено?

В грядущем из песчаника
Извергнутый раскопкою,
Я стану для жестяника
Какой-нибудь заклепкою?

Или музейной ценностью
Я окажусь за давностью?
Так лучше кончить тленностью,
Забвенностью, бесславностью!

В затонах одиночества
Такие есть плавучести!..

Наверное, захочется
Совсем другой мне участи.

Выпрашивал я, кажется,
Себе судьбу отдельную —
Звенел с тревожной тяжестью
Струной виолончельною.

Мечта сулила лучшее.
Плохая, знать, провидица!
Блистательного случая
Как будто не предвидится.

При всем моем неверии
Я знаю, что я собранный
Не где-то на конвейере,
А выделки особенной!

Туман клубится
Над этажами.
Идут убийцы,
Блестя ножами.

Всё, может, даже —
Обман по сути.
Дома — миражи.
Миражи — люди.

И мы могильной
Летим пустыней
В автомобильной
Своей кабине.

Упорно старым
Гремим железом.
А тротуары —
Головорезам.

Бандит, старуху
Ножом истыкав,
Ушел. Всё глухо.
Не слышно криков.

Звезды сиянье
На мертвых рельсах.
Что марсиане
С твоим Уэльсом?!

Россия под зубовой скрежет
Еще проходит обработку —
Опять кому-то глотку режут,
Кому-то затыкают глотку.

История не бьет баклуши,
В ней продолжают громоздиться
Перелицованные души.
И передушенные лица.

С перевала вновь на перевал
Без конца тащусь в каком-то трансе.
Я бы ноги ей переломал,
Этой самой Музе Дальних Странствий!

Мне б такую музу, чтоб была
Мудрой и спокойной домоседкой,
Чтоб сидела тихо у стола,
А в окно к ней клен стучался веткой.

Чтоб с порогом дома крепла связь,
Чтобы стен родных поила сила...
Мне б ту музу встретить, что, смеясь,
В гости к Карлу Ларсону ходила.

Рисовал он двор свой и забор,
Рисовал жену, детей, собаку,
Рисовал светло, наперекор
Всякому возвышенному мраку.

У меня есть тоже дом и сад
С вишнею, шиповником, сиренью.
Пусть они сейчас прошелестят,
Словно ветер, по стихотворенью.

Клен стоит почти что у дверей.
Я о нем хотел бы в строчке этой
Так сказать, чтоб шум его ветвей
Был услышан целою планетой.

Вон жена сидит наискосок,
Чистит подстаканники из меди.

Вон девятилетний мой сынок
Проезжает на велосипеде.

Я бы, написав десяток строк,
Времени остановил течение,
Если б я по-ларсоновски мог
Сделать солнечное освещение.

По узкому спуску, скрипя, дребезжа,
Сосед выезжает из гаража.

И вот он сейчас пропадет за углом,
Как будто он канет в небесный пролом,

Как будто он рухнет куда-то в закат,
И листья сухие за ним полетят.

Казалось бы — рядом годами живем,
А разве я что-нибудь знаю о нем?

О чем он мечтает, вздыхает о чем
За темной стеною, увитой плющом?

Зачем он умчался за тот поворот,
Куда он столбы световые несет?

Куда он поплыл между звезд и ветвей
В кабине своей, в одиночке своей?

И я для него, верно, тоже не в счет,
Хотя он при встрече рукой мне махнет,

А если столкнут обстоятельства нас,
Он скажет незначащих несколько фраз.

И хоть мы живем во вселенной одной,
Но каждый рожден под свою звезду,

И между тобою и мною, сосед,
Мильон световых простирается лет,

Такая же даль между мной и тобой,
Как между моей и твоею звездой!..

Осталось ждать совсем немножко.
Загрохотавший самолет
Сейчас на взлетную дорожку
Тяжеловато поползет.

Мелькнет внизу реки аорта,
И ты по небу поплывешь,
А голубь над аэропортом
Так архаически хорош!

А облака то мчатся ниже,
То вырастают по бокам,
И Бог, наверное, на лыжах
Идет по этим облакам.

Мы в самолете из бумажных кружек
Пьем кофе, заедая чем-то сдобным.
Мы в облаках ныряем неуклюжих
По пропастям и выступам сугробным.

Я слышу, как мои соседи слева
Судачат о законах пенсионных.
Ни на копейку не волнует небо
Людей, непоправимо приземленных.

А я когда-то рвался в эмпирии,
В загадочность заоблачного мира.
А может быть, они меня мудрее —
Вот эти два солидных пассажира.

Мне, может быть, пора уже смиренно
Приняться за мое земное дело
И позабыть о том, как вдохновенно
За самолетом облако летело.

А раз уж самолет пришелся к слову,
То если к самолету присмотреться,
Легко поверить Ильфу и Петрову,
Что это только транспортное средство.

Пора покончить с болтовней мистичной
И позабыть про вечные загадки,
А если думать, то о методичной,
Спокойной, своевременной посадке.

А рядом в блеске золотистых лезвий
Горит закат огромною иконой,
А я сижу такой смиренно-трезвый,
Такой погасший, скучный, умудренный.

Не говори про ангельский хорал
И про рыданье траурное клавиш.
Могила — нескончаемый провал.
Ты не поправишь, что не так сказал,
И что не так подумал — не поправишь, —
Тут больше ни убавишь, ни прибавишь!
Неважно у могильного колодца —
Покойник преуспел иль сплеховал.
Он без твоих упреков обойдется
И обойдется без твоих похвал.

Я тоже устал от нелепицы всякой,
Живу, как амфибия, — жизнью двойкой.

Живу в настоящем, дремотно-заросшем
Как будто гигантской омелою — прошлым.

Меня ты увидел к окошку прильнувшим,
Ты видел, как я проплываю минувшим.

А если тебе улыбаться я стану,
То это я в фильме плыву по экрану.

А если в словах моих грусть иль веселость,
То это на пленку записанный голос.

Тут даже и тень моя тоже фальшива —
Неверная, лунная тень негатива.

А в нескольких метрах лимонно горящий
Качается в ветре фонарь настоящий.

И я на углу, на ночной остановке
Стою настоящий, нескладный, неловкий.

И я подымусь по ступеньке в автобус
И сяду, живущим сейчас уподобясь.

И в раму оконную вполоборота
Я вставлю себя, как вставляется фото.

Маршрут у автобуса этого странный, —
Повсюду наставила память капканы.

Меня ты увидел к окошку прильнувшим,
Ты видел, как я проплываю в минувшем.

Люди и зданья бросают меня
В темную воду вчерашнего дня.

На меня наплывает опять
Слов мерцающих столпотворенье.
Подмывает меня написать
Сумасшедшее стихотворенье.

Я качаюсь, как будто во сне.
А какое-то дикое слово
Поднялось, как дельфин на волне, —
И пропало, и выплыло снова.

Чемодан... чемодан... чемодан...
И меня пробирает до дрожи.
Для чего и зачем он мне дан —
Чемодан из сверкающей кожи?

Чтоб торжественно сесть в самолет?
Чтоб явиться в гостиницу важно?
Свет гостиница люстрами льет
Ослепительно, многоэтажно!

Или бред нескончаемый мой:
Будто я в обстоятельствах странных,
Будто я возвратился домой,
Чтоб забыть обо всех чемоданах.

Иль, быть может, всё это обман.
Просто не было слов настоящих,
И совсем это не чемодан,
А из досок сколоченный ящик.

Облака под луною бочком
Пробегают, как будто их гонят.

Верно, в ящике длинном таком
Ничего не хранят, а хоронят.

Вот и ужас стоит надо мной,
Над моей головой обреченной —
Арзамасский, толстовский, бессонный,
Красный, белый, квадратный, ночной.

Худощавым подростком
Я остался стоять у киоска,
И стою до сих пор очарованный
Со стаканом воды газированной.

Человек под каштаном
С друзьями простился вчера.
На рассвете туманном
Уводили его со двора.

Уходил он с кошелкой,
Набитой нехитрым добром.
За ворота ушел как,
Так и сгинул в тумане сыром.

В шелестеньи ветвей зашифровано,
Сколько за ночь друзей арестовано.

Та звезда, что оторванно на небе
Где-то горит там,
Может рухнуть на землю когда-нибудь
Метеоритом.

И звезда эта будет
Готовиться к праздничной встрече.
Мы не звезды. Мы люди.
Себя обнадеживать нечем.

Я и тот человек,
Что ушел на рассвете туманном,
Разлучились навек.
На земле не сойтись никогда нам.

Где-то в ямине трюма
Я на койке лежал подвесной,
И я слушал, как с шумом
Ударяет волна за волной.

В шебуршении пенном,
В мелькании черных зеркал
Плыл и плыл я на судне военном,
И я тоже навеки пропал.

Но в бушующих блестях
Всплывает из пены взволнованной
Паренек у киоска
Со стаканом воды газированной.

И пока океаны
Миражи свои не растратили,
Человек всё стоит у каштана,
А вокруг человека приятели.

И над ним распростерта
Та ветка — шумит, как шумела.
Воскрешение мертвых —
Наше общее с деревом дело.

У ВОД МОНОНГАХИЛЫ

Давно уже в опале,
Забит трехстопный ямб.
Когда-то им писали,
Но в наши дни едва ли
Им пишут, да и я б
Не стал, но ямб трехстопный
Покладист, и весьма
Удобен для письма,
Для мысли расторопной.
К тому ж для сердца святы
Звучанья старых строк —
Со мной «Мои пенаты»,
Со мною «Городок»!
Их поздние раскаты
Еще услышал Блок,
Почувствовал до боли
И выплакал сполна
О том, что ветер в поле,
А на дворе весна.
Традицией старинной
Не стоит пренебречь:
Домашнею картиной
Я начинаю речь.
Зеленая неряха —
Лохматый клен в окне.
Картина Голлербаха
Направо на стене.
Стол с пишущей машинкой
И стул с плетеной спинкой
Стоят перед окном.
А в раме, под стеклом —
Тропининский, знакомый
Портрет того, кого мы

В своей душе несем
От отроческих, самых
Первоначальных лет.
На этажерке в рамках
И те, кого уж нет,
И те, кто так далече,
Почти в стране другой.
Похвастаться хоть нечем,
Но тишина, покой,
И в комнатах повсюду
(Я к этому привык)
Навалом — кипы, груды
И кучи всяких книг.
А в окнах много света,
В саду — кусты цветут.
До университета
Езды пять-шесть минут.
Всё это для поэта
Поистине — уют.
Хоть с плешью и одышкой
Не подобает мне
Распространяться слишком,
Что истина в вине,
Но если старый Бахус
Ковши свои раздаст —
Была бы только закусь,
А выпить я горазд!
Что ж! Я в годах преклонных,
Уже под шестьдесят!
О женщине — влюбленных
Стихов мне не простят!
И мне покой дороже
Тревог, а между тем —

И я не очень всё же
Чуждаюсь этих тем.
Хотя авторитетов
На мне лежит печать,
Я перечнем поэтов
Не стану докучать.
Но всё ж слова найду я
Сказать кое о ком
Из тех, кто молодую
Мне душу жег стихом.
У самого истока
Колючих дней моих
Благодарю я Блока
За беспощадный стих.
И в мире, где лавины
Войн, бедствий и разрух —
Цветаевой Марины
Мне дорог певчий слух.
Откуда-то из мрака
Кривых ночных дорог
Я слышу Пастернака
Сумбурный говорок.
Хотя я врозь с Россией,
Врозь со своей страной,
Но розы ледяные
Ахматовой — со мной.
От слова и до слова
Перечитал подряд.
Послание готово,
А где же адресат?
Где современник дивный,
Где он, чудак такой,
Что на строку отзывной

В меня плеснет строкой?
Где собеседник милый?
В каком живешь краю?
У вод Мононгахилы
Я одинок стою.
А подо мною — зыби
Несущийся поток.
И сам я на отшибе,
И стих мой одинок.

И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

Пушкин

В тот год с товарных станций эшелоны
На север шли почти что каждый день.
Набиты заключенными вагоны,
И на снегу штыка чернеет тень.

И песнею отпугивая стужу,
Там, ночью где-то посреди лесов,
Охранники горланили «Катюшу»,
На поводке придерживая псов.

И про Катюшу, девушку простую,
Поет студентка сорок лет спустя,
И я студентку слушаю, тоскуя,
И я студентку слушаю, грустя.

Мне с мертвыми мерещится подвода,
Скрипящая под звуки песни той.

Всё это для студентки — вздор пустой.
Она — как равнодушная природа,
Сияющая вечной красотой.

В новогоднюю ночь я к столу подойду,
И вина золотого нальет мне хозяйка.
Если хочешь, попробуй — поди, подсчитай-ка,
Сколько жизни оставил я в старом году.

Ты покрепче, хозяйка, меня напои,
Чтоб душа заиграла, вином разогрета!
Сколько раз я под звездами Нового Света
Провожал новогодние ночи мои.

Где-то — Старого Света оставленный край:
Дом. Каштан. Потемневшие стекла аптеки.
Сколько жизни моей там осталось навеки —
Если хочешь, попробуй, поди, подсчитай.

Я не знаю, с какой мне звездой по пути.
Мое время меня разорвало на части.
Только знаю одно, — что без старого счастья
Мне и нового счастья уже не найти.

Цыганский табор осени разбросан
Между домами. Неопрятна осень,
Но грандиозна, ветрена, пестра.
И с осенью нет никакого сладу —
Листва деревьев пляшет до упаду,
Горят костры посереде двора.

Я восхищаюсь этим понапрасну.
Я с каждым из деревьев этих гасну.
Вот лист, что закружился по двору,
Свалился, об окно мое ударясь.
Цыганская взлохмаченная старость,
Раскачиваясь, плачет на ветру.

Да, осень пляшет, и поет, и плачет,
И, кажется, переполох весь начат
Лишь для того, чтоб я мое житье
Измерил этой лавой листопада.
Но как ни мерь — а жизнь длиннее взгляда,
Стремящегося охватить ее.

Как заключенный в камере тюремной
Под камнем пола роет ход подземный,
Чтоб выбраться на волю из тюрьмы, —
Так в памяти я котловины рою,
Чтоб выломать из многолетней тьмы
Обломок дня, утеряннго мною.

Есть где-то настоящее, и это —
Веселием сверкающее лето,
А будущее там — в полях весны,
Но осень — это прошлое, и людям

Оно нужней. О нем мы не забудем,
Зимой небытия занесены.

Как будто еду в поезде я скором,
И осень мне махнула семафором,
И дал мой поезд резко задний ход,
И содрогнулись все мои вагоны,
Пошли они во дни катиться оны,
И весь мой поезд в прошлое идет.

Я с поездом моим куда-то двинусь
По направленью в юность и невинность,
Где ждут меня на полустанке том,
И к старому знакомцу благосклонны,
Ко мне из детства нависая, клены
Расскажут миф о веке золотом.

А там и жизнь была совсем иная,
Там комната в квартире проходная,
Там очередь за хлебом поутру,
Там, тапочки надев на босу ногу,
Пускаясь в ежедневную дорогу,
Пенал и книги я с собой беру.

От школьной парты, школьного урока
До осени цыганской так далёко!
Разрозненные времени куски
Барахтаются в памяти, как в дыме,
Толпятся государства между ними,
И океаны, и материки!

Он уплывает, этот полустанок,
И клен, и дом, и несколько полянок —
И вот уже, огнями залита,
Мерещится вечерняя столица.
И я не знаю — эта жизнь мне снится,
Или когда-то мне приснилась та.

Последние октябрьские недели.
Деревьев закружились карусели.
А где-то там, за тридевять земель,
За тем холмом, где свалены за годы
Мои закаты и мои восходы, —
Там в парке над рекою карусель.

И друг за другом в сказочной погоне
Кружатся размалеванные кони
И движутся по стержню вверх и вниз.
Вся карусель плывет под звуки вальса...
Еще я помню, — вальс тот назывался
Немного старомодно: вальс-каприз.

И красный конь, по воздуху гарцуя,
Навстречу вырывается! И сбруя
Железками позвякивает блях,
И, как бывает среди сна ночного,
Конь снова появляется, и снова
Куда-то пропадает второпях.

Болтаются, позвякивая, бляхи,
И мальчик на коне взлетает в страхе,

За гриву уцепился он рукой.
Сегодня ветра музыкальный ящик,
Оркестр ветвей поющих и скрипящих
Вернули мне тот полдень над рекой.

И кажется — в одном порыве страшном
Сегодняшнее обнялось с тогдашним,
Кленовый лист, что над окном повис,
Колотится о стекла с перепугу,
А красный конь, летающий по кругу,
Скользит то вверх, то вниз — то вверх, то
вниз...

Порядок творенья обманчив,
Как сказка с хорошим концом.

Пастернак

Уже ты подводишь итоги.
Стоишь на последней черте.
А помнишь плиту на дороге
И надпись на темной плите?

Таинственно и величаво
Плита среди высокой травы
Гласила: «Пойдешь ты направо —
Тебе не снести головы,

А если направишься прямо —
Схоронишь родных и друзей,
Там ждет тебя черная яма
И все твои милые в ней.

А если свернешь ты налево —
Дорогу забудешь назад».
Величием древнего гнева
Слова на распутьи горят.

И хочешь не хочешь, а надо,
Какой-нибудь путь выбирай.
И выбрал ты с первого взгляда,
А выбрал — уже не пеняй!..

Пошла твоя жизнь по-иному.
Хоть ты порывался потом
Дорогу отыскивать к дому,
Да сам ты не знаешь, где дом.

Идешь ты по жизни с опаской,
Идешь с постаревшим лицом,
А всё еще веришь, что сказка
Должна быть с хорошим концом.

В Санта-Монике нынешним летом
Я бродил по прибрежным кварталам
Со знакомым американским поэтом,
Добродушным, веселым малым.

Я слушал, как чайки плачут,
Как грохочет у берега пена.
Внезапно спросил он: «Что всё это значит?»
И руку поднял недоуменно.

Это он о жизни, всем нам отмеренной,
О чуде, с которым никак не свыкся,
Спрашивал, как ученик, растерянный
Перед загадкой икса.

А потом в кабачке, забавном на диво,
С бочонками-табуретками,
Мы пили холодное пиво
И заедали креветками.

Дни и дороги бегут навстречу,
И, может быть, близко конец маячит.
Я, верно, ему на вопрос не отвечу,
На я и не знаю, что всё это значит!

Зачем я утром к десяти часам
Жду почтальона — я не знаю сам.

Я писем не пишу, да и похоже,
Что мне писать никто не станет тоже.

Но хоть не жду я писем ниоткуда,
А все-таки я ожидаю чуда.

Я жду какой-то вести от кого-то,
Я жду в судьбе большого поворота.

И поступь почтальона издалёка
Я чувствую, как приближенье рока.

Когда во двор вступает письмоносец,
То продирает по спине морозец,

А в голосе его из коридора
Я слышу громы греческого хора.

Но вот богов гонец, судеб посланец,
С холщовой сумкой вестник, приосанясь

И улыбаясь царственно-лучисто,
Дает мне счет от моего дантиста.

И сразу всё темнеет — небо, стены,
На всем следы мгновенной перемены.

И почтальон под темным небосклоном
Становится обычным почтальоном.

Что ни утро — то листья янтарней.
В дым осенний летят торопливы.
Так в штабах отступающих армий
Обреченно сжигают архивы.

На холодном ветру суматоха.
Эта осень совсем как эпоха:
Сколько сорванных, сбитых, сожженных,
Перепуганных и побежденных...

И ветер, и снег,
И темень на улице поздней,
И тени из тех,
Что, сойдясь, замышляют какие-то козни.

И в темном парадном
Не спрятаться и не согреться,
И слышно, как рядом
Под ребрами брякает сердце.

Качаются ветви
В беспмятно-воющем ветре,
В отчаянном ветре
Качаются вечные ветви.

Зачем Ты свои небеса
Расплескал надо мною?
Зачем Ты мне колешь глаза
Непорочной звездой?

Как лодку ночную
Кидает куда-нибудь шквалом —
Я так же кочую
По вздыбленным черным кварталам.

На этой из камня
И глины отлитой планете
Была красота мне
Страшнее всех страхов на свете.

Сияла она,
Как лампада над Дантовым адом,

Грозна и страшна,
Оттого что с погибелью рядом.

Казалось тогда,
Что и космос какой-то двоякий,
Я тоже звезда,
И я тоже сверкаю во мраке.

Из Питсбурга ехал автобус,
Катился на юг в Вашингтон.
Я сел, от других обособясь,
В заботы свои погружен.

И как-то взглянув наудачу,
Я мельком увидел во рву —
Как белая тощая кляча
Неспешно жевала траву.

И столько в ней вечного было,
И столько земного тепла,
Как будто чудесная сила
Земли за окном проплыла.

За броской, за выпренней фразой,
За спешкой писательских дел,
Я, видимо, где-то промазал,
Чего-то я недоглядел.

Поэт, обличитель, оракул,
Эпохи приветствую гул,
А вот над ручьем не заплакал,
А вот над кустом не вздохнул.

А может, вздохну и заплачу,
И правда откроется мне.
Когда-нибудь белую клячу
Я снова увижу в окне.

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

1. МЕТРИКА

Свидетельство о рождении,
Справка о первом вздохе,
Дело о пробуждении
Духа, о пригвождении
К телу, к земле, к эпохе.

Метрическая выпись
О том, что жребию выпасть!

Заверенная подписью,
Каким-то чиновным Пименом,
Что ты не болтаешься попусту,
А ходишь отныне с именем.

Закапан в глаза тебе ляпис,
И есть о том уже запись.

Уроженец владивостоцкий!
Такому не отвертеться
От полуголодного детства
В стране, где Ленин и Троцкий.

Уроженец Владивостока!
Такому с самого детства
От Пушкина и от Блока
Уже никуда не деться!

Родившемуся в Приморье,
Тебе на роду написано
Истинно-русское горе —
Горькая русская истина!

Родившемуся в Приморье,
Тебе на роду начертано
Русское слово прямое,
Вспыхивающее жертвенно.

Метрическое удостоверение.
Подпись секретаря.
Восемнадцатый год рождения.
Дата вторжения
В мир — первое декабря.

2. ПРИВИВКИ

Прививка оспы
И дифтерита.
Но почему же, Господи,
В этой жизни-побывке
Не сделали нам прививки
От хари, оспой изрытой,
От хари этой
Усатой,
От его портретов
И статуй?

Смерть знала способ —
Накликала
Калигулу,
Изрытого оспой.

Жизни шиворот-навыворот,
А конец один —
От него ни сывороток,
Ни вакцин.

С юности иммунитет
К жалости, к слезам,
А была ли юность —
Я не знаю сам.

Грохот с домом рядом,
Чуть ли не в дверях:
Это мне снарядом
Прививают страх.

Канонада до рассвета.
Только будет ли рассвет?
К недосыпу, к недоеду
У меня иммунитет.

Против слабостей и вздохов
Есть в крови антитела.
Нет, не зря во мне, эпоха,
До сих пор твоя игла.

Сердце мне холодным шприцем
Проколола ты насквозь.
Никаких мне снов не снится.
Не приснилось — не сбылось.

3. ПРОТОКОЛ ОБЫСКА И АРЕСТА

Клок бумаги. Протокол.
Расписались понятые.
Дождь таких бумаг прошел
В эти годы по России.

На рассвете проводы.
Увезли куда-то.

(У такого-то, такого-то
То-то и то-то изъято.)

Увезли куда-то.
Где он — не узнаем.
Детство мое изъято,
Смех за вечерним чаем,
Милая теплота
Доброй руки отцовой.

Ляжет бумага та
В память плитой свинцовой.

Переписка ворохом
Свалена — изъята.
Изъято всё, что дорого,
Изъято всё, что свято.

В протоколе пункт один,
Как железный стержень, —
Что задержан гражданин,
Гражданин задержан.

Гражданина уводил
В кителе детина,
И задержан бег светил
Был для гражданина.

Только сел в машину он —
Двинулась машина,
И задержан ход времен
Был для гражданина.

И пропал он, как в дыму,
На заре в июле,

И дыхание ему
Задержали пулей.

Брось на клочок бумаги взгляд,
Только зубы стисни:
Прочитай, как был изъят
Гражданин из жизни.

4. ОБРАЗОВАНИЕ

Математика и химия,
География, история.
Занимался в школе ими я,
Только то была теория.

А когда пошло подкидывать
По ухабам и колдобинам —
Тут я занялся эвклидовой
Геометрией особенной.

В голубом дыму наверхенном
Паровозы шли и фыркали,
А колеса-то начерчены
Будто дьяволовым циркулем.

И составы шли товарные,
И мерцали рельсы инеем...
(Взрывы перпендикулярные
К параллельным этим линиям!)

И дорогою корявою
С пересадками и плаваньем
Изучал я географию
По вокзалам и по гаваням.

И следы свои история
На хребте моем оставила,
Та история, которая
Устанавливает правила,

Что одним-то слава, почести,
Привилегии и премии,
А другим и жить не хочется
В распроклятом этом времени.

И когда вся горечь допита,
И когда вздохнул я с легкостью —
От поставленного опыта
Седина в итоге — окисью.

Иль звездою промелькнувшею
Голова моя побелена?
Без остатка всё минувшее
На добро и зло поделено.

5. ПРОПИСКА

Чиновный какой-нибудь аспид,
Устав кулаками стучать,
Начальственным жестом на паспорт
С размаху прихлопнет печать.

Пустьяшное дело — прописка,
Да нет без прописки жителя.
А вот на холмах Сан-Франциско
Живу непрописанным я.

Пишу о холмах Сан-Франциско,
Где пальмы качают верхи,
И ходят без всякой прописки
По белому свету стихи.

Сегодня как будто бы лишний
С моею судьбой кочевой,
Я все ж современникам слышный,
Как слышен в трубе домовой.

Россия, твой сын непутевый
Вовек не вернется домой.
Не надо, чтоб в книге домовой
Записанным был домовой.

Никто не заметит пропажи,
Но знаю: сегодня уже
Прописан я в русском пейзаже,
Прописан я в русской душе.

В Московском университете
Какой-нибудь энтузиаст
Стихи перепишет вот эти
И дальше друзьям передаст.

И тысячу раз повторенный
Мой стих — мне порукою он,
Что я отделенью районной
Милиции не подчинен!

С милицией, с прокуратурой,
С правительством — я не в ладу,
Я в русскую литературу
Без их разрешенья войду.

Не в темном хлеву на соломе,
Не где-нибудь на чердаке, —
Как в отчем наследственном доме
Я в русском живу языке.

...И прислоненного к вольнолюбивой мачте...

Цветаева

Я на чужбину уезжал в вагоне,
В котором перевозят скот,
Где задыхался скученный народ
От пыли, мусора и вони.

Раскаты пушечной пальбы
Да паровоза визг смертельный.
Там даже не было отдельной
Высокой человеческой судьбы.

А так: куда-то устремясь,
Тащились полчища без счета.
Ненастье. Серость. Скука. Грязь.
Хлябь. Слякоть. Месиво. Болото.

Едва кое-как рассовал ты
По полкам свою дребедень —
И вот уже мчится асфальтом
Косая автобуса тень.

На запад, на север, куда-то,
Куда-то на юг, на восток
В изгибах, в подъемах и скатах
Расходятся сотни дорог.

И я по судьбе непоседа —
Вся жизнь у меня на ветру...
Наверное, снова заеду
Куда-то в глухую дыру.

Пора мне подальше убраться
От города и горожан —
Под знойное солнце плантаций,
В дворянские гнезда южан...

А может быть, двинусь в Канаду,
На север холодный махну,
Чтоб где-нибудь у водопада
Закидывать в воду блесну.

Безумствуют горные реки,
Гремят они ночи и дни...
Вот так же и в каменном веке,
Наверно, гремели они.

И всё мне мечтается, будто
Я в жизни какой-то другой
Встречаю огнистое утро
В палатке над горной рекой.

Леониду Ржевскому

Тебя поздравляю сегодня, друг,
С итогом высоких дней!
Еще мы вытянем семьдесят щук
И семьдесят окуней!

Затем я сегодня к тебе пришел
И руку твою потряс,
Чтоб сесть нам семьдесят раз за стол
И выпить семьдесят раз!

Да здравствует водка, икра, балык,
Давай наливать в дым!
Еще мы напишем семьдесят книг
И семьдесят издадим!

И руку тебе я затем потряс,
Чтоб время любило нас,
Чтоб нам согрешить еще семьдесят раз
И каяться семьдесят раз!

Неважно — прозаик или поэт.
Главнейшая из задач,
Чтоб так же, как ты, и в семьдесят лет
Пить этот чертов scotch!

И я с тобой говорю сейчас,
И всё о том же мой сказ:
Чтоб в покер сыграть нам семьдесят раз
И выиграть семьдесят раз!

Пусть время несет меня на волне,
Давно я пустился вплавь,
Но в день, когда семьдесят стукнет мне,
Ты тоже меня поздравь!

Затем, чтобы время любило нас,
Чтоб годы пускались в пляс,
Чтоб нам еще встретиться семьдесят раз
И чокнуться семьдесят раз!

В туристическом бюро
Все по карте разберут.
Там придумают хитро
Занимательный маршрут.

Доктор за ноги берет,
Доктор мне дает шлепок.
И малютка-самолет
Первый делает рывок.

Дом родильный. Отправной
Пункт. Ночной аэродром.
Вон созвездье надо мной
Закачалось топором.

И в пролет оконных рам
Наливают синеву.
По садам и по дворам
Я в коляске поплыву.

А потом, большой совсем,
В школу я иду пешком.
Мне пройти кварталов семь,
Каждый дом мне тут знаком.

Погуляй, душа! Дыши
Снежным светом января.
Ах, как числа хороши
На листках календаря!

Но из школы в стон и плач,
Как в поход, уходим мы.

Очереди передач
Под воротами тюрьмы.

И, развеянные в прах,
Полетим, унесены
На телегах и возах
По обочинам войны.

Путешествие мое!
Карта времени в руках.
То случайное жильё,
То посадка впопыхах,

Самолеты, поезда,
Океанский пароход...
Где ж она, моя звезда,
И куда она ведет?

Над зеркальным черным льдом
Полуночной вьюги свист.
Бухта смерти. В Отчий дом
Возвращается турист.

ПЕТРУШКА

Петрушка: А, почтеннейшая публика!
Дорогие современники!
Всем вам — дырочка от бублика,
А мне — с вишнею вареники.

Мне — тарелку каши гречневой,
Мне — говядину тушеную!
Современники, конечно, вы
Обойдетесь кашей пшенной.

У меня — бутылка вермута —
Запивать мои вареники,
А сивуха мной отвергнута
В вашу пользу, современники!

На столе моем — пирожные,
И я кофе пью со сливками,
А у вас столы порожние,
Вам и хлеб дают урывками.

У меня матрац пружинистый!
А за ваш тюфяк соломенный —
На толкучку если вынести —
Не дадут и грош поломанный.

У меня колпак-то с кисточкой,
И ношу я обувь лаковую.
Величают люди выскочкой —
Я из ящика выскакиваю!

Называюсь я Петрушкою,
Прозываюсь шаромыжником,

Я дерусь пивною кружкой,
А кидаюсь я булыжником!

Эй вы, старые и малые,
Эй, мальчонка со старухою —
Заходите — всех пожалую
Здоровенной оплеухою!

Заходите все — охочие
До веселой скоморошины!
Кулаком вас так попотчую,
Что уйдете огорошены!

Я цыпленка люблю
С кашей рисовою!
И стишонки к тому ж
Я пописываю!

Во саду ли, в огороде
Галки тучей носятся!
Это к нашей теме, вроде,
Вовсе не относится.

Вон цыган плетется с клячею.
Кляча где-нибудь украдена.
И хромая, и незрячая,
И у ней на морде ссадина.

Цыган: Конь арабских кровей!
Честное слово!
Не найдешь нигде, ей-ей,
Скакуна такого!

Эй, Петрушка, давай
Мне рублевок пачки,
Да с конем поезжай
Поскорей на скачки!

Конь недаром между глаз
Звездочкою мечен,
Первый приз ему тотчас
В скачке обеспечен!

Петрушка: Как ты смеешь лезть ко мне
С гнусною скотиной?
Сто ударов по спине
Получай дубиной!

(Бьет цыгана, тот с криком убегает.)

(к лошади): Эй ты, мерин вислоухий,
Погуляй-ка во поле!
Было время — с голодухи
Мы конину лопали.

Во саду ли, в огороде
Галки тучей носятся,
Это к нашей теме, вроде,
Вовсе не относится.

Лекарь: И трясучку, и коросту —
Всё излечит лекарь, —
Из-под Каменного мосту
Фармазон-аптекарь.

Знаю, что ты должен есть,
Что тебе полезней.
У меня рецепты есть
Ото всех болезней!

Покупай медикамент,
Снадобье-микстуру, —
Отрастишь в один момент
Чудо-шевелюру!

Сто пилюль недорогих
В коробке закрытом.
Проглоти одну из них —
Будешь месяц сытым!

А еще, крещеный мир,
Сущее богатство:
Продается эликсир
Равенства и братства!

Хочешь целый пузырек?
Вся цена — полушка.
Развяжи свой кошелек,
Покупай, Петрушка!

Петрушка: Мне на это денег жалко,
К черту мазь и порошки!
Доберусь я лучше палкой
До твоей пустой башки!

(Бьет аптекаря, тот проваливается.)

Ах как много всяких этих
Экономик да эстетик
Лекари-аптекари
Нам накукарекали!

Во саду ли, в огороде
Галки тучей носятся.
Это к нашей теме, вроде,
Вовсе не относится.

Немец: Сколько зим и сколько лет!
Здрате, Петр Иваныч!

Петрушка: Это немец, мой сосед,
Иоганн Христьяныч.

Немец: Я могу играть на флейте
И могу ходить с ружьем,
И хоть гвоздь мне в лоб забейте,
Настояю я на своем!

Из картошки отварной
Спечь могу я пряник,
А из банки жестяной
Сделать подстаканник!

Но, приученный к труду,
Не терплю я лоботрясов,
Даже рельсы я кладу,
Как сказал поэт Некрасов!

Ах, Петрушка, я люблю
Вид твой молодецкий!

Хочешь, для тебя сошью
Я кафтан немецкий?

Петрушка: Сшей-ка мне кафтан-багрян
Да длиной до пяток,
А пока что за кафтан
Получай задаток!

(Бьет немца палкой, тот с криком исчезает.)

Тут не шутки, не игрушки!
С немцем вечная возня.
Сколько раз уже из пушки
Он всерьез палил в меня!

Во саду ли, в огороде
Галки тучей носятся.
Это к нашей теме, вроде,
Вовсе не относится.

А быть может, и относится
Это к нашей теме.
Что несу я окоlesiцу —
Я винюсь пред всеми.

Через годы, через грязь
По толкучкам жизнь плелась
Меченой, бродячею
Краденою клячею.

И за мной еще вчера
С автоматом бегали
И ефрейтор-немчура,
И свои аптекари.

Где угнаться им за мной,
Шалым прощельгою?
Как петрушка площадной
Целый век я прыгаю.

Целый век веду войну,
Всем и вся перечу,
И всего еще одну
Ожидаю встречу.

В балагане столько раз
Смерть мою обманывал,
Только ныне без прикрас
Я играю заново!

У меня хоть длинный нос,
Да она безноса,
И покаты под откос
Все мои колеса!

К удивленью вящему
Зрителей вопящих —
Тут по-настоящему
Я сыграю в ящик!

Во саду ли, в огороде
Галки тучей носятся.
Это к нашей теме, вроде,
Прямиком относится.

Всё, кажется, в полном порядке.
Не злюсь я на долю мою.
Подстриженным деревом в кадке
У двери вокзальной стою.

В клоках паровозного дыма
Снует по перрону народ.
Иной пробегающий мимо
Мне в кадку окурков швырнет,

Иль старую бросит газету,
Иль кинет пустой коробок...
Но вот уже слышится где-то
Последний, прощальный звонок,

И в арке ночного пролома
Вагоны исчезнут за тьмой.
Одни уезжают из дома,
Другие приедут домой.

И мне бы усталые корни
В родимую землю уткнуть,
И мне бы огонь семафорный
И рельсовый сказочный путь.

Узнал бы, как в деле проворен
И как беспощадно остер,
Срубая деревья под корень
Гуляет родимый топор.

Так бывает, что от мыслей горьких
Места не могу себе найти.
Пропадаю где-то на задворках.
Сбился окончательно с пути.

Впрочем, сокрушаться я не вправе:
Есть домишко, есть лежанка, печь...
Ну, а если возмечтать о славе —
Можно храм какой-нибудь поджечь.

Человек на дороге
В римской тоге
Иль в рыцарском панцире,
Иль в гимнастерке,
Иль оборванцем
Убогим
В опорках...

По сторонам — пожарища,
Его провожающие.

Что это — Рим,
Подоженный Нероном,
Иль это мы горим
В Киеве обреченном?

Человек на пожаре.
Медный блеск облаков.
Написан сценарий
Для всех веков.

Дом, отпылавший факелом,
Дымом квартал заволакивал.

Мечутся по мостовой
Люди с жалкой поклажей.

Ветер кривой
Кидается сажей.

Рыцарь в броне,
Что там погребло в огне?
Герб родовой на стене?

Или тот самый
Шелковый шарф,
Вышитый дамой
Под звоны арф?

Шла татарва
Городищем спаленным.
Сухая трава
Горела по склонам.
Что там в пылающей грамоте,
Писанной на пергаменте?

Я видел, как щебнем и прахом
Валился очаг.
Как люди стояли со страхом
В очах.

Я на земном шаре
Жил и стоял на пожаре.

Топот тысяченогий
Катится по дороге.
Точно земля задрожала,
Громом потрясена.
Что там — слоны Аннибала
Иль пушки Бородина?

Ночью кошмарной
Землю трясет пальбой.
Битва на Марне
Или Полтавский бой?

Или персидский Дарий
От скифских бежит полков?
Написан сценарий
Для всех веков.

Слышишь поступь солдата?
Крови сегодня течь.
Очередь автомата
Или короткий меч.

Много войною взято,
Да не велик итог.
Высится над солдатом
Крохотный бугорок.

Вот он — огромный, темный,
Головоломный провал.
Наверно, уже не помнит,
За что и с кем воевал.

Были они да сплыли,
Скошенные войной.
Веточка на могиле
Зазеленеет весной.

Из времени, как из дыма,
Выйдя шагом стальным,
Солдаты проходят мимо
И снова уходят в дым.

Человек на дороге.
Гор потемнели отроги.

А позади — стража
У городских ворот.
Ночью идти страшно,
Но человек идет.

С родины изгнанный,
В драной хламиде, замызганный,
На берегу Дуная
Стоит человек, вспоминая
Город, солнцем обрызганный.

Или в карете черной
Скачет из княжества,
Пока не уляжется
Какой-то скандал придворный.

Берег уже отдален.
Встала волна-громада.
А позади — Альбион,
А впереди — Эллада.

Или в вагоне,
Иль в самолете.
И о погоне
Ветер поет на высокой ноте.

Или на паре
Лихих рысаков.
Написан сценарий
Для всех веков.

Некуда деться.
А надо куда-нибудь деться.
Что позади — Флоренция,
Иль позади Одесса?

И от грудного стука
В мокрых глазах качанье.
А позади — разлука,
А позади — прощанье.

А позади — застава,
А позади — граница,
И всё, что ты там оставил,
Будет до смерти сниться!

Люди уходят в дым,
Тонут в дыму, седея.
Снится одним — Крым,
Снится другим — Вандея.

Мне ж маячат во мраке
Беженские бараки.

У самого дома взъерошенным кленом,
Мой день, ты еще надо мною шумишь,
И ты, моя улица, хламом зеленым
Завалена вся от подъездов до крыш.

Земля подо мною крутилась не даром:
Нет-нет, да и свалит куда-нибудь вкось,
Но хоть ускользала вертящимся шаром,
А всё ж уцепиться за край удалось.

И около красных заречных закатов,
И рвов, и мостов, и холмов, и церквей,
Меня в огороженный дворик упрятав,
Бушуют косматые толпы ветвей.

Кирпичные тучи из труб отработав,
По целому небу костры разбросав,
За длинным оврагом литейных заводов
Грохочут и ночью и днем корпуса.

Так что же — вот это моя усыпальница,
Гробница моя и мой вечный покой?
Вот этой землей мое тело завалится
И станет когда-нибудь этой землей?

А там некрологом не очень подробным
Почтят на последнем газетном листке
И сделают надпись на камне надгробном
Совсем на каком-то другом языке.

Мы пушкинским словом бездонно-хрустальным
Еще и сегодня с тобою живем.

Так что ж тебе делать со звуком печальным?
Так что ж тебе в имени дальнем моем?

Зачем же опять я над сеткой железной
Тебе посылаю мой теннисный мяч,
Мой стих отрешенный, мой крик бесполезный,
Подхваченный ветром моих неудач?

Так что же мне делать с моею печалью,
Чтоб стать ей навеки печалью твоей?
Куда я с моими стихами причалю?
Скажи мне, куда я плыву без огней?

А может быть — ветер попутный со мною,
А может быть — я оседлаю волну,
А может быть, я, как высокой волною —
Высоким стихом до тебя доплесну!..

СЕМЕЙНЫЙ АРХИВ

Мне из Москвы писали
(Участвовать пригласив),
О том, что хранится в ЦГАЛИ
Наш семейный архив.

Задуматься есть причина,
Что там ни говори.
Воображаю, как чинно
Выглядит всё внутри.

За стеклами в морозилке
Хранится родитель мой,
Положен с пулей в затылке.
Дата: тридцать восьмой.

А рядом с отцом на полке
Заполнены все места —
Сплетни и кривотолки,
Доносы и клевета.

В отделе того же года
Хранится газетный крик.
Вырезка — «Враг народа»
Болтается, как ярлык.

Тут же и комнатенка
С полуслепым окном,
Куда меня, как котенка,
Вышвырнул управдом.

Наверно, среди архива
Им тоже место нашлось —

Знакомым, что торопливо
При встрече глядели вкось.

Тут даже оскал разъяренный
Пса, угрожавшего мне,
Которого вдоль перрона
Охранник вел на ремне,

Когда в товарных вагонах,
Растянутых на версту,
Гуртом везли заключенных
Куда-нибудь на Воркуту.

И думали вы, что сунусь
С воспоминаньями я
В архив, где хранится юность
Растоптанная моя?

Вверху хрусталем и хромом
В антракте зажгли звезду.
Раскланиваюсь со знакомым
В четырнадцатом ряду.

А сцена пуста. Не там ли,
Вперед наклонясь чуть-чуть,
Просил Офелию Гамлет
В молитве его помянуть?

Я страх почувствовал некий,
Что Гамлет просил о том
Уже в семнадцатом веке.
Попросит в двадцать шестом.

И перед этую тайной,
Что столько веков живет,
Я — только совсем случайный
Незначущий эпизод,

И что искусство мудрее
Во многом жизни самой,
И что костюм устареет
Не гамлетовский, а мой.

Что здесь, у самого края
Сцены, живущей века,
Зрителя я играю,
И роль моя коротка.

МАГАЗИН ИГРУШЕК

Магазин игрушек.
Сколько погремушек!
Прямо из окошек —
Выставка матрешек.
Вон дрыгун, вон прыгун,
На веревочке вертун!
Рядом с этим дрыгунцом —
Пограничник с ружьем.
Вон пожарник в каске,
Куколка в коляске.
Крашенные кубики
Для дошкольной публики.
А у самых у дверей —
Деревянный воробей:
Заведешь ключом пичужку —
Чик-чирик да скок-поскок.
Продавец продаст игрушку,
Запакует в коробок.

Жизнь сегодня подытожа,
Сделал вывод я один:
Жизнь совсем была похожа
На вот этот магазин.
Был дрыгун я, был прыгун,
Был я по миру скакун,
А за мной, за дрыгунцом —
Пограничник с ружьем!
От него я тягу дал,
Удирать я был удал!
И среди путей-дорожек
Моего житья-бытья
На хорошеньких матрешек
Как засматривался я!

Жизнь горела, жизнь пылала,
Жизнь меня кидала в жар,
И пожарников немало
Заливало мой пожар!
Несмотря на эти встряски,
Я нисколько не тужил, —
Я дитя возил в коляске,
Дом из кубиков сложил.
И теперь я — ей-же-ей —
Деревянный воробей!
Есть какой-то голосок:
Завожусь я на часок!
Мой последний вечер — вот он!
Мрак вокруг меня глубок.
Очень скоро буду продан:
Запакуют в коробок!

Проснулся ночью — болит плечо.
Ну что же, значит — я жив еще.
От жизни больно, как от ушиба.
А все же Богу за жизнь спасибо.

Кому столицы, кому задворки,
А я остался в ночном Нью-Йорке.
Себя я вижу за стойкой в баре.
А за окошком — фонарь в угаре.

По виду скажут — бывалый малый,
Чуть-чуть сутулый, слегка усталый...
А сам себе я по всем приметам
Казался ветром, звездой, поэтом!..

Но только время — песок сыпучий.
Улегся ветер, звезда за тучей...
Да и с годами о всяком хламе
Устал я звездно звенеть стихами.

Ну, что же, — с болью, так, значит, с болью.
Уже свыкаюсь я с новой ролью,
И телогрейка моя на вате,
И вечерами окно в закате.

И клен знакомый — совсем у дома,
И сад за домом, где всё знакомо.
Всё то же кресло стоит в гостиной.
Жизнь оказалась довольно длинной.

В добротных фуражках Добрыни Никитичи
Стоят на трибунах иконно,
И тысячи тысяч, по площади идучи,
Несут исступленно знамена.

А в мире осеннем одни несурразности,
И всё заграбастает скоро
Октябрь, подползающий желтой опасностью
К ольхе, что стоит у забора.

Никто не отыщет спасения скорого,
Но, русские люди, молитесь,
Чтоб в поле на тягу набрел Святогорову
Мечом опоясанный витязь.

Мы весело жили, и мглу
Вечернюю мы не заметили,
А смерть где-нибудь на углу
Уже расставляет свидетелей.

И может быть, тот нелюдим,
Сопящий над чашкой с мороженым,
Склонится над телом твоим,
У будки газетной положенным.

По виду суровый такой,
Взглянув на тебя озабоченно,
Махнет безнадежно рукой —
Что, дескать, с тобою покончено!

Пройдешь ты остаток пути,
Простишься ты с жизнью налаженной.
Ах, если бы с толком пройти
Вот эти последние сажени!..

Чтоб даром твой дух не угас
Среди обступающей темени,
Рискнул бы ты правду хоть раз
Сказать о себе и о времени,

Блеснул бы ты правдою той,
Что прячут от всех по обычаю,
Что смерти равна простотой
И смерти равна по величию.

Вот она — эпоха краха
С рыхлой суматохою!
Трепыхаемся от страха,
На ухабах охая.

Вот она — эпоха-пряха,
А какая выгода?
По смирительной рубаше
Каждому для выхода!

Вот она — эпоха-сваха,
А свяжись с пройдохой —
Вместо Гретхен, бедолага,
Будешь жить с Солохою!

Вот она — эпоха-шлюха,
Хриплая, махровая.
Если хочешь — с нею плюхай
На постель пуховую.

А ресницы бахромою,
Точно у цыганочки,
Только быть тебе Хомою,
Да верхом на панночке!

Ах, эпоха-запивоха!
Как разит сивухою!
На тебя дохнет эпоха —
Так и рухнешь рюхою!

Вот она — эпоха спеха,
Скорости разаховой!

От Мисхора до Палеха
В полчаса отмахивай!

Любит бляхи щеголиха,
Вешает, дуреха, нам,
Чтоб прохаживаться лихо
Чучелом гороховым!

И вот с этой-то эпохой
Я по свету трюхаю —
Если плохо — с хлебной крохой,
Хорошо — с краюхой!

А эпоха-то с подвохом,
С плахой да с обухом!
А у роковой эпохи
Раковая опухоль!

Засядут в кабинете
Чиновники матерые
И для всего на свете
Придумают теории.

А мне бы в пять часов утра
Стоять посередине двора
И, как собака, в ноздри
Вбирать холодный, острый,
Настоянный на звездах
Передрассветный воздух.

А им бы день и ночь подряд
Ворочать ворохи цитат,
А им бы только как-то,
Хоть про булыжник с тракта
Потолковать абстрактно!

Произвели они расчет,
Куда история течет, —
А я бродяга-звездочет,
История на кой мне черт!

Любой из них перо берет
Строчить доклад или трактат
О том, как, сделав шаг вперед,
Прodelать два шага назад.

А мне и мир-то Божий
Почувствовать бы кожей,
Я на земле прохожий
С восторженной рожей!

Люблю базар и кавардак,
И беготню гусей и кур,
Я на селе Иван-дурак,
Я в балагане — балагур!

Они гражданские права
Вытаскивают изо рта,
Как фокусник из рукава
Пускает голубей до ста...

А я туда иду в поход
Вослед за боевой трубой,
Где с мельницею Дон-Кихот
Ведет самозабвенный бой!

Где облаками в синеве
Несется вереница дней,
Где медный таз на голове
Оксфордской шапочки важней!

На пустыре, забором огороженном,
Землечерпалки роют котлован.
А я хожу каким-то растревоженным,
Наверно, люди думают, что пьян.

Уже закладка началась фундамента,
Подвоз цемента, балок, кирпича,
А я иду по улице, беспамятно
Какие-то обрывки бормоча.

А в центре пустыря начальство высшее
Стоит, над чертежами ворожа,
А вот для моего четверостишия
Никто мне не покажет чертежа.

Глядишь — и над цементною площадкою
Воздвигнут металлический каркас,
А у меня слова такие шаткие,
А стойких слов я в жизни не припас,

А у меня слова такие ломкие,
Что я не знаю, как их убережь.
Эпохи ветер налетает, комкая
Мою невразумительную речь.

Что будет в этом здании? Кузнечные
Цеха, или музей, или вокзал?
Векам на зависть балки поперечные
С продольными строитель увязал.

А я хочу, чтоб было долговечнее
То слово, что я шепотом сказал...

НАПЛЫВ

Мы выезжали из Чикаго,
А может быть, из Конотопа,
Из Киева, из Магадана.
И, как в атаку из окопа,
Кидался ветер из оврага
И налетал на нас нежданно.

Мы выезжали из Чикаго.
Нас было четверо в машине.
Тот день был днем последним года.
Шоссе белело, как бумага,
Стояла зимняя погода,
Но снега не было в помине.

Но память не дает мне спуску,
Переставляет то и это
По собственному произволу.
(Вот по Андреевскому спуску
Мчит Скорой помощи карета
По направлению к Подолу.)

Мы выезжали из Чикаго.
Катились мы по автостраде.
Ветров могучая ватага
Нас била спереди и сзади,
Ветров свирепая орава
Нас била слева, била справа.

Мы выезжали из Чикаго.
(А может быть, из Куреневки
Мы ехали на хутор Грушки.
Забылся раненый, бедняга.

За городом без остановки
Переговаривались пушки.)

Мы выезжали из Чикаго,
Мы не заметили, что в трансе
Мы очарованно застыли,
Что мы не сделали ни шагу,
Что едем в том автомобиле
Во времени, а не в пространстве.

Мы выезжали из Чикаго.
Над озером кричали птицы.
Мы в путь пустились на рассвете.
(Еще далеко до больницы.
Очнулся раненый в карете,
На нем шинель, пилотка, фляга.)

Мы выезжали из Чикаго.
Оставленные небоскребы
Вдали затягивались дымом.
Мгновенье — как земная тяга,
Мгновенье нам дается, чтобы
Остаться в нас неистребимым.

(Трясло карету на пригорке.
Его шатало и бросало,
Но он держался, молодчага,
И только попросил устало
Свернуть закрутку из махорки.)
Мы выезжали из Чикаго

Или из даты новогодней?
Из календарного порядка?

Из часового циферблата?
Из потускневшего сегодня?
Мы двинулись в «давно когда-то»,
У нас на звездах пересадка.

(А из дорожного зигзага
Еще не вырвалась карета,
Ухабам отдана на милость.
Мне, может быть, тогда приснилось,
Что я за океаном где-то,
Что выезжаю из Чикаго.

И может быть — еще мне снится
Иль кажется, по крайней мере,
Что клиника за поворотом.
Но раненного минометом
Не довезли мы до больницы —
Скончался от кровопотери.)

Ну как уgomониться слабым,
Войной чудовищною смятым,
Моим издергавшимся нервам?
Я думал, в семьдесят девятом,
А оказалось — в сорок первом
Еще я еду по ухабам!..

(Я снова в Киеве военном,
Я с коченеющим солдатом
Лечу по спускам и подъемам,
А день расплавился закатом
По этим, с детства мне знакомым,
Кирпичным желтоватым стенам.)

А мне казалось — из Чикаго
Я выехал в автомобиле.
(Но вот пошла дорога криво,
И мы с трудом заколесили,
И около универмага
Нас бросило волною взрыва.

Но уцелела всем на диво
Разболтанная колымага.
Вослед за этим взрывом третье
Уже прошло десятилетье) —
Мы по дороге из Чикаго
От этого взлетели взрыва!

Машина сумасшедшей птицей
На сосны кинулась с откоса
И загремела вдоль оврага,
И на дороге из Чикаго
Я с переломанной ключицей,
Я с кровью, хлынувшей из носа.

Колен разорванные связки
И переломанные ребра,
Десятки синяков и ссадин.
Я очень скоро буду найден,
И, как Иван-царевич в сказке,
Я буду по кусочкам собран.

Меня положат на носилки,
И вежливые санитары
Перенесут меня в карету,
И, несмотря на боль в затылке,

На переломы, на удары,
У них спрошу я сигарету.

В карете на носилках лежа,
Затягиваясь стружкой дыма,
Я понимаю, что мне плохо,
Что жизнь моя непоправима,
И с чем-то очень давним схожа
Сегодняшняя суматоха,

Сегодняшняя передряга,
Что я живу уже сверхплана,
Что существую рикошетом,
Что, видимо, по всем приметам
Не существует ни Чикаго,
Ни Киева, ни Магадана,

Ни Конотопа, ни вселенной,
А только есть одна дорога,
А на дороге катастрофы...

У МОЛЬБЕРТА

Сергею Бонгарту

Ему, как истому артисту,
Не помешает жест актерский,
И у холста взмахнул он кистью,
Как палочкою дирижерской.

Чуть-чуть разметивши пространство —
(К холсту пять-шесть прикосновений!)
Стал блеском бронзовым бросаться
И осторожно вешать тени.

Цветастая неразбериха!
Веселых красок суматоха!
То размахнется кистью лихо,
А то с медлительностью вздоха.

Неясно, что он там задумал, —
Он занят был работой странной:
Он мне казался стеклодувом,
Что выдувал пузырь стеклянный.

Но вот — частица за частицей —
Сперва едва, сперва миражем
То тут, то там сирень круглится,
Плюмаж вздымая над плюмажем.

Там контур появился жесткий,
А там — расплывчатый, ущербный,
И кисть уже не дирижерской —
А стала палочкой волшебной.

Видно, было мне так назначено,
Что я жизнь мою прожил начерно,
Что явился я с опозданием
На свидание с мирозданием.

Видно, так уже предназначено,
Видно, так уже напрощено,
Чтоб была душа озадачена,
Чтоб была душа озабочена.

Испокон, видно, так налажено,
Видно, сужено да положено,
Чтоб гудела душа, как скважина,
Ветром времени потревожена.

Видно, так уже предначертано,
И никем еще не нарушено:
Надо всем, что на свете мертвенно —
Приоткрыта душа-отдушина.

А живем мы незаренными,
Много хлама в пути накидано.
Сквознячками потусторонними
Нас прохватывает неожиданно.

Рано утром над землю нашею
Пролетаю я на самолете.
Облака большие манной кашею
В персиковом плавают компоте.

Верно бы, Цветаева обиделась,
Верно, обозвала б гастрономом...
Что же делать, если так увиделось?
Я сравнил с предметом мне знакомым.

В небе все и проще и понятнее.
Отдых для меня полеты эти.
Да и каша в небе — поприятнее
Той, что заварили на планете.

Еще много хороших вещей на земле,
Еще вздыблена лошадь с царем на скале,

Разлетается тога с царевых плечей —
На земле еще много хороших вещей.

Декорации брошью блистают во мгле,
Еще много хороших вещей на земле.

Приготовлены строго смычки скрипачей —
На земле еще много хороших вещей.

Гумилев и Волошин, Вийон и Рабле,
Еще много хороших вещей на земле,

И высокого слога не сохнет ручей.
На земле еще много хороших вещей.

Еще много хороших вещей на земле —
И рассвет, что ерошит листву на ветле,

И взлетают со стога десятки грачей.
На земле еще много хороших вещей.

Я целую ладошки твои в полумгле.
Еще много хороших вещей на земле.

Обжигай, недотрога, меня горячей.
На земле еще много хороших вещей.

И душистый горошек стоит в хрустале —
Еще много хороших вещей на земле.

Еще много у Бога и дней, и ночей.
На земле еще много хороших вещей.

День начинался медленно. Сперва,
По-зимнему обутый и одетый,
Он из кладовки приносил дрова,
Лучину в печке разжигал газетой.

Часы идут. Дрова в печи свистят.
К полудню воздух в комнате просушен.
А я едва включаю термостат —
Течет тепло над сетками отдушин.

Крошащиеся времени пласты
Ты измеряешь мерою какою?
Ты меришь время тем, что сделал ты,
Иль тем, что время сделало с тобою?

Обдаст полено запахом смолы,
В печи огонь блеснет, подобно чуду,
И озарит все в комнате углы...
А я о термостате позабуду.

Что значит миг? Секундной стрелки сдвиг?
Один живет от сдвига и до сдвига,
А для другого целый мир возник
В течение взметнувшегося мига.

А у кого для жизни больше сил?
Чей день светлей? Чьи озаренья шире?
И времени кто больше получил,
Чтоб разобраться и в себе, и в мире?

Мой век! От стука
Ночного в дверь
Пошла наука
Больших потерь.

Мой век ущербный,
Мой век-недуг
Листал учебник
Колымских выюг.

Мой век! Ты — школьник,
И твой диплом
Добыл ты в штольнях
Тупым кайлом.

Мой век! Экзамен
В полярный вуз
Ты сдал слезами
Российских муз.

В краю студеных
Глыбастых льдов —
Плоды ученых
Твоих трудов.

Почетный доктор
Бушлатных прав,
Мой век, продрог ты,
В метель попал.

С таежных елок
Не сходит снег.
Постыдно долог
У века век.

Сочиняю сценарий для фильма.
Первый кадр: золотится закат,
Озаряется озеро Ильмень,
А над озером сосны стоят.

Небольшая домашняя нечисть,
Самодельный критический черт.
(Обязательно с чертом я встречу,
И он мне наставленья прочтет!)

«Отчего не берешь ты Нью-Хемпшир?
Что ты озеро Сквам не берешь?
Летний день, над водою померкший,
Так для первого кадра хорош!

У тебя в поэтическом фильме
Несуразностей быть не должно,
И не видел ты озера Ильмень,
И в другом полушарье оно!»

Мне подыскивать надо героя —
Без героя и фильма-то нет.
Понемногу наметились трое:
Академик, священник, поэт.

И пойдут они все по дороге,
Что трудна, и крута, и пряма,
Будут правду искать, а в итоге
Эмиграция или тюрьма.

А у черта на это в запасе
Нехороший презрительный смех:

«Убирался бы ты восвояси,
На крови спекулировать — грех!

Лучше взял бы ты школу в Вермонте.
На привычные вещи взгляни:
Видишь — там, на ночном горизонте,
Автострадаю мчатся огни.

Вот одна из возможных версий:
Там — стеклом ветровым отражен —
Твой герой, паренек из Нью-Джерси,
И зовут его, может быть, Джон...»

Я для фильма искал героиню,
И почти что обрел во плоти:
Я позарился на балерину,
Что на Запад решила уйти.

Оказалось — совсем не годится:
По примеру блистательных див
Обзаводится виллою в Ницце,
Мой сценарий вконец загубив.

Неудачи преследует демон,
Или бедный талант мой иссяк, —
Только фильмы на русскую тему
У меня не выходят никак.

Я живу всё странней, всё нелепей,
И в бессмысленный сон погружен,
Вспоминаю всё чаще о цепи,
О распавшейся цепи времен.

Вот мне и стало казаться,
Что стихи мои тоже так,
Как солдаты, четко по плацу
Отбивают за шагом шаг.

А душа моя по-другому,
А душа моя, как назло,
То проскальзывает невесомо,
То волочится тяжело.

Сочинитель, к беде готовься!
Будет участь твоя плоха,
Если не совпадает вовсе
Шаг души с шагами стиха.

ВАСИЛИЮ БЕТАКИ

Я очень Вас благодарю, Бетаки,
За Ваши негодующие строки.
Люблю стихи, подобные атаке,
Стихи, как партизанские наскоки!

Нас заливают мутные потоки
Газетной злопахательской клоаки,
Стрекочут нам партийные сороки
Дежурно-показательные враки.

У этих — бронированные щеки
Не заалеют от стыда, как маки.
Кто устыдился — в лагерном бараке
Отсидживает длительные сроки.

Для многих эти времена жестоки,
И многие живут, как на биваке,
В Москве, в Нью-Йорке, в Риме, в Нагасаки
Шумят над нами мировые склоки.

Мы все в литературе одиноки,
И потому так дороги нам знаки
Внимания, и я за Ваши строки
Еще раз Вас благодарю, Бетаки.

ЧУЧЕЛО

Вот я качаюсь — чучело,
А надо мной — воронье.
До самых бровей нахлобучено
Фетровое рванье.

А из-под фетра — патлы
Соломенные торчат,
А на портках — заплаты
Голубоватый квадрат.

На шее кругом намотано
Продранное тряпье.
Качайся по ветру — вот оно,
Чучелово житье.

Рубаха моя подпоясана
Веревочкою гнилой.
Ветви осеннего ясеня
Швыряют в меня листвою.

Грубо углем намалеваны
Брови, и нос, и рот.
Раскачиваюсь зареванный —
Дождь на меня идет.

И в эту погоду аховую,
На огород водворен,
Я рукавами размахиваю,
Распугиваю ворон.

Ну что же, — обломком угольным
Рожу всю перемажь!

Я тоже в театре кукольном
Трагический персонаж.

Все мы загримированы
И выражены пестро,
А я еще нафаршированный, —
Во мне — не мое нутро!

Тырсой набит, соломою,
Войлоком и трухой.
Как будто лицо знакомое,
А стал я совсем другой.

В чучелы угораздило, —
Ну так — теперь держись!
Ловким чучельным мастером
Ты оказалась, жизнь!

Пришиты к лицу неслыханные
Буркалы из фольги,
И даже в череп напиханы
Искусственные мозги!

Покачиваюсь, раскачиваюсь
В сторону из стороны,
Всячески выпендрячиваюсь —
А воронье хоть бы хны!

Пол-огорода склевано,
Затоптано, разорено,
Птицами разворовано
Собранное зерно.

Чучелу понаскучили
С бандой ворон бои.
В тысячу раз не лучше ли,
Если мозги свои?

Вставьте в меня, пожалуйста,
Сердце вместо трухи,
Чтоб затевал я шалости,
Чтоб сочинял стихи,

Чтоб трепака отплясывал,
Чтобы глушил самогон,
Чтобы читал Некрасова,
А не пугал ворон.

Суетись всю жизнь, кружись
Без толку в бедламе.
Лучше б нам у входа в жизнь
Дали по программе.

Я бы знал: я генерал
Или только клоун,
Знал бы я, какой финал
Мне приуготован.

В жизни не произойдет
Путаницы с нами,
Если знаем наперед,
Сколько актов в драме,

У кого какая роль,
У кого какая боль,
Кто ты — шут или король,
Единица или ноль.

Героиня какова,
И в какой картине,
И какие ты слова
Скажешь героине.

Знать бы, кто руководит
Частью музыкальной,
Принимать веселый вид
Или вид печальный?

Декорации взойдут,
Когда свет потухнет,

Или жизнь мою дадут
Прямо в серых сукнах?

Чуть программу приоткрой —
Видно из программы, —
Всеблагой или Другой
Постановщик драмы.

НАДПИСЬ НА ПЕРЕВОДЕ
«ТЕЛА ДЖОНА БРАУНА»

Иосифу Бродскому

Корму обрызгало шампанское
Из размозженной вдрызг бутылки.
Корабль сползал, цепями лязгая.
Махину на воду спустили.

И вот уже морского странника
Далеко силуэт сиротский.
Вы — крестный моего «Титаника».
(Почти из Вас цитата, Бродский.)

Пусть бьет в него волна шипучая
Там, на просторе океанском.
А с Вами, Бродский, я при случае
Хотел бы чокнуться шампанским.

Я опять лечу на самолете.
Самолет гудит на ровной ноте.

У окна, откинувшись слегка,
Сверху вниз смотрю на облака.

И во мне спокойствие такое,
Словно я попал в страну покоя.

Но едва ногой я землю трону —
Нет моей тревоге угомону.

Стал ногой на землю, так уже —
Поневоле ты настороже...

И возможно ли русское слово
Превратить в щебетанье щегла,
Чтобы смысла живая основа
Сквозь него прозвучать не могла?

Н. Заболоцкий

Неужели же нет первозданных, осмысленных слов?
Неужели же в сущности все оказалось неверным?
Даже месяц, что плыл меж березовых белых стволов,
Был подвешен на нитке, раскрашенным был и
фанерным.

Неужели же нет первозданных, осмысленных слов,
Чтоб пресыщенный мозг задевали и били по нервам?
Неужели всё было игрой? И всего-то делов,
Что, взойдя на подмости, кривляться фигляром
манерным?

Неужели же нет первозданных, осмысленных слов,
И всего-то делов, что ночами торчать по тавернам
У залитых вином и запачканных пеплом столов,
И заумные вирши гундосить каким-нибудь стервам?

Неужели же нет первозданных, осмысленных слов,
И всей жизни улов оказался до жути мизерным?
И со свалок журнальных гремит щебетанье щеглов,
И бездарная заваль себя называет модерном!

Неужели всё кончится бредом горячих голов,
Тех, что мир оглашают не словом, а ревом пещерным,
И, подобно саркомам, гангренам и гнойным
кавернам,
Ополчились на плоть первозданных, осмысленных
слов!

Ресторан «Сирано».
Вывеска

Под вывеской — окно
И дверь в полуподвал.
Мой бедный Сирано,
Ты рестораном стал!

Девчонка мне питье
Поставила на стол.
Напялен на нее
Твой кожаный камзол.

Болтается перо
Над шляпою у ней,
Но голое бедро
Рапиры поверней.

И всё же не возьму
Я твоего письма,
Хоть — видно по всему —
Она не прочь сама...

Высокое нытье
Ей быстро надоест,
Чтоб соблазнить ее
Достаточен и жест.

Выпячивая нос
Во всю его длину,
Ты обсуждал вопрос
Полета на луну.

Укрыт ночью тьмой,
Вещал ты в тишине,
А современник мой
Уже был на луне!

Мой бедный Сирано,
Твоя мечта смешна:
В архив уже давно
Романтика сдана —

Ни шпаги, ни плаща,
Ни благородных дам.
Но смерть от кирпича
Еще доступна нам.

Ах как всё это, право, печально!
В нашем сердце некрасовский стих
Разгулялся рыдально-кандально
И еще до сих пор не затих.

Ах как всё это, право, печально!
Это Лермонтов в юности нам
Ту строку обронил огнепально,
Что на сердце оставила шрам.

Ах как всё это, право, печально!
Это Блок через ночь, через снег
Из проклятого века прощально
Помахал нам в чудовищный век.

Ах как всё это, право, печально!
Но не в том ли бессмертья залог,
Что *печально* звучит как *хрустально*
До сих пор нам из пушкинских строк.

Два пенсильванских немца в черных шляпах
В сиянии окладистых бород
Вошли в автобус и уселись важно
И благолепно за моей спиной.
Через минуту я услышал странный
И неприятный шелкающий звук.
Я обернулся — и в корявых пальцах
У немцев увидел пустые банки
Из-под каких-то минеральных вод.
И то и дело кто-нибудь из них
На банку нажимал, и та в ответ
Пришелкивала. Это продолжалось
От Питтсбурга до Вашингтона — больше
Шести часов, — и я возненавидел
Окладистые бороды, я проклял
Старинного покроя сюртуки
И шляпы старомодного фасона,
И все сентиментальные рассказы
О прелестях патриархальной жизни.

Леониду Ржевскому

Какая-то чушь, какая-то блажь,
Какой-то осенний кругом ералаш.
Размашисто дерево пляшет чардаш,
Рушатся листья у входа в гараж.

Ты по бульварам, осень, спешишь,
Ты по верандам, осень, снуешь...
Как он неистов — над кряжами крыш —
Твой золотистый вертеж и крутеж!

Какая-то блажь, какая-то чушь,
Ветер в саду учиняет дебош...
Всю свою силу на ветви обрушь!
Ветер, ты все оборвешь, разнесешь!

Ты как мятеж, ты как кутеж,
Ветер, по нашему саду идешь!
Всё разгромишь, — ну, так и что ж?
Может быть, этим-то ты и хорош!

Как напоследок входит он в раж —
Клен законный, взлохмачен и рыж!
Солнечно, осень, меня взбудоражь!
Вновь ты стихами со мной говоришь.

Вновь мне из дому уйти невтерпеж...
Песней своей меня, ветер, утешь!
Только ты между ветвями пройдешь —
Сразу же в дереве синяя брешь.

Какая-то чушь, какая-то блажь,
Красных деревьев идет демонтаж.
Сад мой, богатства свои ты отдашь,
Вот уже шабашу листьев — шабаш!

Листья слетают с деревьев-плакуш
Прямо в колодцы небесные луж...
Солнечный лист луже отдашь —
Вот и готов под ногами витраж!

Ветер, ты — нож! Бешено режь!
Скомканный куст так неуклюж.
Сколько летящих по небу депеш
С вечной мольбой о спасении душ!

Какая-то чушь, какая-то блажь,
Много на сердце разных поклаж —
Всякая ветошь, да ложь, да мираж...
Какую ты новую ношу мне дашь?

Знаю я: скоро, осенняя тишь,
К окнам моим ты опять подойдешь.
Может быть, сердце мое наведишь,
Может быть, даже смиришь его дрожь...

Уже подымается лунная брошь
И все заливают вечерняя тушь.
Я знаю: ты, осень, меня уведешь
В какую-то темь, в какую-то глушь...

По каменным плитам колеса
Стучат все сильней и сильней.
Мне город кидает с откоса
Букеты вечерних огней.

Опять — неприкаянный странник,
Бродяга, скиталец — опять
Сбежал я от ласковых нянек,
Чтоб жажду ночную унять.

Крутись подо мною, планета,
Летите с боков, фонари!
Луны голубая монета,
Всю ночь надо мною гори!

Я с тихих ушел побережий,
Я жить начинаю вразброс!
Как будто я шерстью медвежьей
В автобусе ночью оброс...

Привычный порядок несносен,
Я снова пытаю судьбу,
А клык вурдалачий из десен
Уже оттопырил губу,

И глаз неумные сверла
Горят всё наглей и наглей,
А рядом у девушки горло
Рассветного неба нежней.

Ты на пьесу не сердись, не сердись,
Автор пьесы знаменит, знаменит,
Автор пьесы — абсурдист, абсурдист,
Да и пьеса — динамит, динамит!

А на сцене — гастроном, гастроном!
Говорят в нем на родном, на родном!

По нью-йоркским авеню, авеню
К гастроному я гоню, я гоню!

Средь Нью-Йорка он залег, он залег.
(Ионеско носорог, носорог!)

Ты на пьесу не сердись, не сердись,
Старым пьесам не чета, не чета,
Автор пьесы — абсурдист, абсурдист,
Не поймешь в ней ни черта, ни черта!

О поэте о большом, о большом,
Чьи слова мы бережем, бережем.

Чтобы было веселей, веселей —
Он справляет юбилей, юбилей,

А читатель дорогой, дорогой
На планете на другой, на другой...

Ты на пьесу не сердись, не сердись,
Чепуху в ней говорят, говорят,
Автор пьесы — абсурдист, абсурдист,
Сочиняет невпопад, невпопад...

Ливни, ливни то и дело.
Осень очень потемнела.
Словно тут прошел походом
По лесам суровый Бог
И с размаху, мимоходом
Всю листву крепчайшим йодом
Основательно прижег.

Еще есть зал с *Крестителем* Родена,
И в том же зале *Граждане Кале*,
А выставок мелькающая пена
Во времени погаснет, как в золе.

Осенний дворик. Солнечно и пусто.
Филадельфийских кленов пестрота.
И вот они, ворота в рай искусства —
Роденовские *Адские врата*.

Сегодня день непонятный вовсе.
Взялись откуда-то в городе овцы.

С посохом некто, в хламиде некто
С овцами шел вдоль Большого проспекта.

Они обдавали клубами пыли,
От них шарахались автомобили.

И долго доказывал кто-то упрямо,
Что это какого-то дела реклама.

Не то реклама овечьего сыра,
Не то реклама спасения мира.

Видно, пришел каюк.
Стал я совсем старик.
Кажется — больше, друг,
Не напишу я книг.

Критик в тебя влюблен,
Критик кричит «ура!»,
Если с тобою он
Из одного двора.

Если же ты чужой —
Влепит тебе вожжой!

Может быть, критик прав,
С полки меня убрав?
Выявил ход вещей,
Что я Дракула-граф,
Идолище, Кашей.

Вот я иду — ничей
Между высоких трав,
Звезды моих ночей
Начисто растеряв.

Мне бы сказать хотя б
Несколько важных строк —
Как я в пути озяб,
Как я в пути продрог,

Как я во тьме дорог
Чуть было не погиб...
Только ни разу с ног
Критик меня не сшиб.

Мы с тобой о чем-то разговариваем.
За окном осенний вечер тих.
За окном — огромный аквариум,
Сколько кружит рыбок золотых.

Кажется — еще одно мгновение —
И уйдем мы в воду с головой...
До краев вся улица осенняя
Налита тяжелой синевой.

Целый день виденья необычные
Неотступно ломаются в окно,
А напротив — домики кирпичные
Глубже опускаются на дно.

Может быть, мы где-то в тихой заводи —
Люди, и деревья, и дома.
Протянулась далеко на западе
Водорослей красных бахрома.

А у дома зарослью коралловой
Куст качнулся по ветру чуть-чуть,
И фонарь медузою опаловой
Выпустил светящуюся муть.

Мы теперь особенно медлительны,
Точно важно плаваем в воде,
А такой прохлады удивительной
На земле не отыскать нигде.

Кое-как стихи мои набросаны —
Путаница беспокойных слов...
Я опять попался в сети осени:
У нее всегда такой улов.

Поздравляю со снегом, со снегом,
Что летел на щиты печенегам!
Поздравляю со снегом недобрым,
Что повозки заваливал обрам!

А под Киевом зимней равниной
Ехал князь со своею дружиной —
Снег на нем, на коне его пегом...
Поздравляю со снегом, со снегом!

Поздравляю со снегом косматым,
Что кидался навстречуномадам,
Что на скифские падал становья
В неоглядных степях Приазовья,

И, вздымая веселые вьюги,
Леденел на хозарской кольчуге,
И, крутясь неумным бураном,
Шел и шел на шатры половчанам!

Поздравляю со снегом, со снегом,
Поздравляю с варяжским набегом,
С топором, со щитом, с булавою,
С завирухою над головою.

Поздравляю со снегом, со снегом,
С занесенным пургою ночлегом,
С очумелым полетом снежинок,
С мельтешеньем искринок, звездинок.

Поздравляю с безумьем метельным,
С завихреньем его карусельным,
Поздравляю с заносом, с завалом,
С ледяным законным кристаллом.

Поздравляю с нашествием снега!
Как он в стекла ломился с разбега!
Захватило нас белое войско,
Расправляется с нами по-свойски!

И мы прячемся в шапки и в шубы,
И в мохнатые шарфы-раструбы,
И, тяжелые шторы задвинув,
У печей мы сидим, у каминов.

Что же делать и нам, и деревьям,
И домам с наваждением древним?
С этим сном? С этим звездным мерцаньем?
Чудно нам, и деревьям, и зданьям...

Может — я, этот дом, эта пихта —
Заблудились в пространствах каких-то?
Может быть — это Сириус, Вега?
Сколько снега, летящего снега!..

ЗАЛ ОЖИДАНИЯ

1

Тут зал ожиданья. Вопит паровозный гудок.
Какие-то парни у стойки ругаются спьяну.
Старик в уголке не спеша попивает чаек.
Приезжий уснул на скамье, прислонясь к чемодану.

У самого входа бабенка сидит на мешках
И молча часами качает ребенка у груди,
И видно в окошке, как там второпях, впопыхах
По темной платформе бегут с чемоданами люди.

Для всех собираться в дорогу приходит черед.
Но мне в долгожданной поездке судьба отказала.
На станцию Славы мой поезд уже не пойдет.
Что ждать понапрасну. Пора убираться с вокзала.

2

Веселая компания.
Нас четверо ребят.
Мы в зале ожидания,
Где шумно говорят.

Вокзальной суматохою
Кипит огромный зал.
Над целою эпохою
Возвысился вокзал.

Маневры паровозные,
Морозные пути...
Мы очень несерьезные, —
Нам всем по двадцати.

И хоть блестит из темени
Обыкновенный рельс —
В свою машину времени
Нас поместил Уэльс.

Почти полвека минуло
За несколько минут,
Нас по земле раскинуло —
И мы ни там, ни тут.

Мы оголтело взапуски
Сорвались с места вскачь!
В каком-нибудь Челябинске,
Наверное, ты врач.

Устраивает выбрыки
Со мной судьба моя:
В американском Питсбурге
Профессорствую я.

А те на свете атомном
Где маялись потом?
И где искать их надобно —
На этом или том?

Готов все годы эти я
Был биться об заклад,
Что сквозь десятилетия
Вернемся мы назад,

От сна очнемся странного,
В котором жизнь прошла,

И в том же зале заново
Мы сядем у стола.

Маневры паровозные,
Морозные пути,
Мы снова несерьезные,
Нам вновь по двадцати.

Но все ж бродягу тертого
Перехитрил фантаст —
Машина эта чертова
Обратный ход не даст!..

Веселую компанию
Не сколотить опять,
А в зале ожидания
Чего нам ожидать?

3

С утра на вокзале сидит акробат
И рыбное ест заливное,
И ждет, что газеты о том раструбят,
Как сделал он сальто тройное!

Поэт достает из портфеля блокнот.
Склонясь над листочком измятым,
Он пишет поэму, и тайно он ждет,
Что станет он лауреатом.

И старый мошенник мечтательно ждет
Такую большую удачу,
Когда наворует он столько за год,
Что выстроит новую дачу.

И некто в углу из-за темных очков
Глядит, как глядят из колодца, —
И ждет, что по трупам друзей и врагов
До власти он всё ж доберется.

И женщина ждет, что поможет ей Бог —
Пошлет наконец ей ребенка...
Тут каждый мечтает, тут каждый продрог,
У каждого рвется, где тонко.

И каждый тут ждет свое счастье в кредит,
У каждого в сердце забота,
А Бог в своем зале на небе сидит
И ждет от нас тоже чего-то.

4

Всех-то желаний останется наперечет.
В синюю вечность ворота уже приоткрыты.
В зале моих ожиданий — и крыша течет,
И сквозь пробоины падают метеориты.

Если ударил в лицо тебе ветер войны —
Заколесит твоя жизнь по земле бестолково.
В зале моих ожиданий — и звезды видны,
Только от звезд этих толка уже никакого.

Гневно ударил в лицо мое ветер войны.
Неба огни для меня недоступно далеки.
И никогда никакие не снятся мне сны,
И сквозь меня не идут уже звездные токи.

В зале моих ожиданий сию я — пока
Замертво, в темный мой час, не свалюсь я
со стула.

Так и умру, ожидая, чтоб эта строка
Неизгладимо по сердцу тебя полоснула.

5

Я правду сполна расскажу — ничего не украшу.
Я понял теперь, что не надо мне вовсе прикрас.
Из зала, где ждали мы поезда в молодость нашу,
Чужие солдаты погнали прикладами нас.

Другую дорогу тогда нам судьба подсказала.
Мы вечером темным на запад пошли наугад,
А зал ожидания и все помещенья вокзала
Разрушил безжалостно артиллерийский снаряд.

Бродяги, поэты, дельцы, подлецы и герои, —
Какие ни есть — ты, земля, нас навеки прими.
Но только когда-нибудь зал ожидания отстроя,
Мы по-настоящему заново станем людьми.

Ты в зал тот войдешь и присядешь у столика
с краю,
Морозные рельсы в окошко увидишь, сынок,
И рано иль поздно — дождешься ты поезда —
знаю, —
Которого я в этом зале дождаться не смог.

Ежевечернее событие —
Торжественное чаепитие!

Вокруг дородного хозяина
Сидит семья, любовно спаяна.

Помешивая в чашке ложечкой,
Любуется хозяйка кошечкой.

Розовощеким купидончиком
Девчонка восседает с пончиком.

И даже в блюдечке клубничного
Варенья — столько поэтичного!

А что же дальше, я вас спрашиваю?
Ведь я для вас лубок раскрашиваю,

Раскрашиваю, разукрашиваю,
Прикрашиваю, охорашиваю.

И на Марии Константиновне
Затасканный халат сатиновый,

А он в Аркадии Григорьиче
Рождает острый приступ горечи.

И кажется, что все позируют,
И кто-то скупю жизнь дозирует,

И даже месяц над полянкою
Висит консервною жестянкою.

ОЛИМПИАДА

1

Гордо на стадион
С факелом мчит бегун.
Вот пробегает он
Мимо больших трибун —

И по ступеням ввысь!
Факелом прикоснись
К чаше! Легонько тронь —
Зашелестит огонь!

Птицы из клеток — вон!
Стаю за стаей взвей!
Хлопает стадион
Крыльями голубей.

Буйствует стадион,
Будто от солнца пьян
В тесном кольце знамен
Дружных участниц стран.

Сколько цветных шаров!
В небе шары, шары,
Точно других миров
Сказочные дары!

Вот и команд парад
Тронулся из ворот.
В красочнейший наряд
Каждый одет народ.

Двигается клумб поток,
Что ни страна — букет,
Что ни спортсмен — цветок
Через петлицу вдет.

Так из конца в конец
Пересекут стадион.
Сцепленных пять колец
На полотне знамен.

2

Вырвавшийся вперед
Сверхрекордсмен-бегун
Аплодисменты сорвет
Сразу со всех трибун.

Шест на бегу воткнув,
Взмыл прыгун и повис!
Планку перемахнув,
Падает мягко вниз.

Каждым толчком, рывком
Движет упорство, риск...
Вот, закрутись волчком,
Бросил метатель диск.

Бронзово-мускулист,
Сосредоточен весь —
Вон богатырь-штангист
Выжал рекордный вес.

Лучшим спортсменом будь!
На пьедестале встань!
Лучшим — медаль на грудь
Как восхищенья дань!

Громко оркестр духовой
Гимн заиграет твой!
И над твоей головой
Флаг запылает твой!

3

Беговая дорожка
Всё темней и темней.
Остается немножко
Пробежать мне по ней.

Я на треке вечернем
Знаю каждую пядь,
Но у финиша первым
Мне уже не бывать.

Что ж, — и медную славу
Тоже сладко иметь,
Мне недаром по нраву
Больше золота — медь.

...Я пружинисто прыгнул
И, взлетев на шесте,
Тело эллипсом выгнул
И повис в высоте.

Изогнулся над планкой
И остался я так —
А внизу, как приманка,
Недоступный тюфяк.

Человека и птицы
Я какая-то часть:
Ни на землю свалиться,
Ни на звезды упасть.

Точно я переломан,
Раздвоившийся весь,
Ни в гостях — и ни дома,
И ни там — и ни здесь.

От игры и от риска
Отказаться пора.
Нет, не бросить мне диска,
Не толкнуть мне ядра.

Сколько лез я из кожи,
Думал — я гиревик...
А у книг моих тоже
Вес не так уж велик.

Нет, я веса не выжал
И победой не горд.
Просто выжил. Я выжил:
Это тоже рекорд.

Только этим едва ли
На параде блеснуть.

Никакой мне медали
Не навесят на грудь.

И написано строго
Было мне на роду,
Что торжественно в ногу
Я ни с кем не пойду.

До седьмого мне пота
Надрываться опять,
Пьедестала почета
Никогда не видать.

Ну, а если удача
Мне помашет рукой —
Музыкантам задача:
Гимн исполнить какой?

Я случайный бродяга,
Человек без корней,
И ни гимна, ни флага
Нет у музы моей.

На ноге висит полпуда,
Разворочено плечо.
Тела скомканная груда
Трепыхается еще.

Пузырьки в сифоне скачут.
В вену воткнута игла.
А в окне снежок маячит,
Ночь в окне белым-бела.

Как поступки наши хрупки!
Как непрочен весь наш мир!
Из ноздрей свисают трубки
И торчат из прочих дыр.

Но хирургов важный шепот
Окружил мою кровать.
Как меня возьмутся штопать!
Как пойдут перешивать!

Поваляешься в постели —
И, глядишь, опять готов
Для житейской карусели,
Для житейских катастроф.

Этот снег за стеною больничной —
Мой единственный друг закадычный,
Он, как слезы, течет и течет.
И душа по-некрасовски вволю
Опилась покаянною болью.
Вот и близится с жизнью расчет.

Умирать предназначены все мы,
Но кончатся в когтях эмфиземы —
Это очень унылый сюжет:
Ловишь воздух, как пойманный окунь,
Только он недоступен, далек он,
Только, в сущности, воздуха нет.

Что ты знал о Толедо, Охайо?
Что на свете земля есть такая,
Что бывают такие места?
Ты мечтал о ключе Иппокрены —
Ах, как эти мечты вдохновенны!
Только музыка вовсе не та!
А не хочешь ли розовой пены,
Что струей потечет изо рта?

Часто мне снится высокий маяк
С комнатой — вышкой восьмиугольной.
Волн, точно рюмок в беседе застойной,
Слушаю я нескончаемый звяк.

Волны бегут и бегут на маяк —
И разбиваются вдребезги волны...
Чем-то сегодня они недовольны,
В море сегодня опять кавардак.

По вечерам зажигают маяк.
По морю шарит прожектор сигнальный,
Наискосок полосую зеркальной
Пересекая всклокоченный мрак.

От берегов унесенный рыбак
Где-то плывет на разбитом баркасе.
Он бы убрался давно восвояси,
Да в темноте не отыщет маяк.

Может быть, всё это вовсе не так.
Может быть, скользки, сильны и крамольны,
Темные мысли, как темные волны,
Светлого сердца штурмуют маяк.

Может быть, всё это вовсе не так.
Может быть, я на суденышке гиблом...
Я бы наверное к берегу выплыл,
Если б нашел я во мраке маяк.

Может быть, всё это вовсе не так.
Может быть, гневно сверкающим глазом

Всю эту тьму освещаю я разом...
Может быть, сам я — высокий маяк.

Может быть, всё это вовсе не так.
Может быть, моря тут нет никакого:
Все это — жизнь, что шумит бестолково,
Всё это — жизни моей кавардак.

Веку убийства
Пришлись ко двору,
А я забился
В мою конуру.

В дверь не поверю!
Удар сапога
Вышибет двери —
И вся недолга.

Мой дом — моя крепость?
Что за нелепость!..

Мой дом — моя будка,
Мой дом — моя щель.
Вечером жутко
Ложиться в постель.

Какой я хозяин
Колу и двору?
Так вот припаян
Острожник к ядру.

Мой дом — берлога,
Мой дом — нора,
Где над порогом
Тень топора.

Счетчики на стоянках,
Счетчики на стоянках,
А летчики
Женятся на китаянках,
На китаянках!

И никакого отношения
Одно к другому не имеет.
Но я уже принял решение,
И эти строчки окаменеют!

Ходили предки в оперетку
И власть поругивали всласть,
А я подбросил вверх монетку,
И она позабыла упасть!

Стала, может быть, луною
И всплывает надо мною.

Не понять и не постичь,
Отчего порой прицепится
Несусветнейшая дичь,
Сумасшедшая нелепица!

И над вечным вопросом
Сокрушается бедный умишко:
Может быть, у алжирского дея под носом
Действительно шишка?

You can't teach an old dog new tricks.

Было ясно мне как дважды два,
Что стихи заправлю я горючим,
Что в моих стихах в порядке лучшем
Я расставляю лучшие слова.

Но пришли дела мои в упадок.
Слышу — изо всех кричат углов,
Что в стихах важнее беспорядок,
Разнобой каких попало слов.

Что ж мне с ними ввязываться в драку?
Заявленья отсылать в печать?
Объяснять, что старую собаку
Поздно новым штукам обучать.

БЛОШИНЫЙ РЫНОК

Блошинный рынок!
Поверх лотков
Гора корзинок,
Пластинок, крынок,
Мотков, платков,

Подносов, фляжек,
Замков, пижам,
Ремней без пряжек,
Зеркал без рам.

Пять-шесть тарелок,
Бутыль-пузырь,
Часы без стрелок,
Весы без гирь.

Футляр огромный
Для сургучей
И тьма никчемных
Дрянных вещей.

Бери! Дешевка!
Цена-то грош,
Подсунут ловко —
И ты берешь!

В базарном гаме
На мой лоток
Я со стихами
Кладу листок.

На этом рынке
Немало их,

Что без запинки
Кропают стих,

Из букв-кусочков
Слепив едва
Без мысли строчки,
Без чувств слова,

Мечту без боли,
Без пыла страсть —
Так этим, что ли,
В сердца запасть?

И стих-искринка
Мелькнул — погас...
Блошиным рынком
Ты стал, Парнас.

Томов огромных
Итог каков?
Гора никчемных
Дрянных стихов.

Тут и вода в реке, мой друг,
С какой-то химией:
Такая страшная, что рук
Я в ней не вымою.

А вон рыбешка вверх брюшком
Плывет под мостиком.
Она не движет плавником,
Не движет хвостиком.

Да и меня, мой друг, тишком
Поят отравою.
Мне кажется, что вверх брюшком
Я тоже плаваю.

Мой друг, я стал совсем не тот,
Мне трудно дышится,
Как будто бы во мне течет
Не кровь, а жижица.

Когда-то я не отдыхал
С моею лирою,
Я был крикун, я был нахал,
Я был задирою.

Теперь забился я в нору
Из-за усталости...
К литературному перу
Тянусь по малости.

Мне стала жизнь не по плечу, —
Дружу с лежанкою,

У телевизора торчу
С пивною банкою!

Как будто бы ушла из жил
Вся сила дюжая —
И я безропотно сложил
Свое оружие.

Тут птицы пролетают стаями
Над старомодными трамваями,
И гул стоит неумолкаемый,
Вечерний, городской.
И снова осенью я нынешней
По площади слоняюсь рыночной.
Доносит ветер лязг починочный
Из автомастерской.

Порой над сваркой автогенною
Звездой полыхнет мгновенною,
Звездой полуторасаженною,
Как великан алмаз.
И девичьего взора карего
Навстречу ударяет зарево.
Как все пружины сердца старого
Задрезбужали враз!

Всё завораживает в городе.
А вот у вас другие скорости —
Спешите и о чем-то спорите
Внутри своих машин.
Вы движетесь своей орбитой,
И каждый со своей обидой.
Я даже птицам не завидую,
Брожу себе один.

Домов отвесные громадины
И между ними неба впадины,
И фонари, как виноградины,
Висят над головой.
Там улица спустилась к пристани,
Там ветром деревца освистаны,

И за листом роняют лист они
На камни мостовой.

Где бегали индейцы-лучники —
Мостов защелкнулись наручники,
Там баржу разгружают крючники,
Ворочая тюки.

А я слонялся как сомнамбула,
Мне вся вселенная мала была,
Пока не написались набело
Осенние стихи.

ПАМЯТЬ

...в воскресном театре души
Мемуарные фильмы идут.

Вглядываюсь, дверь туда открыв,
Где хранится времени архив.
Замелькали кадры прошлых дней
На экране памяти моей.

Киевский Второй Мединститут.
Возле зданий тополя растут.
Кое-как экзамены я сдал,
Но с обществоведением — скандал!
Я не знал каких-то там имен,
Кто, когда и чем был награжден
И какой очередной прохвост
Получил правительственный пост.
Мой экзаменатор был убит —
Принял сокрушенно-скорбный вид.
«Так. Так. Так», — он глухо произнес,
Вскинув на меня мясистый нос.
Пятерней он в воздухе потряс:
«Кто же так воспитывает вас?»
Я ответил, несколько смущен,
Что отец. «А где же служит он?»
Отвечаю, точно виноват,
Тихо: «Арестован год назад».
Тяжело я уходил домой.
На земле был год тридцать восьмой.

Мне один знакомый дал совет —
Выбрать медицинский факультет.
«Знаешь, нам не миновать войны,
Доктора поэтому нужны.
Всё равно, мой милый, — на литфак

Ты теперь не попадешь никак.
У кого в семье аресты — там
Близко не подпустят к воротам,
Ну, а в медицинский институт
Без разбора всех мужчин берут».
Признаюсь, что я в большой тоске
Подходил к огромнейшей доске,
На которой сказочно цветут
Списки тех, кто принят в институт.
Видно, я в рубашке был рожден:
В этом длинном перечне имен —
И мое! Я удивлялся сам,
Не поверил я своим глазам!

Вот внезапно мой экран погас.
Память прерывает свой показ.
Только в тот же миг на полотне —
Крыши, окна и стена к стене.
Это тоже город над рекой,
Только над рекой совсем другой.
Вон мальчишка с удочкой в руке
По камням с отцом спешит к реке.
Мне пошел одиннадцатый год.
За плотом плывет по Волге плот.
Года два еще придется нам
Прыгать по саратовским камням.
Мой отец тут в ссылке. И сейчас
Помню я смешной его рассказ:
«Поезд ночью нас сюда привез,
Без пальто я, а уже мороз.
На вокзале ночевать нельзя.
Вышел на большую площадь я
И гляжу — в сторонке постовой.
“Где, скажи, браток, участок твой?
Мне бы ночку переспать одну,
Завтра что-нибудь себе смекну”».

Но браток мой оказался строг,
Говорит: “Проваливай, браток,
А не то не оберешься бед,
Для тебя у нас ночлежек нет!”
Не спеша, булыжник небольшой
Выворотил я из мостовой.
“Видишь, — говорю, — вон там окно:
Ах, как зазвенит сейчас оно!”
Постовой вскипел, как на угле;
Я ту ночь пересидел в тепле!»

Памяти экран опять потух.
Напрягаю внутренний я слух.
Вспыхнула картина в голове,
Как я беспризорничал в Москве.
Мой отец, году в двадцать восьмом,
В ресторане учинил разгром,
И поскольку был в расцвете сил —
В драке гепеушника избил.
Гепеушник этот, как назло,
Окажись влиятельным зело,
И в таких делах имел он вес —
Так бесшумно мой отец исчез,
Что его следов не отыскать.
Тут сошла с ума от горя мать,
И она уже недели две
Бродит, обезумев, по Москве.
Много в мире добрых есть людей:
Видно, кто-то сжалился над ней,
И ее, распухшую от слез,
На Канатчикову дачу свез.
Но об этом я узнал позднее,
А пока что — очень много дней
В стае беспризорников-волков
Я ворую бублики с лотков.
Но однажды мимо через снег

Несколько проходят человек,
И — я слышу — говорит один:
«Это ж Венедикта Марта сын!»
Я тогда еще был очень мал,
Федора Панферова не знал,
Да на счастье он узнал меня.
Тут со мною началась возня.
Справку удалось ему навесьть,
Что отцу досталось — минус шесть,
Что отец в Саратове, — и он
Посадил тогда меня в вагон
И в Саратов отрядил к отцу.

Всё приходит к своему концу:
Четверть века отшумит — и вот
О моих стихах упомянет
В Лондоне Панферов, — но пойдет
Всё на этот раз наоборот:
Он теперь не будет знать, кто я!
У судьбы с судьбой игра своя.

Снова Волга. Волга и паром.
Мы уже на берегу другом.
Чистенькие домики. Уют.
Немцы тут поволжские живут.
Был Покровском город наречен,
Энгельсом теперь зовется он.
У Вогау мы сидим в гостях.
На столе сирень в больших кистях.
Говорит о Токио Пильняк;
Мой отец припомнил случай, как
Он, когда был очень молодым,
Вместе с переводчиком своим
Шел по Кобе. Поглядев назад,
На себе поймал он чей-то взгляд.
Он японку заприметил там,

Что плелась за ними по пятам.
Чувствовал неловкость мой отец;
Он и переводчик, наконец,
Улицу поспешно перешли.
Но отец опять ее вдали
Увидал — и, очень раздражен,
Переводчику заметил он:
«С нею не разделаться никак!»
Тот ответил: «Ну, какой пустяк!
Ты не обращай вниманья на
Женщину. Она моя жена».

А когда пришла пора вставать,
Уходить домой — Пильняк печать
Вынул из коробочки — и хлоп!
Взял да и поставил мне на лоб!
Розовый клинообразный знак
По-японски означал — Пильняк.

Как-то раз в Саратове с отцом
Мы по снежным улицам идем.
Фонари. Снежок. Собачий лай.
Вдруг отец воскликнул: «Николай
Алексеич!» — Встречный странноват —
Шапка набок, сапоги, бушлат.
Нарочито говорит на «о»,
Но с отцом он цеха одного.
«Вот знакомьтесь — это мой сынок».
(Снег. Фонарь да тени поперек.)
«Начал сочинять уже чуть-чуть.
Ты черкни на память что-нибудь
Для него. Он вырастет — поймет».
Клюев нацарапает в блокнот
Пять-шесть строк — и глухо проворчит
Обо мне: «Ишь как черноочит!»

Клюев был в нужде. Отец ему
Чтение устроил на дому
У врача Токарского. Тот год
Переломным был. Еще народ
Не загнали на Архипелаг,
Но уже гремел победный шаг
Сталинских сапог. И у дверей
Проволокой пахло лагерей.
Тот автограф где теперь найду?
Взят отец в тридцать седьмом году.
Все его бумаги перерыв,
Взяли вместе с ним его архив.

Еще глубже времени экран.
Под Москвой средь рощиц и полян —
Несколько десятков низких дач.
Парни на пруду купают кляч.
А неподалеку за прудом —
Наш необжитой дощатый дом.

Помню, что веранда там была
Вся из разноцветного стекла.
Помню сад, калитку, частокол,
Как впервые в школу я пошел,

Помню, как детьми, оравой всей,
На пруду ловили карасей.
Как в саду я выстроил шалаш...
Помню, как скрипел колодец наш,
Как, загнав в березу желобок,
Собирал березовый я сок
В старую жестянку, как в те дни
На синиц я ставил западни.

Много к нам писательской братвы
Приезжало часто из Москвы.

Кое-кто сегодня знаменит,
Кое-кто сегодня позабыт,
Некоторым жизни оборвал
На Лубянке сталинский подвал.
Только погибать не всем подряд:
Станет кто-нибудь лауреат,
Кто-нибудь приобретет почет
Тем, что по течению потечет!
Но тогда, в году двадцать седьмом, —
Дружеским весельем полон дом.
Тут стихи читают до утра
Небывалых строчек мастера.
Кто-нибудь сидит и пьет в углу,
Кто-нибудь ночует на полу.
Кто-нибудь за кружкой пивной
Прослезился песней затяжной,
Кто-нибудь с протянутой рукой
С хлебниковской носится строкой!
Легкое, богемное житье,
Милое Томилино мое!

Но бывал и скверный анекдот.
Помню — за окошком ночь идет.
Только я и мать одни в дому.
То и дело мать глядит во тьму.
Еще много поездов ночных, —
Может быть, отец в одном из них.
На рассвете слышим мы сквозь сон
Разбиваемой бутылки звон.
С матерью выходим в темный сад.
Слышим — сверху голоса хрипят.
Тут мы замечаем: среди ветвей
Несколько висит больших теней.
Оказалось — на верхушке там,
Крепко привязав себя к ветвям,
Мой отец с приятелем своим

До рассвета напивались в дым!
Там же в раскоряченных ветвях
Ящик с водкой виснет на ремнях!
Аренс Николай — поэт-чудак,
Затевал он вечно кавардак,
И, наверное, придумал он
На сосне устроить выпивон,
И деревьев шумные верхи
Слушают сейчас его стихи:

«Снежинки белые летали,
Струилась неба бирюза,
А на лице ее сияли
Большие серые глаза».

Аренс часто попадал в скандал,
Часто в отделенья попадал.
Позже слышал я такой рассказ:
Вышел он из отделенья раз
И припомнил через шесть недель,
Что забыл он с водкою портфель
В камере. А было, как назло,
Похмелиться нечем! Тяжело!
Аренс, жажда выпить всем нутром,
В отделенье за своим добром
Кинулся — и канул навсегда,
Сгинул, не оставивши следа.

На экране вспыхнула Нева.
Шпиль Адмиралтейства. Острова.
Сфинксы. Набережная. Дворец.
К Ювачеву взял меня отец.
Несколько о Ювачеве слов.
Был народовольцем Ювачев.
За участие в покушении он
К виселице был приговорен.

Но в тюрьме, пока он казни ждет, —
У него в душе переворот,
Всё он видит под иным углом.
И религиозный перелом
Наступает. Казнь заменена
Ссылкою ему. В те времена
С ссыльными общаться каждый мог;
Был он сослан во Владивосток.
Там у деда моего гостил,
Там отца он моего крестил.
А когда отбыл он ссылки срок —
Взял он страннический посошок
И поехал в Иерусалим,
И ходил по всем местам святым.
Позже о паломничестве том
Очерков издал он толстый том.

Ленинград. Тридцать четвертый год.
Ювачев поблизости живет
На Надеждинской, а мы с отцом
Возле церкви греческой живем.
Ювачеву от властей почет,
И ему правительство дает
Пенсию высокую весьма,
Но считает, что сошел с ума
На религиозной почве он.
Был он собирателем икон.
Был он молчалив, высок и сух,
Этак лет семидесяти двух.
Кропотливо трудится старик,
Медленно с иконы сводит лик
Он на кальку. И таких икон
Тысячи для будущих времен
Он готовит.

С ним в квартире жил
Взрослый сын — писатель Даниил

Хармс. У Дани прямо над столом
Список красовался тех, о ком
«С полным уваженьем говорят
В этом доме». Прочитав подряд
Имена, почувствовал я шок:
Боже, где же Александр Блок?!
В списке Гоголь был, и Грин, и Бах...
На меня напал почти что страх,
Я никак прийти в себя не мог, —
Для меня был Блок и царь и бог!
Даня быстро остудил мой пыл,
Он со мною беспощадным был.
«Блок — на оборотной стороне
Той медали, — объяснил он мне, —
На которой (он рубнул сплеча) —
Рыло Лебедева-Кумача!»
«Если так, как Блок, писать нельзя, —
Спрашивал весьма наивно я, —
То кого считать за идеал?»
Даня углубленно помолчал,
Но потом он в назиданье мне
Прочитал стихи о ветчине.

«Повар — три поваренка,
повар — три поваренка,
повар — три поваренка
выскочили во двор!
Свинья — три поросенка,
свинья — три поросенка,
свинья — три поросенка
срытались под забор!

Повар режет свинью,
поваренок — поросенка,
поваренок — поросенка,

поваренок — поросенка!

Почему?

Чтобы сделать ветчину!»

Слушал я его, открывши рот —
Догадался наконец! Так вот
Чем обэриуты устранят
Из души моей священный яд
Блоковских стихов! В душе моей
Всё же Блок окажется сильней.

В комнате у Дани справа — шкаф.
К шкафу подойдя, поклон отдав,
Произносят гости напоказ
Несколько привычных светских фраз:
«Как здоровье, тетушка?» «В четверг
Были на концерте?» «Фейерверк
Видели?» Род легкой болтовни.
Запрещалось всем в такие дни
Грубые употреблять слова.
Но гостей уведомят едва,
Что сегодня дома тетки нет, —
Снят бывал немедленно запрет
С нецензурных тем. Наоборот,
Разрешался сальный анекдот.
Что еще за идиотство! Тьфу
Тетушка, живущая в шкафу?!
Что с того, что конура мала —
Тетушка придумана была,
Для существования ее
Шкаф — вполне просторное жильё!
Тетушка пришлась тут ко двору.
Тут любили всякую игру,
Тут был поэтический причал,
Тут поэтов многих я встречал,

А. Введенский был собой хорош,
Хармс — на англичанина похож.
Сколько артистических имен!
Как великолепен Шварц Антон!
Помню в исполнении его
«Невского проспекта» волшебство!

И опять всё гаснет. И опять
На экране Киеву сиять.
Моюсь утром, радио включив.
Диктор до чего красноречив!
Слышится по голосу, что рад, —
Так вот о победах говорят!
«...Нашего правительства указ...
В вузах за учение у нас
Вводят плату!» Я совсем обмяк.
Уплатить я не могу никак.
Подкосились ноги у меня.
Только вечером того же дня
Человек от Рыльского пришел,
Пачку денег положил на стол
И сказал: «Максим Фадеич тут
Посылает вам на институт».
Он шепнул, уже сходя с крыльца:
«Это в память вашего отца».

Рыльский был в фаворе. Перед тем
Погибал почти уже совсем
И ареста ожидал не раз.
«Песнею о Сталине» он спас
Жизнь свою и спас свою семью.
Как-то чай у Рыльского я пью.
Кто-то «песню» вскользь упомянул.
Рыльский встал, сдвигая резко стул:
«В доме у повешенного, брат,
О веревке вслух не говорят!»

Мой отец поэтом русским был.
Где сыскать, среди каких могил
Кроется его прощальный след.
Рыльский был украинский поэт.
В час тяжелый он помог семье
Русского поэта. Так в стране,
Где я в годы сталинские рос,
Выглядел на практике вопрос
Межнациональный. Все одной
Связаны бедой. Одной виной.

Вновь твои проспекты, Ленинград.
Обреченно фонари горят.
Кратковремен этот мой приезд.
Мне одно желанье душу ест.
Я привез стихотворений шесть
И мечтал Ахматовой прочесть.
В годы те была моей женой
Анстей. И ее стихи со мной.
Вот я и пошел. Фонтанный дом
Выглядел обшарпанным. Потом
Пересек я двор наискосок
И вошел в подъезд. На мой звонок
Мне открыла дверь она сама.
Объяснил я путано весьма
Мой приход. «Входите». Тут нужны
Точные детали: в полстены
Девушки портрет. Совсем мала
Комната. (Та девушка была
В белом.) А Ахматова стройна;
Кажется высокою она.

Я уже предчувствую беду.
«Высылают сына. Я иду
С передачей в тюрьму. Я вас
Не могу принять».

У нас сейчас
«Реквием» об этих страшных днях.
«Реквием» тогда в ее глазах
Я увидел. Кто-нибудь найдет
Со стихами старыми блокнот.

.....

Но вам в тяжелых заботах
Не до поэтов, увы!
Я понял уже в воротах,
Что девушка в белом — вы.

И подавляя муку,
Глядя в речной провал,
Был счастлив, что вашу руку
Дважды поцеловал.

.....

В Киеве, еще перед войной,
Проходили мы по Прорезной.
За дома вдали закат сползал.
Мы спешим в консерваторский зал.
Там Доливо-Соботницкий пел.
Среди всех советских тусклых дел
Праздником бывал его приезд.
Делал он рукою странный жест,
Был он хром и очень большерот...
Присмотреться — так совсем урод!
Необыкновенный баритон —
Пел бетховенские песни он
И норвежских песен целый ряд...
Сколько он ирландских пел баллад,

Бельмановских песен! Так лились
Песни, что казалось — это Лисс
Или Зурбаган! Казалось мне,
Что мы где-то в гриновской стране,
И — казалось — уплывать и нам
Следом за Бегущей по волнам!
Поскорей причаливай, наш бот,
Там, где нас Несбывшееся ждет!
А в антракте — толкотня, галдеж,
А к буфету и не подойдешь.
По соседству, вижу, — паренек,
А на куртке — лодочка-значок
С ярко-красным парусом. Яхт-клуб?
Точно. Сомневаться почему б?
А на самом деле всё не так:
Это был почти условный знак
Гриновских романтиков! То зов
Юношеских алых парусов!

Слышал я забавный анекдот
О Доливе. Шел двадцатый год.
Пел Доливо где-то. Был хорош
Бесподобно. А в одной из лож
Сам Шаляпин. Сказочный успех!
Сразу покорила Доливо всех.
Был он молод, счастлив, возбужден,
Но со сцены почему-то он
Пятится... Друзья Доливу тут
Под руки к Шаляпину ведут.
«Да... — сказал Шаляпин, — ты поешь
Здорово, но — знаешь, милый, всё ж
Справь себе штаны: со сцены так
Неудобно пятиться как рак!»
И для цели благородной сей
Пачку протянул ему рублей.

Предвоенный Киев. Среда афиш
Есть такие, что не устоишь.
В зале тесно. Гроссман Леонид
О «Войне и мире» говорит.
Кажется — со сцены прямо в нас
Утонченно-выточенных фраз
Дротики летят. В конце почти
Он, итог желая подвести,
Говорит: «Былому не в пример,
В наше время каждый пионер
Обладает истиной простой,
Знает то, чего не знал Толстой!»
А затем (принявши тон иной)
Говорит с усмешкой озорной:
«На весах у вечности еще
Неизвестно, перевесит чье
Мнение!» — Когда он так сказал —
Я подумал: арестуют зал,
Лектора и слушателей! Но
В шутку было всё обращено
И благополучно всё сошло,
А могло большое выйти зло...
Пострашней, бывало, сходит с рук.
У меня был закадычный друг
Протасевич Жорж. Мы в институт
Вместе поступали. И маршрут
Жизненный у нас довольно схож:
У него отца забрали тож,
Как и у меня, — в тридцать седьмом.
Он пытливым обладал умом,
Книгами был вечно нагружен —
Хемингвей в портфеле, Олдингтон.
Был он неудачливый боксер,
Но зато был на язык остер.
И — последний не забыть мазок:
Был красив довольно и высок.

Между нами — Пушкин бы сказал —
Всё рождало споры. Весь скандал
И произошел из-за пари.
Раз возьми я да и намудри:
В спор полез всему наперекор,
И позорно проиграл тот спор!
А условие было таково,
Что на протяжении всего
Дня — у победившего — рабом
Проигравший. В случае любом
Он беспрекословно и тотчас
Был обязан исполнять приказ
Господина. Жорж был господин.
Мне досталось рабство. До седин
Я отчетливо запомнил то,
Как я подавал ему пальто,
Вещи все его за ним волок,
С полу подымал его платок,
Как завязывал его шнурки,
Как по мановению руки
Подбегал... А он, из-за долгов,
Пробовал продать меня с торгов;
Между лекций в перерыве он
Организовал аукцион!
Как бывает в юности порой —
Чересчур все увлеклись игрой.
Лекции по городу всему
Нам читали. Часто потому
Мы в трамваях ездили гурьбой.
Жорж в трамвае мне сказал: «С тобой
Я не знаю, как мне быть: изволь
Разузнать, — рабам разрешено ль
Ездить на трамвае». Задаю
Я вопрос кондукторше. В мою
Сторону все повернулись. Пыл
Сразу же у всех нас поостыл.

Наступила тишина. Сидел
Жорж, внезапно побелев как мел.
К сожаленью, это не конец:
Видимо, сверхбдительный стервец
Ехал в том вагоне. В деканат
Нас повызывали всех подряд.
Разносили нас и вкривь и вкось,
Но каким-то чудом удалось
Всё замять. Никто не пострадал.
Мог быть и трагический финал.

— Где ты, Жорж? Откликнись, если жив! —
Я шепчу, бывшее освежив
В памяти.
И вдруг экран сплошным
Небосводом сделался ночным,
И на нем пугающе висят
Несколько чудовищных лампад!
Для убийства город освещен,
Нас уже бомбят со всех сторон,
Подняты кресты прожекторов,
Бомбовозов нарастает рев,
Сполохи огромные в окне.
Грохот. На войне как на войне.

ТЯЖЕЛЫЕ ЗВЕЗДЫ

Нынче я больше уже не надеюсь на чудо,
 Бога прошу, чтоб меня не сломила беда.
 Всё, что я мог, я сказал **ПО ДОРОГЕ ОТТУДА**,
 Только теперь я уже по дороге туда.

Книги названье — для домыслов острая пища.
 Только названье мое говорило о том,
 Как продолжается жизнь по дороге с кладбища,
 Смыслы другие пристали к названью потом.

Вот на последнем мосту на границе России
 Осатанелый вагон прогремел колесом.
 Я с той поры только **ОТСВЕТЫ** вижу **НОЧНЫЕ**,
 Только кружусь по вселенной в **ПОЛЕТЕ КОСОМ**.

Кажется мне, что еще и сегодня я слышу,
 Как громыхал по мосту окаянный вагон,
 Пусть я в грозу забежал под защитную крышу,
 Только **НА КРЫШЕ** моей восседает **ДРАКОН**.

В детстве у дома сугроб подымался саженный,
 Нынче в окно мне глядит небоскребов гора.
 Всё-то кружусь и кружусь я по **ЗАЛУ ВСЕЛЕННОЙ**,
 А надо мною **СОЗВЕЗДЬЕ** висит **ТОПОРА**.

Все мы живем, приближаясь к прощальному мигу,
 Все мы боимся уйти, не оставив следа.
 Что же, — пора написать мне последнюю книгу —
 Книгу о том, что сбылось **ПО ДОРОГЕ ТУДА**.

Всё растёт и растёт он, кладбищенский мой околоток,
 И о мертвых веселая птица на ветке поет.
 Отгуляешь свое, задерешь к облакам подбородок
 И с торжественным пеньем отправишься в звездный
 поход.

Ну, а лет через сорок какой-нибудь Петька иль Димка
 Фотографию старую тронет ленивой рукой.
 Я взгляну на него с пожелтевшего ломкого снимка,
 А он даже не спросит у матери, кто я такой.

Мой потомок живой, понапрасну столкнулись
 с тобой мы,
 Пусть твой день без помехи привычной пойдет колеей,
 Ты с твоими друзьями — совсем из другой вы обоймы,
 Все твои на земле, а мои уже все под землей.

Я свое отгулял, я отбыл на земле мои сроки,
 Отчего же мне терпкою завистью сердце щемит,
 Что ты можешь прочесть даже эти печальные строки,
 А мое поколение забыло земной алфавит.

Для чего же всю жизнь это небо мы любим и славим,
 Для чего эта синяя даль меня с детства звала,
 Если здесь, на земле, все богатства свои мы оставим —
 Наши песни, и мысли, мечты, и слова, и дела?

Сергею Голлербаху

Я забился за кулисы,
Я закрылся на крючок,
Раздражительный и лысый
Неудачник-старичок.

Самому непостижимо,
Как я старый стал и злой,
Как себе на щеки грима
Наложил я жирный слой.

Только в этот раз паршиво
Я усвоил роль свою,
И с отчаяния пиво
В одиночестве я пью.

Вот герольд уже на сцене
Встал с трубой, укрытый тьмой,
А по сцене бродят тени.
Очень скоро выход мой.

Как раздвинется завеса,
Трубы небо затрясут,
И тогда начнется пьеса
Под названьем «Страшный суд».

С ворохами рыжей рвани
Только что простились мы.
На космическом экране —
Черно-белый фильм зимы.

Я закашлялся от стужи,
Я прикрыл перчаткой рот,
Я, шагнувши неуклюже,
Угодил в снеговорот,

И, барахтаясь бессильно
В навалившемся снегу,
Я предчувствую, что фильма
Досмотреть я не смогу.

Всё снега, да снега, да метели,
Нелюдимый скалистый простор.
В горностаевых мантиях ели,
Как монархи, спускаются с гор.

И оленей пугливое стадо
От дороги уходит в снега.
Вот какое оно — Колорадо,
И такая ж, наверно, тайга.

Я становлюсь под старость разговорчив,
Особенно по вечерам зимой.
Презрительное выраженье скорчив,
Сидит напротив собеседник мой.

Пойми, пора мне разобраться толком
Кто я такой? Ответь мне напрямик,
Зачем я заблудившимся осколком
Летел с материка на материк?

Да, знаю я, что темные есть силы,
Но светлые ведь тоже силы есть:
Нам темные вытягивают жилы,
А светлые несут благую весть.

Но ты ответь мне, в чем свобода воли,
Моя заслуга и моя вина,
В тех радостях, в тех бедствиях, в той доле,
Которая мне на земле дана?

Но он в ответ не говорит ни слова.
Ему скучна вся эта болтовня.
Насмешливо из зеркала большого
Мой собеседник смотрит на меня.

Про эту скрипучую
Березу в саду
Слова наилучшие
Я не найду.

Тут не до лексики!
Благоговей!
Всё золото Мексики
Виснет с ветвей.

И в Пенсильвании
Лист колдовской
Кружит, позванивая
Русской тоской.

Что вспоминать? Плакать о чем?
Над головой — темная высь.
В сон уходя, теплым плечом
Ближе ко мне ты примостись.

Мысли бегут быстро, как дым.
Где-то с небес валится гром.
Слышу, как в лад с сердцем твоим
Сердце мое бьет под ребром.

Нас на часов шесть или семь
Запорошит сонной пургой.
И до утра где-то совсем
Мы на звезде бродим другой.

Может быть, там, в звездной пыли,
Я, наконец, что-то пойму.
С правдой земли, с ложью земли
Сладить уму не моему.

Длинная жизнь! Сколько ночей,
Дней, вечеров, сумерек, зорь.
Лучше, мой друг, с ходом вещей
Ты на земле больше не спорь!

Я написал несколько книг,
Всё о себе, о прожитом,
Только пора мне напрямик
Честно сказать людям о том,

Что у меня важный пробел,
Что у меня крупный провал,
Что я на мир жадно смотрел,
А понимать — не понимал.

Мой взгляд, отделившись быстро
От моего зрачка,
Перелетает искрой
По проводам стиха.

Жизнь с ее благодатью,
Как даровой матерьял,
Я на стихи растратил,
В рифмах порастерял.

Не каких-то глаголов виды,
Не лексические слои,
В этих строчках мои обиды,
Мои слезы, жесты мои.

И в стихи я из сердца буду,
Пока я на земле стою,
Как в сообщающиеся сосуды,
Перекачивать кровь мою.

Воздух темнел на Владимирской горке,
Где-то внизу тарахтели моторки,
Месяц за веткой спускался в проем,
Заколыхалась листва ворохами.
Мы на скамейке сидели втроем,
Мы говорили друг с другом стихами.
Недалеко над днепровской водой
Кто-то запел о любви молодой.
А от тайги до британских морей
Темные вышки росли лагерей.

Если бы не было этого дня,
Если бы не было этого вечера, —
Значит — и не было в мире меня,
И обо мне разговаривать нечего.
В небе заката лежит поперечина,
В ней уже мало осталось огня.

Сам себе долю бродяжную выбери
И по окольным дорогам кружись.
Но и за четверть секунды до гибели
Помни, что чудом была твоя жизнь.

Каждому встречному дереву радуйся,
Кланяйся солнцу, приветствуй дожди.
И ничего, что ты прожил без адреса,
Только ответа на письма не жди.

Всё, во что верил, и всё, за что ратовал, —
Кажется, кануло в темный пролом.
Может быть, ангел почтовый припрятывал
Письма твои у себя под крылом?

Вслушайся в звездную ночь одиночества
И ничего от людей не таи:
Ангелу, может, доставить захочется
По назначению письма твои.

Привыкали мы всякую ересь
Читать на страницах газет.
Твердят, с географией сверясь,
Что я эмигрантский поэт.

Я знаю — всё стерпит бумага,
Чем люди ее нагрузят.
Но если я даже бродяга,
У книг моих есть адресат.

Пускай и ухабы и встряски —
Мое кочевое житье,
Но разве должно быть в участке
Прописано слово мое?

Иль, может быть, критик циничный
Действительно способ нашел
В стихи мои столб пограничный
Забить, как осиновый кол?

Художника судят по краскам,
Поэта — по блеску пера.
Меня называть эмигрантским
Поэтом? Какая мура!

Гурьбою по булыжной мостовой
Сухие листья гнались друг за другом,
Да из-за веток яблони кривой
Звезда глядела на меня с испугом.

А я припоминал за пядью пядь
Всю жизнь мою и славил Божью милость,
И мне хотелось людям рассказать
О том, что на земле со мной случилось.

И жизнь мою укладывал я в стих
С паденьями, со взлетами, с грехами,
Да у меня и не было других
Причин, чтоб разговаривать стихами.

Он красоту от смерти уносил!

Бунин

Олень упал. Пробила шею пуля.
За деревом, его подкарауля,
Стояла смерть в дубленом кожухе,
В папаше старой и с ружьем в руке.
Олень хрипел и скреб рогами пень,
И, умирая, вздрагивал олень.
Казалось, что он жаловался громко,
Казалось, что, собрав остаток сил,
Он Бунину рассказывал о том, как
Он красоту от смерти уносил,
Как жил в лесу, щипал кусты по скалам
И спал, укрывшись звездным покрывалом.

И в тот же самый день в больнице где-то
Родился человек и стал кричать.
О нем уже заполнена анкета,
Указаны его отец и мать,
Какой в нем вес, глаза какого цвета,
Стоит на папке номер и печать.
В хранилище особого отдела
Заведено на человека дело.
И кажется, что в этой папке плотной
Весь человек упрятан как живой —
Он с метрикой, он с книжкой зачетной,
С дипломом он и с книжкой трудовой,
Он с паспортом и с воинским билетом,
Он на расправу справкам и анкетам
И бюрократам выдан с головой!
Там аккуратно сложен каждый листик,
Там человек измазан дегтем лжи

И вывален в пуху характеристик!
И в сыске искушенные мужи
Там только ждут условленного знака,
Чтоб, шутку безобидную твою
Истолковав превратно и двойко,
Состряпать уголовную статью.

А мне бы жить и умереть оленем,
Над озером в заснеженном лесу,
Где каждый вяз могучим разветвленьем
Удерживает звезды на весу.
Пускай всю жизнь облавы, и погони,
И ледяные ветры всех ночей,
Но только б не за проволокой в Зоне
Под отческим присмотром стукачей.

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ БОНГАРТА

Ну вот, погостил и ушел восвояси,
За друга в пути — мой сегодняшний тост.
Он с нашей планеты уходит по трассе
Поэтов, художников, ангелов, звезд.

Я знаю — ему и сейчас не до смерти.
Я знаю, что смотрит он пристально вниз,
Туда, где остался стоять на мольберте
Последний набросок — прощальный эскиз.

Сереза, мы в Киеве, в темной квартире.
Когда-то с тобою мы встретились здесь.
На старой газете картошка в мундире,
А в кружках какая-то горькая смесь.

И всюду подрамники, кисти, окурки,
И прямо с мольберта глядит с полотна
Парнишка в распахнутой лихо тужурке,
Склоненный в тоске над стаканом вина.

Так вот в чем искусства могучее чудо:
С такую тоскою глядит паренек,
Таким одиночеством дует оттуда,
Что глянешь — и ты уж не так одинок.

Мы выросли в годы таких потрясений,
Что целые страны сметали с пути,
А ты нам оставил букеты сирени,
Которым цвести, и цвести, и цвести.

Еще и сегодня убийственно-густо
От взрывов стоит над планетою дым,

**И все-таки в доме просторном искусства
Есть место стихам и картинам твоим.**

**И ты не забудешь на темной дороге,
Как русские сосны качают верхи,
Как русские мальчики спорят о Боге,
Рисуют пейзажи, слагают стихи.**

Рюрику Дудину

Где машина мчится за машиной
И под мост ныряет, как в провал,
Эллина в тунике с дудкой длинной
Кто-то на стене нарисовал.

Кружатся однообразно сутки,
День и ночь машины мчат и мчат,
День и ночь играет он на дудке,
Как тысячелетия назад.

Ничего, что ветры воют дико,
Что снега бегут над ним гурьбой,
Что с годами синяя туника,
Выцветая, стала голубой,

Что вблизи встает машиной жуткой
Небоскреб во весь гигантский рост...
Как тебя с твоей смешною дудкой
Занесло сюда, под этот мост?

Ты о чем горюешь одиноко,
И в уединении своем,
Может быть, играешь песню Рока
Тем, кто тут мелькает за рулем?

Ты глядишь из мрака ниши узкой
И напоминаешь мне о том,
Что и я с моею дудкой русской
Оказался где-то под мостом.

Меж небом и землею в коридоре,
Похожие на поседевших птиц,
Мои друзья и я в житейском море
Качаемся на палубах больниц.

А было путешествие отменным,
Благоговейно поклонились мы
Камням Европы, всё еще священным,
Америки увидели холмы.

Спеша путем подъемов и обвалов,
Мы чувствуем по холоду в груди,
Что никаких других не будет палуб,
Что гавани остались позади.

Сам я толком не знаю,
Что от жизни я жду.
На подножку трамвая
Я вскочил на ходу.

Да, наверное, круто
Повернув невзначай,
Где-то сбился с маршрута
Непутевый трамвай.

И вагон как попало
Скрежетал, громыхал
С одного перевала
На другой перевал.

Отовсюду нагрянув,
Обступили меня
Карусели каштанов
И домов толкотня,

Блестки звездных колючек,
Пляс осенней трухи,
Мне не выдумать лучших,
Чем вот эти стихи.

И, пожалуй, что в этом
Биография вся:
Оставался поэтом,
На подножке вися.

ПРИТЧА О ВРЕМЕНИ, ИЛИ РАЗГОВОР ПЕРЕД НОВЫМ ГОДОМ

— Ты что суетишься?

— Да вот,
Спешка к празднику, к Новому Году.

— А по мне новогодних забот
Хоть и вовсе бы не было сроду.
Что мне нового год принесет?
Время? С вечною рифмою — бремя?!
Новый камень, что в мой огород
Зашвырнет вероломное время?
Каждый миг, каждый времени шаг
Мне на плечи ложится поклажей,
Новый Год — он не просто мне враг,
Он командует армией вражьей.
Так зачем же, подумай, врагу
Мне устраивать пышную встречу?

— Я попробую, если смогу,
На твои обвиненья отвечу.
Знаешь, так уж издревле пошло:
Теща всякая — зло безусловно,
И, конечно, такое же зло,
Скажем, теща Надежда Петровна.
Ну, а бабушка, наоборот,
Теплота, доброта и забота —
Тешит сказками, песни поет
И всегда опекает кого-то.
Только разум смущается наш,
Тут какой-то просчет, безусловно,
Так как бабушка — это она ж,
Та же теща, Надежда Петровна.
Да, пугает нас времени нож,

Точно ад надвигается Дантов,
Только всё ж неизменно хорош
В полночь бой новогодних курантов.
Пусть кругом всё идет ходуном
За столом с новогодним вином,
Все мы любим веселую встряску.
Вместо тещиных каверз мы ждем,
Что расскажет нам бабушка сказку.

МОНОЛОГ ПЕНСИОНЕРА

Все-таки целебны
У отставки качества:
С лямкою служебной
Расквитался начисто!

Отгавкал свое, оттявкал,
Отрявкал, теперь — отставка!

Грызитесь из-за прибавки,
А я посижу на травке!

В отставке живу, в отставке
От вас и от вашей лавки,
От вашей трамвайной давки,
От канцелярской гонки —
В сторонке стою, в сторонке!

Чуть не жизнь на вас убухав,
Еле ноги уволок
От интриг, от сплетен, слухов,
От подвохов, дрызг и склок!

От клоаки свалочной
И от клики сволочной
С ее привычкой лавочной
Всегда бежать за ветчиной,
Чтобы урвать добавочный
Кусок очередной!

В отставке живу, в отставке!
Кушайте друг друга, шавки!

Ставьте десять раз на дню
Друг на друга западню!

Своему коллеге ловко
Мышьяка подсыпь в стакан!
У коллеги — мышеловка,
У тебя зато — капкан!

Надевайте темной ночью
На коллег удавочки!..
А я нюхаю цветочки
Да сижу на лавочке!

Всё оказалось очень просто:
Я заглянул в полуподвал,
И там от Каменного гостя
Я жизнь свою застраховал.

И мне нотариус румяный,
Прощаясь, нежно руку жмет,
Клянется мне, что с донной Анной
Не будет никаких хлопот.

Он, с каждым годом богатея,
Ведет успешные дела,
И даже печень Прометея
Застраховал он от орла.

В различных проявлениях бытия
Усматривал философ связь живую.
Так, например: я мыслю, значит, я,
По мнению Декарта, существую.

Тут логики несокрушимый вал,
Но верить ей не стану раболепно.
Я плохо мыслил, а существовал —
Осмелюсь утверждать — великолепно.

Как знать, на небе пятом иль седьмом,
А может быть, на небе двадцать третьем
Мы будем обладать иным умом
И логику совсем иную встретим.

И может быть, за этим звездным рвом
Столкнемся мы с совсем другим порядком,
И мозг, что был природы торжеством,
Слепой кишки окажется придатком.

Опять я убеждаюсь и опять,
Что жалок ум, что интеллект заносчив,
Что мир куда верней воспринимать
На глаз, на вкус, на нюх, на слух, на ощупь.

Я слушал стиха соловьиною медь,
Хотелось уметь этой медью греметь,
Но жизнь меня вкривь потащила и вкось,
А все-таки жалко, что не удалось.

Зачем же хитрить напоследок с собой?
Будь счастлив своей эмигрантской судьбой,
На позднее чудо надеяться брось,
А все-таки жалко, что не удалось.

Ну что же, плыви по вселенной, поэт,
Твой адрес теперь между звезд и планет,
С землею в разлуке и с музою врозь,
А все-таки жалко, что не удалось.

Хотелось найти мне такие слова,
Которые так же шумят, как листва,
Чтоб солнце стихи пронизало насквозь,
А все-таки жалко, что не удалось,

Что замыслы все разлетелись, как дым,
Что стих не согрел я дыханьем своим,
Что зря понадеялся я на авось.
А все-таки жалко, что не удалось!

Посмотри, как торопится птица,
Видно, время и мне торопиться,
Видно, время и мне подошло
Распрямить для полета крыло.

Посмотри, как торопится птица,
Видно, мне торопиться пора,
Закружился каштан темнолицый,
Как шаман, посредине двора.

И листва у дороги шоссейной
Все откосы усыпала сплошь,
На костлявых танцоров Гольбейна
Каждый вяз придорожный похож.

...Скоро с этого аэродрома
Ты отправишься, мой самолет,
В неизбежный, крутой, незнакомый,
Невозвратный, последний полет.

Где-то вверху, за холмы уходя,
Гром грохотал тяжело.
Шлепают крупные капли дождя
О ветровое стекло.

Может быть, так же, сквозь дождь, Одиссей
В море смотрел с корабля.
Кинулась сразу машиною всей
Мне под колеса земля.

Крупные капли дождя тяжелы,
Наискось бьют по стеклу.
Сосен стволы выплывают из мглы
И уплывают во мглу.

День, поскорее приди и рассей
Этот ненастный покров.
Может быть, так же кружил Одиссей
Возле чужих островов.

Верно, казалось, что рядом встают
Стены Итаки во тьме.
Моря ночного чудовищный спрут
Ерзал уже по корме.

С шумом и там подымались и тут
Щупальцы смерти самой.
Но хорошо, что хоть в песнях поют,
Что он вернулся домой.

БЕЖЕНСКАЯ ПОЭМА

Только полозы ползали...

«Слово о полку Игореве»

1

Сколько тут бабахано!
Сколько бомб убухано!
Динамитом вспахана
Половина Мюнхена.

Пролетают сизые
Голуби над Изаром,
А вода-то в Изаре
Зеленеет бисером.

А вокзал — как выводы
Из войны законченной:
Окна все повыбиты,
Двери заколочены.

В реку остов башенный
Рухнул, как подкошенный.
Рядом с крыши крашеной
Черепица сброшена.

Гневно разворочена
Мостовая миною,
Кошка озабоченно
Крадется руиною.

И трубит в пробоины
Ветер неприкаянный.
А казарм настроено
Сколько по окраинам!

Корпуса бетонные —
Кто ж внутри содержится?
А перемещенные
Беженцы-отверженцы.

Кто с узлом-периною,
Кто с кошелкой кожаной.
Помещенья длинные
Сплошь перегорожены.

А за одеялами,
А за полотенцами —
Семьи с годовалыми
Шумными младенцами.

В эти годы гиблые
Разные есть беженцы:
Кто читает Библию,
Кто в железку режется!

Этот — на гектографе
Издает известия,
Там — девчонку до крови
Бьет мамаша-бестия.

Тут поэт из Чехии
В творческом наитии
Воспевает некие
Важные события.

Те включили резкую
Музыку приемника,
Чтоб за занавескою
Нежничать укромненько.

А в углу подвыпили
Старых два деникинца, —
Им еще с Галлиполи
Не впервые мыкаться.

И казарма кажется
Вечерами страшною
Согнутой под тяжестью
Вавилонской башнею.

3

Я хожу оборванный,
В мятой шляпе фетровой.
Недотепа форменный,
Хоть мозги проветривай!

Лирик, у которого
Ничего не пишется.
Да, судьба мне здорово
Прописала ижицу!

К черту амфибрахии,
Дактили, анапесты!
В лагере неряхою
Выгляжу растяпистой.

А стихи давнишние
Все в ведро помойное
Выкинуты! (Лишнее
Дело, беспокойное!)

Негде стать на якоре.
Чувствую заранее,
Что погибну в лагере
Где-нибудь в Германии.

Нечисть эмведистская,
Точно псы легавые,
По Европе рыская,
Налетят облавою!

Угрожают выдачи!
Нансеновским паспортом
Запасайся — иначе
Попадешься аспидам!

Чтоб избегнуть жребия
Этого проклятого, —
Вру, что жил я в Сербии
До тридцать девятого,

В эти дни преступные
Дышит всё подделкою —
И подделкой крупной,
И подделкой мелкою...

Девушка учтивая,
Перышком поскрипывай
И печать фальшивую
Ставь на справке липовой!

4

Постоял у корпуса.
Самокрутку выкурил.
Холм полночный сгорбился,
Как в походе Игоря.

За холмом-то половцы.
Так и ждут, чтоб вылезти.
Слышится, как полозы
Ползают, извилисты.

Не слышать ни голоса
Птицы, ни собачьего
Лая, — только полозы
Проползают вкрадчиво.

Только близко половцы
С копьями и с луками.
А казарма полнится
Яростными слухами.

Что сосед вполголоса
Говорит — не вынести.
По казарме полозы
Ползают, пружинисты.

Слух за слухом тужится
Сердце обволакивать,
Чтоб в поту от ужаса
Среди ночи вскакивать.

5

Время ураганное,
И бывает всякое...
Жизнь у нас престранная,
Жизнь у нас двойкая!

В мыслях безалаберно.
Что же с нами станется?
(А в театре лагерном
Ставят «Бесприданницу».)

Завтра, может, за ноги
Выволокут недруги.
(Курсы по механике,
Курсы по электрике.)

Завтра яму выроют,
Сгинешь смертью лютою.
(Кто-то спекулирует
В лагере валютою.)

В коридоре — дамочки
Голосок взволнованный
Перед детской ванночкой
С сельдью маринованной.

Там торговля шумная —
Вмиг селедка кончится!
(Время хоть и чумное —
Пировать нам хочется!)

То этаж казарменный
Или круг то адовый?
Небо светозарное
К нам ты не заглядывай.

6

За стеной казарменной,
Где пустырь заброшенный, —
Куст дрожит обшарпанный,
Куст дрожит встревоженный.

Дальше, за канавою —
Кинутая, брэнная,
Сломанная, ржавая
Техника военная.

Крылья самолетные
Утонули в клевере.
Птица беззаботная
Свищет на пропеллере.

Остов от «мерседеса»
С острыми останками,
Где «мерседес» сверзился
В ров противотанковый.

Сгнившее сидение
С выдранный пружиною.
Тонкие сплетения
Свиты паутиною.

Колесо орудия
Из травы возносится.
А кругом безлюдие.
Птиц многоголосица.

7

В поисках сокровища
Хлам переворачивай!
Для мальчишек что еще
Может быть заманчивей?

И нашли два мальчика
Среди хлама мятого
Что-то вроде мячика,
Но тяжеловатого.

Да беда с ребятами:
Слишком любознательны.
Что внутри запрято?
Вскроют обязательно!

И железкой крепкою
Между створок чиркая,
Вклинивались щепкою,
Точно растопыркою.

Как ударит зарево
Среди поля голого!
Витеньке Трубарову
Размозжило голову.

Кровь на камни вытекла.
Он лежит не двинется.
А всего-то Витеньке
Было лет одиннадцать.

На земле взъерошенной
Вечно неурядица.
Жизни рано скошенной
След легко теряется.

Но и годы-мамонты
Поступью не выбили
У меня из памяти
Этой скорбной гибели.

НЬЮ-ЙОРК — ПИТСБУРГ

А. и Л. Ржевским

Сегодня новый замысел возник.
Возможно, что последняя из книг.
(Какая-то должна же быть последней!)
Когда тебе уже за шестьдесят,
То дни большими звездами висят
И падают за крышею соседней.

Немедленно стихами стать должно
И то, что я сейчас гляжу в окно
Автобуса, и эта автострада,
И вереница мчащихся машин,
И клены, и летящие с вершин
Десантные отряды листопада.

В Нью-Йорке я провел четыре дня.
Там было выступленье у меня.
Читал стихи на вечере Литфонда.
Нью-йоркская знакомая толпа.
Со всех помоек мира шантрапа
По улицам ползла, как анаконда.

Я, несмотря на всё, люблю Нью-Йорк!
Меня всегда приводит он в восторг —
И день и ночь меняющийся город.
И все с тобой случиться может тут,
Тебя вознаградят и вознесут,
И за нос проведут и объегорят!

А в Гринвич Вилидж перемен полно!
Но эти банки, лавки и кино

Ответного не вызовут рефлекса
В душе. Но, как и тридцать лет назад,
Я ресторан О.Генри видеть рад,
Он неизменен — чинный храм бифштекса.

Тут переулок загибался вбок,
А на углу был винный погребок.
Над баром — свет рассеянно-нерезкий.
Соседка возбуждала интерес
Во мне, и узких глаз ее разрез
Напоминал египетские фрески.

Я с ней заговорил, не помню как,
Я был тогда беспечный холостяк,
И всё произошло довольно странно:
Я очень скоро перебрался к ней,
А после — страшно вспомнить, сколько дней
Я вырывался, словно из капкана.

Теперь всё это мохом поросло.
Как быстро сердце забывает зло,
Но ослепленья миг незабываем.
И в Гринвич Вилидж думал я о том...
Мне захотелось вновь увидеть дом,
Что для меня и адом был, и раем.

Но дома я того не отыскал.
Там высится теперь на весь квартал
Многоквартирный улей из бетона.
Пора привыкнуть, что таков Нью-Йорк,
Он с прошлым договоренность расторг,
Ему плевать, что было время оно.

Всё новое Нью-Йорку по нутру.
Нью-Йорк ведет азартную игру,
И у него всегда припрятан козырь.
Что памятник, театр иль музей?
Таких Нью-Йорк не ценит козырей,
Есть у Нью-Йорка козырь свой — бульдозер'

Вот дом, в котором помещался суд.
Сейчас его с лица земли снесут,
И кажется таким он беззащитным.
Вся внутренность его обнажена,
Парадная, передняя стена
Обрушена тараном стенобитным.

Но здание тут выстроят опять,
И сотни будут по стенам стоять
Компьютерных игрушек электронных.
Знай только не жалея четвертаков!
Там на экранах битвы огоньков
Лиловых, синих, красных и зеленых.

А вот Нью-йоркский университет.
Всё тот же вход, всё тот же в окнах свет.
И прошептал я: здравствуй, Альма Матер.
Во мне еще тот полдень не погас,
Когда за тем окном в последний раз
Передо мной сидел экзаменатор.

А в Вашингтонском сквере — всякий люд,
Целуются, читают книги, пьют...
На скамьях и богема, и босота.
Тот ходит по фонтану колесом,

Тот дует в дудку, там девчонка с псом
Идет сквозь триумфальные ворота.

Тут уличные выставки в ходу.
Художники Нью-Йорка раз в году
Сюда несут пейзажи, натюрморты,
Портреты (уголь, масло, казеин),
И целый день толпятся у картин
Ценителей задумчивые морды.

Я исходил тут всё и вкривь и вкось,
Но, признаюсь, мне редко довелось
Наткнуться на абстрактные полотна.
Тут пишут по традиции скорей.
Владельцы знаменитых галерей
Такое выставляют неохотно.

А рядом, в двух шагах, живет мой друг.
(Моих друзей сужающийся круг!
Осталось только несколько последних!)
Так о хорошем друге почему б
Не рассказать? Он страстный жизнелюб
И необыкновенный собеседник.

И в нем каких талантов только нет!
Блистательный литературовед,
Писатель обаятельный и критик...
К тому еще добавлю, что мой друг
Феноменально подсекает щук,
Умеет артистически ловить их!

Увидевши внушительный улов, —
Посредственный любитель-рыболов, —

Я жгучую испытываю зависть,
Клянусь себя, и леску, и блесну!
(Но тут я с облегчением вздохну,
С последней рифмой кое-как управясь!)

Мой друг — уже профессор отставной,
Но, несмотря на годы за спиной,
Еще он — увлекательнейший лектор.
Хоть никакой не Геркулес-силач,
Но пьет он этот окаянный «скатч»,
Как пили боги греческие нектар!

Бывало, что в иные вечера
Сцепляла нас азартная игра,
Являвшаяся отдыхом особым
И для него, и для его жены,
И для меня — мы все заражены
Неизлечимо карточным микробом!

Как хорошо, проигрывая вдрызг,
Пойти на риск, на идиотский риск
Нахального, отчаянного блефа,
Когда паршивой пары даже нет,
А на руках туз пик, король, валет,
Семерка и какая-нибудь трефа.

Забрался в дебри я с моим стихом,
Читатель! Может быть, и не знаком
Ты с покером, да и какое дело
Тебе копать в том, какая масть
Досталась мне или какая страсть
Моей душой азартной овладела!

Автобусные стекла всё темней.
Дорога всё темнее. И по ней
Бегут, бегут, бегут автомобили...
Опять всю ночь перед окном сиди,
Опять Нью-Йорк остался позади —
Нью-Йорк, в котором мы когда-то жили.

...Военный транспорт «Генерал Балу»
К Нью-Йорку плыл сквозь утреннюю мглу.
И вдруг, вонзаясь в небеса упрямо,
Возникли небоскребы. Видел я,
Как в небо, сердце города, твоя
Угластая впилась кардиограмма.

О Боже, как мне было тяжело!
Всё нищенское наше барахло
Осматривала тщательно таможня.
Как, от стыда сгорая, я стоял
Над ворохом потертых одеял —
Пересказать словами невозможно.

А там, глядишь, — пройдет еще дней шесть —
И у меня уже работа есть:
Я мою пол в каком-то ресторане.
Жизнь начинаю новую мою.
По вечерам я в баре виски пью
И в лавке покупаю всякой дряни.

За первый мой американский год
Переменял я множество работ,
И думаю теперь, что для закалки
Характера — всё это хорошо,

И даже я доволен, что прошел
Бесчисленные потовыжималки.

Меня и в мастерскую занесло,
Где я цветное клеивал стекло,
Изготавливая брошки и сережки.
А раз попал я в транспортный отдел
Гостиницы, где целый день сидел
За загородкой в крошечном окошке.

А вот я, полуголый, у станка
Стою, и пота льет с меня река.
Из плотнопрорезиненной пластмассы
Там, посреди ужасной духоты,
Я надувные делаю плоты
И надувные делаю матрасы.

А раз, мне год удачный подарив,
Меня служить устроили в архив,
Где было дела, признаюсь, немного.
Я на железных полках расставлял
В порядке алфавитном матерьял
И карточки писал для каталога.

Когда привык ты к жизни кочевой,
Когда терять работу не впервой
И перемены всякие не внове,
И ты чудес не ждешь, — тогда нет-нет
Да и придет удача: десять лет
Я проработал в «Новом Русском Слове».

Обычай, надо полагать, таков,
Что очень много всяких чудачков

Среди редакционного состава.
Уже не позабуду я вовек
Моих обворожительных коллег,
Что отличались странностями нрава.

Не просто стар, а допотопно стар,
Сутол, высок, подтянут, сухопар
Был Поляков — редактора помощник.
Статью любую сократить был рад
И прозывался потому «Сократ».
Он был сторонник выражений мощных!

Мы, по столу удары кулаков
Заслыша, знали — это Поляков!
Для устрашения прочих джентльменов,
Бывало, раздражительный старик
Подымет нечленораздельный крик,
А то и крик с упоминаньем членов.

Зато, что вспомнить — было старику:
Знавал он многих на своем веку,
Лет семьдесят в газетах проработав,
Встречал он замечательных людей.
От Ромула и вплоть до наших дней
Знал тьму литературных анекдотов.

Был при газете книжный магазин.
Мартьянов в нем хозяйничал один,
Обслуживал весь день библиоманов.
Когда не приходил уборщик-негр,
Из глубины редакционных недр
— Где Чернышевский? — спрашивал Мартьянов.

Мартьянов был всегда невозмутим,
И даже если пререкался с ним
Какой-нибудь рассерженный наборщик...
В нем чувствовался русский офицер.
Он был когда-то боевой эсер
И революционный заговорщик.

Участвовал и в покушении он
На Ленина, и был приговорен
К расстрелу, и бежал из-под расстрела,
С Мартьяновым я ездил на залив,
Мы, лодку от причала отвалив,
Рыбачили часами осовело.

В иные дни казалось, что народ
Редакцию на абордаж берет,
Толпою неожиданно нагрянув.
Но как бы ни бурлила жизнь ключом,
Кто к нам бы ни входил — «А ваша в чем
Проблема?» — громко спрашивал Мартьянов.

А от меня чуть-чуть наискосок —
Машинка Вороновича. Высок.
Породист, сразу видно — из холеных...
Теперь он стар и на исходе сил.
Во время революции он был
Одним из возглавителей зеленых.

В пятнадцать лет он при дворе был паж,
Но обуяла боевая блажь,
И убежал он воевать с микадо.
Видать, в такой попал он переплет,
Что с той поры все годы напролет
Он воевал с кем надо и не надо.

Я слышал не один его рассказ
О том, как в стычках с красными не раз
Он попадал в смертельную засаду.
Но чудом он уцелевал в бою,
И даже раз за голову свою
Он умудрился получить награду.

Вся жизнь его похожа на роман.
Не знаю — у грузин или армян
Он был министром, и небесталанным.
Всё это увлекательно весьма.
Я верю в то, что будущий Дюма
Займется этим русским д'Артаньяном.

В те времена еще Андрей Седых
Ходил, как говорится, в молодых,
И баловала жизнь его успехом.
К нам приезжал он словно на гастроль —
Короткую свою исполнит роль
И исчезает весело, со смехом!

Увы, журналистический микроб
Не оставляет жертв своих по гроб.
В кого залез он — те уже отпеты!
Седых, что был когда-то балагур,
Делами озабочен чересчур
С тех пор, как стал хозяином газеты.

Смешинка промелькнет по временам
В его глазах, напоминая нам,
Что прежний в нем Седых еще не умер.
При встрече я его услышу смех,
А иногда и в деловом письме
Блеснет его феодосийский юмор.

Но где б ни сколотил он свой очаг —
В Париже иль Нью-Йорке — он крымчак!
Неистребима юность в человеке,
И юношеский мир неистребим.
И жив еще в его рассказах Крым —
Фонтанчик... запах кофе... чебуреки...

За окнами фонарь сверкнул во мрак,
На миг ударив светом в буерак,
И катится автобус быстро с горки.
Уже давно бы следовало спать,
Но живо представляю я опять
Моих друзей, оставшихся в Нью-Йорке.

Сапронов Анатолий. Часто с ним
За шахматами вечером сидим.
(А в Питсбурге, увы, играть мне не с кем!)
Уже не помню я, который год
Он мне, шутя, ладью дает вперед —
И все-таки выигрывает с блеском!

Он мог бы стать гроссмейстером. Но дар
Его созрел в те дни, когда разгар
Военных действий всё попутал в мире.
А Толя был тогда в расцвете сил,
И чемпиона Чехии он бил,
И в Венском он участвовал турнире.

И с Толей в Гринвич Вилидж я бывал,
Когда уютный шахматный привал
Устроил там покойный Россолимо.
Над досками склоненных сколько лиц!
Пьют кофе, курят да играют блиц!
И плавают над ними клубы дыма.

Бывало — Россолимо подойдет.
(Он был волшебник шахматных красот,
И с Толей за доской они встречались.)
Он только на фигуры поглядит —
И самых верных жертв, атак, защит
Он тут же демонстрирует анализ.

Он был прекрасным шахматным бойцом —
И вдруг вообразил себя певцом!
Да, все мы склонны к странным переменам!
Посмотришь — путь у каждого петлист.
Ну для чего чудесный шахматист
Становится певцом обыкновенным?

Мне хочется как можно быть точней:
Есть комната — сейчас пишу я в ней,
А есть еще автобус, о котором
Пишу. Раздался в комнате звонок —
И про автобус я писать не мог.
Был занят телефонным разговором.

Автобус пробегает по шоссе.
Какие мы притихнувшие все! —
Во тьме всегда испытываешь робость.
Но вот автобус выскочил на мост —
И как летит ракета среди звезд,
Так к фонарям моста летит автобус.

Ну вот — опять — с потерей примиришь!
Узнал я новость грустную: Борис
Нарциссов умер только что от рака.
Назад в стихи! Скорей в стихи назад
От всех смертей — и тех, что предстоят,
Подальше от кладбищенского мрака.

Искусство — как его ни назовешь —
Оно всегда спасительная ложь,
Что помогает жить. Искусство — схватки
Со смертью, где-то спрятавшейся там...
Вчера плелась за нами по пятам,
Сёгодня наступает нам на пятки.

И мне, Борис, поможет жить твой стих.
Кикимор, свещеглазников твоих,
Твоих уродцев необыкновенный
Парад не прекращается! И впредь
Мигуеву-Звездухину гореть
На небе поэтической вселенной.

Вот фонари проносятся гурьбой,
И мысли осаждают вперёбой,
От каждого толчка разнообразясь.
Мне вспомнилась картина — на губах
Как эхо отозвалось — Голлербах!
Еще один нью-йоркский мой оазис.

Зайдешь к нему — и с чуткостью антенн
Навстречу наклоняются со стен
Угластые бока, зады и шеи.
Но и зады, и шеи, и бока
Со временем уйдут наверняка
Из мастерской во многие музеи.

Художник баров, пляжей, пустырей
И девок, что стоят у фонарей
В компании каких-то щуплых типов.
А вот старик, что всеми позабыт,
И так остекленело он глядит,
Как будто бы совсем из жизни выпав.

Как этот вид нью-йоркский мне знаком!
Старуха на скамье в саду с кульком,
Собачка возле ног ее присела.
А вот среди вагонной толкотни
Влюбленные — они совсем одни,
Ни до кого на свете нет им дела.

Мне кажется всегда, что Голлербах
Рисует где попало, второпях,
В толкучке остановок и обжорок.
Но он, свое средь давки отыскав,
Становится по-доброму лукав,
Становится по-озорному зорок.

Посмотришь на его огромных баб —
И думаешь, что каждая могла б,
Зачавши, разрешиться великаном.
Их груди, ляжки, локти и зады
Обыгрывает он на все лады
И нам их преподносит крупным планом.

Взглянул — и дух захватывает аж!
Казалось, на холсте вечерний пляж
На океанском воздухе настоен!
А что он там с телами навертел!
Мне нравится, что в поворотах тел
Он чуточку бывает непристоен.

Я восхищался новым полотном:
Певичка в ресторанчике ночном
У микрофона высветлена резко.
Я, впечатленью подведя итог,
Скажу, что фантастический цветок
Взошел на грунте грусти и гротеска.

Но вдруг — толчок, потом опять толчок —
И света станционного пучок
Ударил об автобусные стекла.
Рассвет обозначается едва.
Я в городе, где от дождей листва
Обвисла, потемнела и намокла.

Ну что ж, — бери свой чемодан, неси
До первого свободного такси,
А встречи, впечатления, дорогу —
Спрячь в памяти.

...Сейчас мы завернем.

Я вижу белку на окне моем.
Подъехали. Я дома. Слава Богу.

НЕ СОБРАННОЕ В КНИГИ

Розу в волосы заколите,
Веер китайский подвесьте к руке.
Вам бы где-нибудь на Гаити
Плясать на столе в ночном кабаке.

Только там, у дубовой стойки,
Где гавайской гитары стонет струна,
Всем неудачникам все неустойки
Счастье выплачивает сполна.

Всё мудро устроено в мире,—
И то, что замужем ты,
И то, что в твоей квартире
Стоят на столе цветы.

И то, что, придя с работы,
Твой муж находит уют,
И то, что эти заботы
Встречаться нам не дают.

Но если при редкой встрече
Ты мне кивнешь на ходу,
Я эти глаза и плечи —
В глубокую память кладу.

Я счастлив. И нет мне дела,
Что меж нами преграды одни...
Как бы ты мне надоела,
Если бы не они!

Ты не лепечешь по-французски,
Ты шелком не сжимаешь ног.

Пушкин. «Калмычке»

Только встречу и погляжу —
Рвется душа на части,
Ходит по первому этажу
Мое калмыцкое счастье.

Где кибитки и где холсты,
Песнь по степным проселкам?
Ты по-французски лепечешь, ты
Ноги сжимаешь шелком.

Устремляется вспять поток,
Если плотиной заперт.
Будем мы глядеть на восток,
А уходить на запад.

Нашей беды большой
Кто подсчитает убытки?
О если б забыться праздной душой
В твоей кочевой кибитке!

Лагерь UNRRA

1947

В тот темный год отца из дома увели.

Под рев ветров зауспокойных,
Казалось, треть страны в тот год ушло с земли
В сопровождении конвойных.

Год пыток, год смертей, год сталинских расправ,
Процессов, массовых расстрелов,
Вожди беснуются, стране хребет сломав,
И бед на сотни лет наделав!

Год ссылок и разлук, арестов и тревог,
Год всероссийского погрома!
Я вспоминаю блеск начальственных сапог
И грозный окрик управдома.

Он всюду, как шакал, вынюхивал беду,
И, будучи дельцом прожженным,
Кому-то сразу он, как водится, за мзду
Сбыл нашу комнату с балконом.

А я, заткнув в полу крысиную дыру,
Мой стул, мой стол, одежду, койку
Легко перетащил в пустую конуру,
Где видишь из окна помойку.

Однажды вечером я в свой чулан иду
(Я где-то ночевал у друга).
Сосед мой, торопясь, кивнул мне на ходу,
Глаза скосивши от испуга.

А позже я узнал, что в эту ночь за мной
Какие-то явились трое.

Еще наслушаюсь я брани площадной
Осатанелого конвоя.

А в институте всё я рассказал друзьям,
Я навсегда прощался с ними,
Я думал, что меня сошлют в Сибирь, а там
Сгноят в каком-нибудь Нарыме.

И вечером, один, сидел я в тишине.
Окна темнела крестовина.

Ждал, что придут за мной, но с шумом вдруг ко мне
Ввалились Жорж, Борис и Нина.

У каждого из них какой-то тюк в руке.
— Бери-ка теплые вещицы!
— Достали кое-что! Не дело налегке
Тебе по холоду тащиться!

Но брать мне не пришлось тех сказочных даров.
Причиной опасений ложных
Была, как раз в ту ночь, проверка паспортов
У элементов ненадежных.

Страна, где прошлого тепла еще зола,
Страна, где волны страха катят,
Там хватит, может быть, на сто столетий зла,
Но и добра на сто столетий хватит.

ТОВАРНАЯ СТАНЦИЯ

...В поле на рассвете —
Женщины и дети.

А вагоны на перроне —
Это мир потусторонний

И в окне вагона —
Голова — икона.

Не лицо уже, а лик.
Смотрит отрешенно
Бритый, высохший старик
Из окна вагона.

Вот и он пропал во тьме.
Выживет едва ли —
Где-нибудь на Колыме,
На лесоповале...

Тяжко дышит на ремне
Пес у конвоира.
Кто-то что-то крикнул мне
Из другого мира.

И я вижу: на снегу
В стороне записка.
Взять ее я не могу —
Конвоиры близко.

Не пройдешь туда никак,
Охраняют рьяно.
Спустит на тебя собак
Сразу же охрана.

Верно, с адресом листок
Извещает сжато,
Что такой-то дали срок,
Что везут куда-то.

Но записку ветер сгреб
И понес, загикав...
А затоптано в сугроб
Сколько этих криков?

Но бывает — повезет
Крошечным запискам —
Подбирает их народ
И относит близким.

Это — год тридцать восьмой,
Памятный угарной,
Зимнею рассветной тьмой
Станции товарной.

Дым по ветру распластав,
Как дракон несытый,
Подползал, шипя, состав,
Ссылными набитый.

Точно не было конца
Траурному дыму.
Между ссылными — отца
Я искал в ту зиму.

Год прошел, как поутру,
После ночи долгой,

Он по нашему двору
Уходил с кошелкой.

И с ружьем наперевес
Шел за ним военный,
И отец навек исчез
Где-то во вселенной.

Ни могилы, ни креста,
Ни плиты надгробной,
Только гиблые места,
Только ветер злобный.

Только в памяти моей,
Где-то за грядою
Низвергающихся дней —
Он еще со мною.

На рассвете, на Днепре
С ним мы рыбу ловим,
И картошку на костре
В котелке готовим.

А потом, перед костром,
Он со мной присядет —
И расскажет мне о том,
Как покойный прадед

В сети тигра брал живьем
В зарослях Уссури.
И смеется... сколько в нем
Еще детской дури!

А домой придем мы с ним —
За вечерним чаем
О стихах мы говорим,
В шахматы играем...

Всё кружится шар земной
И скрипит громоздко —
Но отец всегда со мной
В полушарьях мозга.

Чуден памяти тайник,
Только странно всё же:
Я, отец, уже старик —
Ты меня моложе...

Жизнь по капле пью... и всё ж
Видно дно в сосуде,
Только там, где ты живешь,
Не стареют люди.

Для чего мы бережем
Фотонегативы?
С нами памяти альбом,
В нем родные живы.

ПЕРЕДАЧА

1

Я стою, как в дыму,
Чуть не плачу.
А принес я в тюрьму
Передачу.

Мы построились в ряд
Под стеною.
Предо мною стоят
И за мною.

Загибаясь, идет
Та дорожка
От железных ворот
До окошка.

Не беседуют тут,
Не судачат,
Разве только вздохнут
Иль заплачут.

И стоит за окном
Небожитель.
Гимнастерка на нем
(Или китель).

Он стоит, как гранит, —
Обелиском!
И мизинцем скользит
Он по спискам.

У него, что ни взгляд,
Что ни слово,
Точно гири гремят
Стопудово!

Только даром три дня
Я потрачу.
Не возьмет у меня
Передачу.

Выйду. Лампы во мгле.
У вокзала.
Жил отец на земле —
И не стало.

2

А всего-то было
У меня в мешке:
Бельевое мыло
В шерстяном носке,

Банка мармелада,
Колбасы кусок,
С крепким самосадом
Был еще носок;

Старая ушанка,
Старый свитерок,
Чернослива банка,
Сухарей кулек.

Ветер, ветер, ветер!
Да не тот совсем,
Что звенел на свете
Для иных поэм.

Нет, не он раскатам
Вторил мятежа,
Не на баррикады
Звал, снега кружа.

Этот — бил под ребра
Финки поострей!
Это — ветер допра,
Ветер лагерей,

Ветер Магадана,
Что над тундрой выл,
Ветер безыманных
Скученных могил.

Нынче без уема
У него разгул,
От тюрьмы до дома
Он мне в спину дул.

Вижу памяти экран,
И на нем наплывом —
Как меня за океан
Отшвырнуло взрывом.

Я живу в чужом краю,
Но уже годами
Я домой передаю
Свертки со стихами.

А в стихах мое тепло
И души кусочки,
Я надеюсь, что дошло
Хоть четыре строчки.

И, быть может, потому
Я хоть что-то значу,
Что всю жизнь несу в тюрьму
С воли передачу.

Надо дальше жить, говорят.
Говорят — вспоминать не надо.
Лучше будь, как другие, рад,
Что достал кило мармелада.

Отдыхающий Пилат
Поедает мармелад.

Наслаждается Пилат:
Он большой начальник,
Посреди его палат
Новый умывальник.

Пусть невинного казнят
Иль ведут на муки:
Осмотрительный Пилат
Умывает руки.

Пусть рабы в цепях стоят,
Строят акведуки —
Обтекаемый Пилат
Умывает руки.

Надо дальше жить, говорят.
Говорят, вспоминать не надо
Озверело-угрюмый взгляд
Конвоира и блеск приклада.

Довольно. Я лгать себе больше не в силах.
Стою и кусаю от злости губу.
А кровный мой стих, что шумел в моих жилах,
Покоится важно в почетном гробу.

Как друга лицо, что до боли знакомо,
Лицо, что годами я в памяти нес,
И брови густые крутого излома,
И этот несносно-заносчивый нос,

Я всё узнаю — только каждой морщине
Когда-то сопутствовал жест волевой
И друг мой всегда был взволнован — а ныне
Он даже не дышит, совсем неживой.

Казалось бы всё то же самое, вроде,
Но, видимо, я до сих пор не привык,
Что выглядит мертвым мой стих в переводе
На жесткий и сжатый английский язык.

Я опустил окно в автомобиле.
Был зимний день. И я услышал вдруг
Между ветвями: «Билли! Вилли! Билли!» —
Попискивало несколько пичуг.

Они о чем-то спорили по-птичьи,
Но на своем английском языке.
Был зимний день. И белое величье
Снегов сливалось с небом вдалеке.

И вспомнил я — такие миги редки —
Оставленное где-то позади:
«Выдь-выдь! выдь-выдь!» — просила птица с ветки,
А ей в ответ: «Уйди! уйди! уйди!..»

Проходит жизнь своим путем обычным,
И я с годами делаюсь иным,
И что казалось грозным и трагичным,
Мне кажется ничтожным и смешным.

Испуганная пролетает птица.
Гром тишину ломает на куски.
И мне теперь от красоты не спится,
Как не спалось когда-то от тоски.

Она задержалась у края стола,
Она на тарелку сардинку брала.

Она наклонилась в полуоборот.
Ее вероломный запомнил я рот.

Однажды в компании, нежно-пьяна,
В такси умиленно болтала она.

А раз ее видел я в зимнем пальто...
Пусть всё это так, но всё это не то,

Я знаю, какие-то это куски
Моей ненасытной последней тоски.

Я мог рассказать бы намного верней
Об Анне Карениной, а не о ней.

Я знаю, что несколько раз для нее
На сцене лицо загоралось мое,

Я знаю, меня не забудет она
Сидящим с бокалом вина у окна,

Но всё это тоже какой-то кусок, —
Рука на весу, поседелый висок,

И временем всё, как водой, залито,
И знает она, что всё это не то,

Что нам не составить во веки веков
Картины единой из разных кусков.

Они горят оранжево, багрово.
Их ветер только что с ветвей сорвал.
Меня ты, осень, обступаешь снова,
Как пушкинского рыцаря скупого
Блистающий монетами подвал.

Мне это тоже не досталось даром!
Пусть не ценою слез или невзгод,
За эту осень с раскаленно-ярим,
Кидающимся под ноги пожаром,
Сполна уплачен жизни целый год.

Но незачем жалеть о том, что тратим,
О том, что каждый миг мы отдаем
Садам, дроздам, друзьям, стихам, объятьям.
Что временем за красоту мы платим,
Пока нам вечность не построит дом.

ИЗ СТАРОЙ ТЕТРАДИ

Ты послушай ребер гуд, ребер гуд —
Это сердце — Робин Гуд, Робин Гуд!

И стучит оно, стучит оно в лад
С романтическим размером баллад.

Нахлобучивши шапчонку с пером,
С луком, стрелами, ножом, топором —

За кустами ты залег, говорят,
И шерифа разгромил ты отряд.

И с ватагаю веселых стрелков
Ты от виселицы спас бедняков!

Лук подняв и тетиву натянув,
Скольким стрелам окровавил ты клюв?

Ты смотри не повстречайся ни с кем
По дороге в Ноттингем, Ноттингем,

А не то, тебя петлей одарив,
Посмеется над тобою шериф!

А вокруг тебя — и дуб и орех,
Солнце ломится сквозь сотни прорех,

Веселится твой разбойничий стан,
А на вертеле коптится кабан.

И друзья твои уселись на пнях,
И отплясывает беглый монах,

И подружка твоя розы свежей,
Каких хочешь проведет сторожей!

Век за веком под шервудской листвою
Буйный табор собирается твой.

Век за веком по лесам напролом
Ты проходишь со своим топором!

Век за веком за тобою шериф
Скачет, доброго коня уморив,

Век за веком о тебе, Робин Гуд,
Благородные баллады поют!..

Еле красноват,
Гаснет небосвод.
Из окна глядят
Человек и кот.

А уже темно
Посреди двора,
Штору на окно
Опустить пора.

У кота другой
Ко всему подход,
Видишь, шерсть дугой
Выгибает кот.

Где-то белка куст
Чуть пошевелинет,
Кот почуял хруст,
Притаился кот,

Вжалась голова,
Кот ступил шажок
Да едва-едва
Удержал прыжок.

Человеку прыть
Эта ни к чему,
Штору опустить
Хочется ему.

Как же так стряслось,
Что живут вдвоем,
А пекутся врозь
Каждый о своем?

Я принял большую дозу
Жизни. Я старым стал.
Неплохо бы выбрать позу.
Забраться на пьедестал.

И сделаться темным камнем.
Мне это бы помогло
Утешиться! А пока мне
Тоскливо и тяжело.

Претенциозно-фальшивы
Все позы мои подряд.
Вот я стою плешивый,
Задумчивый, как Сократ.

Наверное, языкато
Сострит какой-нибудь жлоб:
— Плешь-то, как у Сократа,
Да не Сократов лоб!

А вот еще, смуглолицый
Смеющийся старикан,
Подмигиваю девице,
В руке у меня стакан.

Однако игру веду я
Заведомо не свою:
Девицы не околдую,
Стакана я не допью.

Стало уже привычным,
Что поза всегда не та.

Но есть еще жест циничный
Горохового шута —

О всём говорить с придиркой,
Подленьким шепотком,
С гримасою, с подковыркой,
С ужимкою, со смешком...

Стоит мне заглянуть
В картинную галерею —
Кажется, что чуть-чуть
Я от картин дурею.

Кажется, что холсты,
Даже из скромных самых, —
Всё же — куски мечты,
Вывешенные в рамах.

Кажется — в залах сад,
Оранжерея фантаста...
Хромовые висят
Звезды, блестят угласто.

С каждым в таком саду
Может случиться странность:
Раму найду — войду
И под стеклом останусь.

Стану двухмерным, плоским...
Я нарисован Босхом.

Не голова, а ваза.
Длинной шеи труба,
И у меня три глаза
Посередине лба.

Пальцы стекают криво,
Ухо срослось с рукой...
Это я — после взрыва
Атомного — такой.

В самом сердце мира — человек.
Печенег, ацтек иль древний грек,
Иль другой какой-то имярек,
Кто угодно — хоть Тулуз-Лотрек.

Вышеупомянутого факта
Не объедешь никаким конем.
Безотрадны выверты абстракта,
Потому что даже днем с огнем
Не отыщешь человека в нем.

Это я твердил кому-то в споре,
Больше ради красного словца.
В самом отвлеченнейшем узоре
Мне порой сквозят черты лица.

Даже в хаотическом сумбуре
Красок, линий, взрывов звуковых
Узнаю я правду о натуре
Странных современников моих.

Не мои лирические вздохи
И не мой приглаженный язык, —
А расскажут правду об эпохе
Визг, и вопль, и вой, и рев, и крик.

Может быть, и мне учиться надо
Языку взлохмаченных кликуш,
Чтоб в стихах дымился век распада
Атома и человеческих душ.

ЧЕРНОБЫЛЬ

Вот она черная былль,
Атома черная пыль.
Черный от взрыва тополь —
Смертью клубит Чернобыль!

Столпотворенье ветров,
Сдвинут земной покров,
Горы взрыв покоробил —
Полз по земле Чернобыль!

Вот она черная боль,
И поперек и вдоль
Нашей отчизны вопль:
Что с тобой, Чернобыль?

Вот он, великий взрыв,
Недра земли раскрыв,
Сколько людей угробил?
Братский погост, Чернобыль.

Вот она черная боль,
То ли знаменье, то ль
Час наш последний пробил!
Адом дымит Чернобыль!

Там, где картофель рос,
В поле забытый воз,
Пара торчит оглобель,
Осиротел Чернобыль!

Где ты, в каком краю?
На небесах, в раю?
В недрах земной утробы?
Где ты теперь, Чернобыль?

Слез не проливайте надо мною.
Жил я. Видел землю. И прошел.
Надо стать когда-нибудь золою,
Чтобы оградить себя от зол.

Здесь чудо всё: и люди, и земля,
И звездное шуршание мгновений.
И чудом только смерть назвать нельзя —
Нет в мире ничего обыкновенней.

ГОГОЛЬ

Владимиру Шаталову

Пока что не было и нет
Похожего, подобного,
Вот этот Гоголя портрет —
Он и плита надгробная.

Портрет, что Гоголю под стать,
Он — Гоголева исповедь,
Его в душе воссоздавать,
А не в музее выставить,

Его не только теплота
Высокой кисти трогала,
Но угнездились в нем места
Из переписки Гоголя.

И Гоголь тут — такой как есть,
Извечный Гоголь, подлинный,
Как птица насторожен весь,
Как птица весь нахохленный.

И это Гоголь наших бед,
За ним толпятся избы ведь
И тройка мчит, чтоб целый свет
Из-под копыт забрызгивать,

Или затем, чтоб высечь свет,
Копыта сеют искры ведь!
О Русь, какой ты дашь ответ
На Гоголеву исповедь?

Иль у тебя ответа нет,
Кто грешник, а кто праведник?
Есть только Гоголя портрет.
Он и портрет, и памятник.

ПОРТРЕТ МАДМУАЗЕЛЬ ТАРЖИ

Комедия-шутка в трех картинах

Действующие лица

Клод Фрапье — молодой художник.

Жак — его друг, молодой журналист.

Фантин — девочка 16 лет, из парижской бедноты.

Франсуа Таржи — квартирный хозяин Клода и Жака.

Клерета — его дочь.

КАРТИНА I

Мансарда. Жак и Клод.

Клод

Ну, милый, — удружил! Ну — приискал берлогу!
На самом чердаке!

Жак

Зато соседи Богу.

Клод

Все стекла выбиты, на потолке дыра...

Жак

(сосредоточенно что-то считая)

Уже четырнадцать, включая комара.

Клод

На лестнице коты, как демоны, толпятся,
И валится со стен какая-то труха...
Ни лифта, ни звонка, ни ванной...

Жак

О!.. пятнадцать...

Клод

Что ты бормочешь там?

Жак

Пятнадцать.

Клод

Что?

Жак

Блоха!

К л о д
(не слушая ответа)

Ну как же здесь принять заказчиков, знакомых?
И как позвать сюда? И кто сюда придет?
Чем занялся ты, Жак?

Ж а к
Подсчетом насекомых.

Уже пятнадцать тут я насчитал пород.

К л о д
Ты вылетишь сейчас во двор через окошко!
Ты этот милый спорт затеял мне назло!
Ты посмотри вокруг...

Ж а к
Смотрю... (С восторгом.) Сороконожка!
Сороконожка, а? Вот это повезло!
Шестнадцать...

К л о д
Да... Действительно, удача!
Считается, что я художник неплохой.
Работаю весь век, как загнанная кляча,
И вот — делю чердак с мокрицей и блохой!
Ах, как доволен я! Жак приискал квартиру!
Привел меня сюда, с три короба наврав...
Кривая улица, и двор похож на дырку...
Мокрицы, пауки и потолок дыряв...

Ж а к
(оскорбленно)
Мокрицы в списке нет! При чем же здесь мокрица?
А для других квартир необходим... бюджет.
И на меня, мой друг, не вправе вы сердиться.
Сердитесь, милый мой, на рыжую Жоржет!
Физиономию презрительную скорчив,
Он недоволен всем, он прямо оскорблен...
Нет ванной! Высоко! Коты!..

Он так разборчив,
Как будто у него в кармане миллион.

(Наступая на Клода.)

Картина продана, куда вы деньги дели?
Что сделали, продав панно и акварель?
Отправились к Жоржет? К прелестнейшей модели?
Оркестр, цветы, шампанское, форель!
Тряпье со всех витрин вы на нее надели...
Не удивительно, что сели вы на мель!

К л о д

(наступая на Жака)

А кто был во главе? Кто, с грацией апаша,
Лакею обронил стофранковый билет?
Кто проиграл в лото?
Кто заказал у Блаша
Для тросточки своей отдельный кабинет?
Да, кстати, где она? Где тросточка?

Ж а к

В ломбарде.

Там набалдашник был литой из серебра.

К л о д

А деньги?

Ж а к

Отыграть хотел я на бильярде.

К л о д

Да, да, — пришел пешком в шестом часу утра!

Ж а к

Увы, мой друг, — в шестом! Когда б ушел я в пятом,
То были б мы с тобой в хорошем барыше!
Но я уже к концу споткнулся на проклятом
На этом капитане... На Боше...
Теперь и трости нет.

К л о д
Невелика и жалость!
Волшебной палочкой она не оказалась!

Ж а к
А кстати, где Жоржет?

К л о д
Не нахожу, чтоб кстати.

Ж а к
Нет, нет, ты отвечай мне на прямой вопрос!

К л о д
Ну, может быть, у ней есть тьма других занятий...

Ж а к
Не отпирайтесь, друг: наставила вам нос.

К л о д
А если даже так?

Ж а к
Невелика и жалость.
Волшебной женщиной она не оказалась!

К л о д
Ну, это как сказать. У ней волшебный способ,
Увидя кошелек — опустошать его.
Тут не поможет, Жак, и золотая россыпь.
Тут скрыто волшебство!

Ж а к
И злое волшебство.
(Пауза.)
Модели больше нет. Что делать без модели?

К л о д
Когда бы мне сейчас натурщицу...

Ж а к

Так что ж?

К л о д
Я деньги сделал бы за полторы недели.

Ж а к

И мы б на весь Париж устроили кутеж!

К л о д
Натурщицу достать, пойми, необходимо,
Пусть даже средства все на это обратим!

Ж а к

Есть средства у тебя?

К л о д

Ни одного сантима.

А у тебя-то есть?

Ж а к

Есть.

К л о д

У тебя?!

Ж а к

Сантим.

К л о д
Тут надо жертвовать. И, будущего ради,
Возьми свои часы, пойдя и заложу.
В них много золота.

Ж а к

Давно уже в закладе,

А деньги получил сполна месье Таржи.

К л о д

А это что за важная персона,

Которая с тебя взимает платежи?

Ж а к

Великолепнейший нахлебник Аполлона.

Да вы с ума сошли — не знать месье Таржи!

К л о д

Какой-нибудь прохвост из самых мелких сошек?

Ж а к

Да понимаешь ли, о черт тебя возьми,

Что он хозяин наш! Владелец этих кошек,

Которые вопят под нашими дверьми?!

К л о д

Как? Этих? Этих вот богопротивных тварей,

Что по ночам орут, взобравшись на мольберт?

Ж а к

Тс... Тс... Месье Таржи — поклонник этих арий,

И кошки у него — одна из слабых черт!

(Слышен вой котов на лестнице.)

К л о д

Я выброшу, о черт!..

Ж а к

Кого?

К л о д

Со всех окошек!..

Ж а к

Кого?

К л о д

Месье Таржи с его ансамблем кошек!

Ж а к

Да не кричи же так! Когда дойдет до слуха
Любезного Таржи, воображаю я,
Подыметесь тогда какая заваруха!..
(Выглядывает в окно.)

К л о д

Черт с ним...

Ж а к

Змея!

К л о д

Змея?

Ж а к

Изящна, как змея!..

К л о д

Что ты увидел там?

Ж а к

Молчи...

К л о д

Да что ты — пьяный?

Ж а к

Вот там, наискосок, в четвертом этаже,
Купается...

Клод
Кто?

Жак
Женщина.

Клод
Где?

Жак
В ванной!
Вот так вот и стоит в полнейшем неглиже!

Клод
(подскочив к окну)
Я в жизни не видал таких точеных линий...

Жак
И абажур горит над ней, как хвост павлиний!..

Клод
Ползучий виноград к ней тянется в окно...

Жак
Ее лицо слегка скрывает занавеска...

Клод
Но линии ее очерчены так резко,
Что так и просятся под кисть! На полотно!

Жак
Тащи сюда мольберт.

Клод
Блестящая находка!

Жак
Бери палитру, Клод, и к черту всех Жоржет!

К л о д

Под носом у меня купается красотка,
А я ищу модель!

Ж а к

Пленительный сюжет!

К л о д

Ты высоко расцениваешь спину:
Пленительной твоя не выглядит спина!

Ж а к

Я заслонил?

К л о д

Теперь всего наполовину:
Мне виден нос ее, и пятка мне видна.

Ж а к

Тогда я отойду.

К л о д

Где хоть обломок угля?
Еще вчера везде валялся их миллион...

Ж а к

Ах, что за бедра, Клод! Я не видал округлей...

К л о д

Отклейся от окна! Ты, кажется, влюблен?

Ж а к

Смотри, чтоб и с тобой не приключилось то же...

К л о д

Ну, это брось! Во мне бесстрастная душа,
И я на этот счет вне подозрений... Боже,
Действительно, она чертовски хороша!

Ж а к

А я что говорил? (*Опять становится у окна.*)

К л о д

Жак, убирайся к черту!

Ты снова мне окно загородил спиной!

Ж а к

Сейчас, минуточку!

К л о д

Он пробкою притертой

Пристал к окну! Минуты ни одной

Терять нельзя! Нельзя! (*В сторону.*)

Нет, это нестерпимо.

Тут надобно схитрить. (*Кричит.*)

Ах, милый Жак! Ура!

Ж а к

Что?

К л о д

Вовсе позабыл! В проулке Пилигрима

Есть магазин картин. Так там еще вчера

С витрины продана моя «Корзинка лилий».

Беги скорей туда и, не щадя усилий,

Где хочешь разыщи мадам Ивонн Флери,

А если спит она, то с простыни сдери

И требуй от нее немедленно уплаты.

Там франков восемьсот. И через полчаса

Чтоб ты вернулся.

Ж а к

Клод! Да мы опять богаты!

К л о д

Чтоб было здесь вино, и сыр, и колбаса!

Ж а к

Бегу!

К л о д

Но не забудь и хлеб купить в пекарне!

Ж а к

Лечу! *(Убегает.)*

К л о д

(один)

Нет, кто бы мог соврать еще шикарней?
Как пуля выскочил и принял всё всерьез.
Теперь — за кисть! Ура — моя мадонна в ванной!
Здесь шкафчик... Здесь трюмо...

А здесь халат багряный...

Воображаю я, что будет за курьез,
Когда свирепый Жак потребует уплаты
И поскандалит там со старою каргой!
Но будут у меня потом бока намяты...

(Замечает входящего Таржи.)

Спровадил одного, так тащится другой!

Т а р ж и входит, опираясь на палку. На руках у него кошка.

Т а р ж и

Я трижды к вам стучал, но не было ответа.
Но, к счастью, у меня всегда с собой ключи.
На лестнице сквозняк... Ей так опасно это...
Представьте, ишиас нашли у ней врачи.

К л о д

Что? Ишиас? Врачи? Вы не туда попали.
Профессор Кру живет на первом этаже.
Ошиблись вы, месье.

Т а р ж и

Ошибся? Я? Едва ли!

Я проживаю здесь лет пятьдесят уже.

К л о д

Возможно, но лицо мне ваше незнакомо.

Т а р ж и

Спешу представиться: Таржи, владелец дома.

К л о д

Ах, вы — месье Таржи? Месье, как счастлив я!
Садитесь вот сюда! *(В сторону.)*

И принесло же черта!

Позвольте... *(Передает подушку.)*

Ишиас — он требует комфорта...

Т а р ж и

Ах, я вполне здоров, но спутница моя,
Увы, совсем больна... Ей подложить бы надо
Подушку... Отдохни, усни, Шахеразада!

К л о д

Так это ишиас у вашей кошки?

Т а р ж и

Да.

К л о д

Но в этом же, месье, виновны вы отчасти!
Вы потакаете кошачьей глупой страсти
Скакать по лестницам! Там сквозняки всегда.

Т а р ж и

Позвольте! Но, месье — насиловать природу
Непозволительно! Я не видал отроду,
Чтоб кошек где-нибудь держали взаперти!

К л о д

Помилуйте, месье! Мой друг, маркиз Пати,
По кошкам в Гамбурге брал мировые призы
И утверждал всегда в своих трактатах он,
Что лестницы, дворы, и крыши, и карнизы
Для кошек и котов — недопустимый тон!

Т а р ж и

Месье Фрапье, меня волнуют эти темы!
Когда вы сведущи, так помогите мне!

К л о д

Я в этой области осведомлен вполне!
Для кошек главное — опасность эмфиземы.

Т а р ж и

Не может быть!

К л о д

Да, да! Бывало, в марте кот
В именье у Пати орать затеет ночью —
Маркиз ему тотчас завязывает рот!

Т а р ж и

Не может быть!

К л о д

Да, да! Я видел сам воочью!

Т а р ж и

Но тут, месье, один существенный вопрос:
Как будет кот дышать?

К л о д

Он дышит через нос!
У кошек этот крик — источник всех болезней,
И рот завязанный для них же и полезней!

Т а р ж и

Я обязательно поговорю с врачом.

К л о д

Нет, Боже сохрани! Врач вовсе ни при чем!
Врачу невыгодны новейшие методы:
Врач мог бы исцелить и за один визит,
Дав правильный совет. Но это ведь грозит
Тем, что теряет врач известные доходы!

Т а р ж и

Ах, вы, месье Фрапье, умны не по летам!
Я обязательно испробую ваш метод!

К л о д

(в сторону)

О, если хоть на день заткнет он рты котам...

(К Таржи.)

Не сомневаюсь я, что лучший метод — этот,
И он поможет мне... простите, — вам, месье...
Нет... Я хотел сказать: поможет вашей кошке!..

Т а р ж и

Ах, нервы у нее плохи, месье Фрапье!

К л о д

Вы валерьянкою ее поите с ложки,
И нервы все пройдут!

Т а р ж и

Спасибо вам, месье!

Советы ваши все мне прямо как сюрпризы!
Я и не помышлял, идя к вам в ателье,
Что я являюсь к вам как бы для экспертизы...
Мой маленький визит имел другую цель:
Я обещал уже давно моей Клерете —
Так дочь мою зовут...

К л о д
Ага! Мадмуазель,
Предполагаю я, мечтает о портрете?

Т а р ж и
Вы отгадали!

К л о д
О! Месье Таржи, — всегда
И кисть моя, и я — к услугам вашим!

Т а р ж и
Боже!
Так согласились вы не пожалеть труда?

К л о д
Я сделаю в пять дней! Я буду лезть из кожи!
Я отложу тотчас заказы все! *(В сторону.)*
Увы,
Которых вовсе нет!

Т а р ж и
О, как любезны вы!
Но чтоб за вами мне в любезности угнаться,
Вы разрешите мне вам предложить аванс?
(Передает деньги.)

К л о д
Благодарю, месье.

Т а р ж и
Когда ж у нас сеанс?

К л о д
Пусть завтра ваша дочь придет часов в двенадцать.

Т а р ж и
Как долго дочь моя задержится у вас?

К л о д
На первый раз, месье, достаточно и часа.

Т а р ж и
Вы пишете анфас?

К л о д
Желательно анфас.

Т а р ж и
Нет, не желательно! Есть возражений масса.

К л о д
Какие?

Т а р ж и
Девушке глядеть на вас в упор
Опасно целый час! Месье, вы — Мефистофель!
Уж лучше пусть глядит она на тот собор!
(Показывает в окно.)

К л о д
Да-с, видимо, писать ее придется в профиль...

Т а р ж и
Еще один вопрос, — не задержу я вас...
А рты котам маркиз вязал каким манером?

К л о д
Намордники маркиз им делал на заказ
И туго стягивал!

Т а р ж и
Воспользуюсь примером!

К л о д
Не пожалеете!

Т а р ж и
Ну — мне пора: дела...

К л о д
Всего хорошего!

Т а р ж и
Но все советы ваши
Я не забыл. *(Уходит.)*

К л о д
(один)
Да, да... Наговоришь со зла,
А после десять лет не расхлебаешь каши!
Влетит мне за котов... *(Глядя в окно.)*
Она уже ушла.

Посмотрим, что за дочь у этого папаши...
Он уважения достоин и любви,
И у него весьма приятная натура,
О чем свидетельствует данная купюра...
И было б...

Входят Жак и Фантин. Она в больших
калошах на босу ногу, на голове — большой
красный бант. Ревет в голос до конца сцены.

Это что?

Ж а к
Вот перед ним реви.
Вот кто — спаситель твой.
(Ложится на кушетку, открывает книгу.)

К л о д
Жак, что за пантомима?
Что ты придумал, Жак?

Ж а к
Как, ты не помнишь, Клод?

Ты вовсе позабыл? В проулке Пилигрима...
Ну, не реви, Фантин! Он будет твой оплот.
Ведь это он меня послал тебе на помощь,
И вся ответственность лежит теперь на нем!

К л о д
Я? Посылал тебя — за этим?

Ж а к
Ты не помнишь?
Ах, память у него слабее с каждым днем!

К л о д
Нет, ты мне объяснишь сию секунду, или
Я с лестницы спущу тебя с твоей Фантин!
Что ты мне приволок?

Ж а к
Твою корзинку лилий.

К л о д
Что это значит всё?

Ж а к
Твой магазин картин.

К л о д
Нет, это бред! Кошмар! Содом!

Ж а к
Ты неврастеник.
И ты сойдешь с ума, — могу держать пари.

К л о д
Что значит этот рев?

Ж а к
Твоя мадам Флери,
Твой сыр, и колбаса, и хлеб, и куча денег.

К л о д
Жак... Укроти ее! Убей ее, свяжи...
Жак! Ну, хотя б на миг заткни ты этот кратер!

Ж а к
А ты признаешься в своей коварной лжи?
Признаешься, что ты — презренный провокатор?

К л о д
Я признаюсь во всем. Я провинился, Жак.
Ну хочешь, подарю тебе я мой пиджак?
Пощупай матерьял, — он, право, из хороших!
Но только убери чудовище в калошах!

Ж а к
(сокрушенно)
Теперь уж поздно, Клод!

К л о д
Ты что — купил его?
И дал задаток?

Ж а к
Нет! Оно досталось даром.
Когда мадам Флери, не давши ничего,
Спроведила меня, то я пошел бульваром...
(К Фантин.)
Ну, не реви! Садись, попробуй лимонад.
Тебя не оскорбят ни действием, ни словом.
(Клоду.)

Идет навстречу мне вот этот экспонат
И сотрясает мир нечеловечьим ревом.

К л о д
Могу представить я.

Ж а к

Орет она — мой Бог!

Так, что грузовики сворачивают вбок!

Ну, я ей закричал: «Алло, мадмуазель!

Зачем мы так орем? Из-за чего хлопочем?»

К л о д

И что ж?

Ж а к

Обычная такая канитель:

За что-то была мать, за что-то выгнал отчим...

Насколько мог понять я всю галиматью,

Которую едва не заглушали всхлипы, —

Родители извлечь доходную статью

Хотели из нее.

К л о д

Коммерческие типы.

Ж а к

Нет денег у нее, и некуда идти,

А тут как раз и я случился на пути.

И знаешь — надо быть мерзавцем, и отпетым,

Чтоб не помочь ничем или помочь советом!

И я с собою взял девчонку, пожалев...

Ну а за твой обман бессовестный — дулетом

Решил и на тебе сорвать немного гнев.

К л о д

(к Фантин)

Приподыми свой бант. Послушай-ка, бич Божий!

Ты будешь с нами жить и ночевать в прихожей,

И в жизни у тебя отныне будет цель:

Мыть раз в неделю пол, пыль вытирать с окошек,

Приготовлять обед, и прибирать постель,

И гнать — запомни! — гнать от этой двери кошек!

А с завтрашнего дня получишь фартук ты.

Хозяйство всё тебе передается в руки.

Ж а к
Заштопай мне носки!

К л о д
А мне набей холсты!

Ж а к
Мне выстирай белье!

К л о д
И выглади мне брюки!

(Жаку.)

Я деньги получил. Ты завтра же пойдешь
И купишь для нее какую-нибудь обувь.

Ж а к
Ты деньги получил? Не верю!

К л о д
На! И чтобы
Я с завтрашнего дня не видел здесь калош!

Занавес

Конец первой картины

КАРТИНА II

Мансарда. Жак, Фантин.

Жак

Фантин!

Фантин

Я здесь, месье.

Жак

Опять твои фиалки
В петлицах, на бортах, за хлястиком пальто,
На обшлагах! Иду — шарахаются галки!
Я — словно пугало...

Фантин

Как вам идет зато
Лиловый цвет, месье...

Жак

С девчонкою бедовой
Ну что поделаешь!

Фантин

Вам подтвердит любой!

Жак

Так выкраси меня сегодня в цвет лиловый,
А завтра перекрась по вкусу в голубой!

Фантин

Ну вот, вы так всегда...

Жак

Возьми фиалки эти
И если хочешь, то свари из них кисель...

Фантин

Небось вы этого не скажете Клерете!

На днях фиалку вам дала мадмуазель,
И вы ее к пальто пристроили скорее...

Ж а к

Пристроил. Но Фантин была куда щедрее:
Теперь мое пальто — пальто-оранжерея!
(Показывает сплошь усеянное фиалками пальто.)
Сегодня на Буль-Миш, не в шутку, а всерьез
Какой-то господин с какой-то полной дамой
Мне предлагали быть для них живой рекламой
И рекламировать сорта каких-то роз!
«Что может предложить вам продавец фиалок?
С его фиалками ваш вид довольно жалок!
У нас торговый дом, нас знает весь Париж,
Оденем в розы вас и пустим по Парижу
С рекламой на спине!»

Ф а н т и н

Ах, я вас так и вижу:

Венок на голове...

Ж а к

Ну что ты говоришь?!
Убрать немедленно и уничтожить клумбы,
И через пять минут мне принести пальто, —
Я должен уходить!

Ф а н т и н

Мужчины просто тумбы,
И женскую любовь не ставят ни во что!
(Уходит.)

Ж а к

(один)

Ну, нечего сказать — хорош! Почти что десять...
Редактор бесится и ждет мою статью,
А я здесь, как дурак, ругаюсь и стою...
Он постарается сегодня мне отвесить
Покрепче комплимент! Воображаю стиль:
«Подошва старая! Распитая бутыл!»

Когда вы, наконец, приучитесь к работе
И перестанете употреблять абсент?
Вы что ни скажете — наверняка соврете!
Вам доверять нельзя и на один процент!
Я требую статью, оплаченную мною,
Вперед оплаченную — минимум втрое!»
А что я возражу? Фиалки, мол, виною...
Предчувствую — влетит за опоздание мне!

Входит Клод.

Клод

Еще ты здесь?

Жак

Увы!

Клод

А что статья?

Жак

Готова

И отправляется сегодня же в печать.

Клод

Доволен ею ты?

Жак

От слова и до слова

Историкам искусств придется изучать...

Клод

Твою статью?!

Жак

Мою.

Клод

Вот истинная скромность!

Будь папой я, — тебя причислил бы к святым...

Ж а к
Так ты не веришь мне?

К л о д
Ну что ты, Жак, опомнись!
Не изучать статью — молиться запятым!
Седые бороды растрепаны в волненьи...
Все знаменитые ученые умы
Приходят в Пантеон... И что ни воскресенье —
Они твою статью читают, как псалмы!
И так из века в век!

Ж а к
Лет, может, через триста
Меня оценят, Клод...

К л о д
Статью мне покажи!
Что ценного-то в ней?

Ж а к
(вынимает мелкие листочки и читает по ним)
«Победа портретиста.

Чарующий портрет мадмуазель Таржи.
Наш видный портретист, наш парижанин модный,
Художник Клод Фрапье вновь удивил Париж.
Взгляните, господа, на...»

Незаметно входит Фантин. Становится так, что
ей не видны листочки, по которым читает Жак.

«...профиль благородный
Мадмуазель Таржи».

Ф а н т и н
(в сторону)
Ну, это уж шалишь!

Ж а к
«Как очерк этих рук неуловимо тонок,

Какой сумбурный вихрь светящихся волос,
Что за изгиб бровей!»

Фантин
(в сторону)

Влюбился, как ребенок!
И что он в ней нашел?

Жак
«Какой точеный нос!
А эти линии пленительные тела!»

Фантин
(в сторону)
Так вот как далеко зашло у них уж дело!

Жак
«Ах, можно день и ночь стоять, на них дивясь!»

Клод
Постой, тут связи нет!

Фантин
(в сторону)
Наверняка есть связь!

Жак
Клод, не перебивай! «Божественного дара...»

Фантин
(в сторону)
Пускай он перебьет! Жак вовсе ей не пара!

Жак
«Сей восхитительный новорожденный плод...»

Фантин
(в сторону)
У них дитя!

Жак
«Зачат был в творческом расцвете,
В экстазе яростном!» Ну, как начало, Клод?

Клод
Ты слишком страстен, Жак.

Фантин
(в сторону)

Вот потому и дети!

Жак
(заметив Фантин с пальто)
Ах, вот уже пальто! Обзаведись газетой:
Там всё прочтешь... Бегу, — и так я опоздал!
Скандал! Такой скандал!

Фантин
(в сторону)
Он с вертихвосткой этой
В газеты угодил! Действительно, скандал!

Фантин оставляет пальто и обиженно уходит.

Жак
(одеваясь)
Я пригласил вчера к нам фоторепортера,
Так ты поторопись: он скоро будет тут.
Заканчивай портрет.

Клод
Портрет я кончу скоро.

Жак
Мы снимок поместим.

Клод
За несколько минут
Я допишу портрет.

Ж а к
А как с девицей в ванной?

К л о д
Вчера окончена. Коль хочешь — забери.

Ж а к
Забрать в редакцию? Ах, Клод, ты, право, странный!
Я вечером снесу ее к мадам Флери.
Бегу!

(Уходит.)

К л о д
(вдогонку)
Счастливым путем! *(Один.)* Сейчас придет Клерета.
Приход ее меня волнует всё сильнее.
Мне так не хочется кончать ее портрета!
Но должен кончить я и разлучиться с ней...
Я в этот раз влюблен, по-видимому, крепко.
Но не предпринял я и шагу до сих пор,
Чтоб объясниться с ней. Последняя зацепка —
Сегодняшний сеанс. Спрошу ее в упор!
Нет... Стороной спрошу. Нет! Спрашивать не дело.
Тут надо действовать решительно и смело,
Не дав опомниться. Ну, например: «Клерет!
Я совладать не мог с желаньями моими,
Я вас люблю, Клерет!»

Входит Клерета.

К л е р е т а
Мое назвали имя
Вы только что?

К л о д
Да, да — почти готов портрет!
Садитесь вот сюда. Последние детали
Мы кончим в пять минут. Вас тут не просквозит?

К л е р е т а

Вы восхитительны! Меня вы не видали
Почти два дня, и вот — хотите мой визит
Продлить не более пяти минут?

К л о д

Клерета!

Я с радостью бы вас писал еще лет сто!

К л е р е т а

Чтоб выглядела я вот с этого портрета
Какой-то мумией столетней? Ни за что!
Сейчас же к вам пришлю двоюродную тетку:
Я думаю, что ей лет девяносто семь.

К л о д

Нет, тетку присылать не следует совсем!

К л е р е т а

Меня благодарить должны вы за находку:
У тетушки — парик и левый глаз вставной,
Искусственная грудь, искусственная челюсть —
Ну, словом, у меня не тетушка, а прелесть!
Зачем же без толку терять сто лет со мной?

К л о д

Но я хотел сказать... Но мне сказать хотелось,
Что я готов сто лет и сотню раз на дню
Вас видеть...

К л е р е т а

Наконец хоть маленькая смелость!

Сажусь, и остаюсь, и тетку отменю.

К л о д

Весьма признателен. Я ненавижу теток.
(Берет кисти, начинает писать, продолжая разговор.)

К л е р е т а
Вы? Ненавидите? Вам это не идет!
Вы слишком кротки, Клод!

К л о д
С племянницами кроток,
А с тетками свиреп.

К л е р е т а
Нельзя ль наоборот?

К л о д
Ну, погодите же: разделяюсь с заказом —
Тогда примусь за вас.

К л е р е т а
Прелестнейший ответ!
Ответ художника. А не могли б вы разом
Приняться за двоих?

К л о д бросается к ней.

(Вырываясь из его объятий.) Нет, ради Бога, нет!..
Возьмите кисти, Клод! Скорей возьмите кисти!
Я пошутила, Клод. Взгляните на портрет:
Должны быть волосы немного золотистей,
И на руке моей не выписан браслет.

К л о д
Вы шутите с огнем.

К л е р е т а
Мне, право, не до шуток!
Поверьте, мне теперь уже не до проказ...
Мне было страшно так! Ваш вид настолько
жуток...
Со страху чуть было я не влюбилась в вас!

Клод
Но почему же чуть? Что вас остановило?

Клерета
Меня? Ничто. А вас — не знаю, право, я —
Остановило что!

Клод вторично бросается к ней.

Нет, это очень мило,
Что вы послушались!

Клод
Вы мучите меня.

Клерета
Но это всех мужчин трагическая участь:
Их мучат женщины.

Клод
К несчастью, это так.

Клерета
Не возмущайтесь, Клод! Хотите вы, не мучась,
Победу одержать? Не отразив атак,
Чтобы сдавалась я, просила бы пощады?
Такой победе, Клод, вы были бы не рады!

Клод
Как вы заботливы!

Клерета
Как нежная сестра.

Клод
Но, к сожалению, я не нуждаюсь в сестрах!

Клерета
Я буду вам сестрой!

К л о д
Скучнейшая игра!

К л е р е т а
Но почему же, Клод?

К л о д
Нет положений острых, —
Сестра — не женщина, и вовсе не сезон
Приобретать сестер теперь, в парижском марте,
Весною!

К л е р е т а
Я сдаюсь, — бесспорнейший резон!
Несвоевременно. *(Слышен вой котов.)*

К л о д
Опять коты в азарте!

К л е р е т а
А в этом виноват мой дорогой папá
Он каждый день котов каким-то зельем поит!
Под нашими дверьми их целая толпа...
Все требуют лекарств и несусветно воют!
Папа намордники им приобрел!

К л о д
И что ж,
Коты признательны?

К л е р е т а
Устроили дебош!
Папа с намордниками не имел успеха.
Чего смеетесь вы?

К л о д
Мне, право, не до смеха,
Но смех сильнее меня! Сочувствую котам
И вам сочувствую.

К л е р е т а
Не верю.

К л о д

Почему бы

Мне не сочувствовать? А ну-ка встаньте там.
Ответственный момент: дописываю губы.

К л е р е т а

Стою как статуя.

К л о д

Еще на шаг вперед!

К л е р е т а

Шагнула.

К л о д

Весело шутили до сих пор мы —
Теперь же — ни гу-гу! Мне всё испортил рот:
Никак не уловлю его пикантной формы...
Еще немножечко приблизьтесь... В самый раз.
Нет, чуточку еще. Не губы — просто вишни...

К л е р е т а

Но дальше некуда!

К л о д

Еще на шаг.

(Длительный поцелуй.)

Входит Таржи.

Т а р ж и

Анфас!

Он слова не сдержал — сомнения излишни.
Клерета!

Клерета
Ах!

Таржи
Месье!

Клерета
Папа!

Клод
Конец вселенной!
Труба архангела! Геенна! Страшный суд!

Клерета
Всё кончено!..

Таржи
Месье, вы — негодяй презренный.
И оправдания, месье, вас не спасут!

Клод
Позвольте, но...

Таржи
Молчать! Не позволяю! Точка!

Клерета
К чему же оскорблять? Не так страшна вина:
Месье Фрапье и я...

Таржи
Не вмешивайся, дочка!
(К Клоду.) Я выходил ее, мне дорога она,
И я не разрешу какому-то мальчишке
Подшучивать над ней!

Клод
Отдам я силы все
Для счастья ее! Готов без передышки
Трудиться целый век!

Т а р ж и
Обманщик вы, месье!
Я вас испепелю!

К л о д
Подумаешь — Везувий!

К л е р е т а
Я не пойму, к чему устраивать скандал?

Т а р ж и
Толкнули вы ее на ряд таких безумий,
Которых от нее никто не ожидал!

К л о д
Безумия? Но в чем?

Т а р ж и
Облизывает пробки!

К л о д
Что?! Что сказали вы?!!

Т а р ж и
И прыгает с окна!

К л о д
У одного из нас расстроенные клепки...
Но кто сошел с ума? Я? Он? Или она?

Т а р ж и
Была смирнейшая, а стала беспокойной,
Не может час прожить без этого питья!
Вы сделали ее...

К л о д
Чем?

Т а р ж и
Пьяницей запойной!

К л о д
Кто здесь сошел с ума?

К л е р е т а
По-видимому, я!

Т а р ж и
Вы не открутитесь! Вам так не отвертеться!
Она издергалась, она не спит ночей!
Все ваши опыты испортили ей сердце,
И это подтвердил консилиум врачей!

К л о д
Какой консилиум, скажите, Бога ради?
Кому же сердце я испортил, — ну, кому?

Т а р ж и
Нахальнейший вопрос! Кому? Шахеразаде!

К л е р е т а
Тут кошка впутана! Теперь конец всему!

Т а р ж и
Всё из-за вас, месье, всё из-за валерьянки,
Всё из-за методов какого-то Пати!

К л е р е т а
О Господи!

Т а р ж и
Коты устраивают пьянки!
Воруют пузырьки!

К л е р е т а
Куда, куда уйти?

Т а р ж и
В аптеки бегают!

К л о д
Нельзя ли хоть без крику?

Т а р ж и
Кто вас просил, месье, давать советы, — кто?
Воспитанных котов вы сбили с панталыку!
Они уж не коты — они черт знает что!

К л о д
Они черт знает чем у вас всегда и были!

Т а р ж и
Как?! Вы осмелились оклеветать котов?
Да за моих котов я на дуэль готов!

К л о д
Премерзкие коты!

К л е р е т а
Клод, замолчите — или
Вы всё погубите!

Т а р ж и
Прохвост! Молокосос!

К л е р е т а
Папа!

Т а р ж и
Клерета — прочь!

К л о д
Не избежать погрома!

Т а р ж и
А ты... ты с ним еще целуешься взасос!
Я попрошу, месье, убрать вас из дома!
И если завтра же к двенадцати часам
Я вас застигну здесь, то выкину вас сам
С полицией!

К л о д
Мерси, признателен заранее.

К л е р е т а
Клод! Мы разлучены!

К л о д
Из-за хвостатой дряни!

Т а р ж и
На шаг не подпущу вас к дому моему!

К л о д
Да ваш кошачий дом я даром не возьму!

К л е р е т а
Прощайте, дорогой!..

К л о д
Мы встретимся, Клерета!
Я вас люблю.

К л е р е т а
И я...

Т а р ж и
Клерета — марш домой!
Ты там поговоришь! (*Уходя.*) Месье, я жду портрета:
Я деньги заплатил, и он по праву мой.

К л о д
Я вам пришлю портрет! (*Один.*)
И скатертью дорога...
Убрался наконец! А с ним — она ушла...
Нет, я не ожидал такого эпилога...
Себя бы самого я задушил со зла!
Люблю Клерету я, меня Клерета любит,
А если это так, то выводы просты!
Кто ж мог предполагать, что счастье погубят,
Что станут на пути какие-то коты!
И дернуло ж меня ему давать советы!

Из-за невиннейшей пустяшной болтовни
Я счастье упустил! Лишился я Клереты!
Квартиру потерял!

Входит Фантин.

Фантин

Уже ушли они?

У вас с месье Таржи происходила драка?
Под окнами у нас стоит, месье, толпа!
Так любит вас она, а не месье...

Клод

Что?

Фантин

Жака...

Я думала... у них... роман...

Клод

Да ты глупа!

Фантин

Я счастлива, месье!

Клод

Ну, если глупость — счастье,
То счастья у тебя никто не отберет.

Фантин

Вы можете меня ругать и рвать на части, —
Я счастлива и всё прощаю вам вперед!

Входит Жак, чрезвычайно возбужденный.

С места в карьер обнимает и целует Фантин.

Жак

Фантин! Ура, Фантин!

Фантин

Да вы в своем уме ли?
Да как вы смеете? Да как же вы посмели?

Жак

И смею, и посмел! А ты, Фантин, весьма
Талантлива! Ты так целуешься со вкусом!
Хотя твой поцелуй и отдает уксусом,
Но он задористый!

Клод

И ты сошел с ума?

Жак

Ну, Клод, — поздравь меня! Я одержал победу!
Статьей восхищены и рвут наперебой.
Редактор руку жал и пригласил к обеду!
Ты недоволен, Клод? Скажи мне, что с тобой?
Мне кажется, что я от счастья хорошею!
И хорошеют все, особенно Фантин...
Мы здесь устроим пир! Я приготовлю вин...

Клод

Не здесь. Отсюда, Жак, нас прогоняют в шею!

Жак

Что здесь произошло? Да расскажи ясней!
Опять ты заварил какую-нибудь кашу?

Клод

Была Клерета здесь... и был я счастлив с ней...

Жак

Но в самый нежный миг наткнулись на папашу?

Фантин

Ах, если б знали вы, какой здесь был содом!
Я у себя в углу тряслась как в лихорадке!
Я думала — сюда сбежится целый дом!
У этого Таржи свирепые повадки!

Он палкой так стучал, что пыль со всех картин
На голову мою посыпалась клубами!
Перепугалась я...

Ж а к
Бедняжечка Фантин,
Иди, — я эту пыль сниму с тебя губами!

Ф а н т и н
А вы не шутите?..

К л о д
Жак, посерьезней будь:
Мы к черту катимся!

Ж а к
А я вполне серьезен.
Не стоит горевать — уладим как-нибудь!
Я не пойму Таржи: из-за чего он грозен?
Ты не богат, но ты талантлив, честен ты,
И счастлива с тобой была б его Клерета...

К л о д
Ах, менее всего его волнует это!

Ж а к
Что ж допекло его?

К л о д
Коты!

Ж а к
Коты?!!

К л о д
Коты!!!

Ж а к
Сознайся, — ты котов водил на живодерню?
Ты из котов Таржи выделывал меха?

К л о д

Ах, что ты мелешь, Жак, — какая чепуха!
Случайно за язык меня сам дьявол дернул:
Я дал совет Таржи, — тому назад дней шесть, —
Давать его котам...

Ж а к
Касторку?

К л о д
Валерьянку!

Ж а к
Вот почему коты бушуют спозаранку!

К л о д
Что ж делать нам теперь?

Ж а к
Что делать нам? Поесть!
Фантин! Царица вин, закусок и жаркого!
Нельзя ль изобразить чего-нибудь такого?
Я съел бы мамонта!

Ф а н т и н
Вы любите омлет,
Так в пять минут для вас его я приготовлю...
(Убегает.)

Ж а к
(вдогонку)
Ты — золото, Фантин!..

К л о д
Что делать? Денег нет,
А надо отыскать какую-нибудь кровлю!

Ж а к
Э, нет! На этот раз искать я не хочу!
Пусть ищут для тебя квартирные агенты...

Мой вкус тебе претит... Кошачьему врачу
Совсем особые нужны апартаменты!

Вбегает Фантин.

Фантин

Они идут, месье!

Жак

Да кто — они?

Клод

Скажи!

Фантин

Они, те самые!

Клод

Да кто? Бандиты, воры?

Фантин

Они, те самые!

Клод

Ужель опять Таржи?!

Фантин

Нет — хуже!

Клод

Хуже? Кто ж?

Жак

Я знаю! Кредиторы!

Фантин

Да!

К л о д

Вот не вовремя проклятых принесло!
Все беды в один день, как будто бы назло!

Ф а н т и н

Они стучат уже!

Ж а к

Исчезни, Клод, потише,
Скорее на чердак! Мы встретимся на крыше!
(Выталкивает Клода в окно.)

К л о д

(к Фантин, вылезая через окно)

Впусти и проведи, скажи, что дома нет,
И отнеси к Таржи заказанный портрет!

Клод исчезает за окном. Стук усиливается.

Жак с Фантин бегут в прихожую,
оттуда Жак выбегает снова
с дымящейся сковородой с яичницей
и лезет в окно.

Занавес

Конец второй картины

КАРТИНА III

Комната в квартире Таржи. Две двери, окно.

Клерета одна.

Клерета

Какой роман! Всю жизнь я о таком мечтала!
Да кто из девушек об этом не мечтал?
А как он начался! По моде: со скандала!
В романе должен быть, как правило, скандал.
Единственный пустяк меня поверг в досаду, —
Что нет убийств... Что кровь рекою не течет...
Но Клод, наверное, убьет Шахеразаду
И этим как-нибудь пополнит недочет!
Я с замираньем жду!.. Начнется переписка...
Но в письмах буду я подчеркнуто скупа:
Классический роман не может быть без риска,
А если бы письмо перехватил папа?!
Так полагается в романах настоящих.
Клод будет мне писать... Он дьявольски влюблен.
Сейчас же побегу взглянуть в почтовый ящик:
Уже давно разнес все письма почтальон...

(Выходит, возвращается с газетой.)

Не понимаю я! От Клода писем нету.
Уже четвертый час, а мы простились в два!
А может быть, письмо запряталось в газету?

(Разворачивает газету.)

Тут пишут обо мне! Кружится голова... *(Читает.)*
«Наш видный портретист, наш парижанин модный,
Художник Клод Фрапье вновь удивил Париж!
Взгляните, господа, на профиль благородный
Мадмуазель Таржи...»

Незаметно входит Таржи. Клерета стоит
к нему спиной. Он думает, что она читает письмо.

Таржи
(в сторону)

Записочка?.. Шалишь!..

К л е р е т а

«Как очерк этих рук неуловимо тонок!
Какой сумбурный вихрь светящихся волос!
Что за изгиб бровей!»

Т а р ж и
(в сторону)

Она еще ребенок,
А он ей пишет так!

К л е р е т а

«Какой точеный нос!
И эти линии пленительные тела!»

Т а р ж и
(в сторону)

Эге, да тут уже нешуточное дело...

К л е р е т а

«Ах, можно день и ночь стоять, на них дивясь!»

Т а р ж и
(в сторону)

И день и ночь? Мой Бог! Да между ними связь!
А я-то проглядел...

К л е р е т а

«Божественного дара...»

Т а р ж и
(в сторону)

Что делать мне теперь?! Он вовсе ей не пара!

К л е р е т а

«Сей восхитительный новорожденный плод...»

Т а р ж и
(в сторону)

Не может быть!

К л е р е т а
«Зачат был в творческом расцвете,
В экстазе яростном...»

Т а р ж и
(громко)
Мерзавец, этот Клод!
Давай сюда письмо! Давай! Оно в газете!

К л е р е т а
Письмо??

Т а р ж и
Письмо, письмо!

К л е р е т а
Тут никаких нет писем!

Т а р ж и
Сейчас же покажи! Да ты в своем уме?
Да что это за тон? Он слишком независим!
Ты говоришь с отцом!

К л е р е т а
Речь о каком письме?

Т а р ж и
Подумать! Спуталась с каким-то негодяем
И лжет еще отцу! Я требую письмо!

К л е р е т а
Вы невменяемы!

Т а р ж и
И я же невменяем!!
(Вырывает газету и трясет ее над полом.)
Да где же, где ж оно?

К л е р е т а
Растаяло само!

Т а р ж и

Нет, как вам нравится? Невинный взор голубки!
О, я не отступлюсь от этого письма!
Я вытрясу его!! (*Трясет Клерету.*)

К л е р е т а

Логично, и весьма,
Но для чего ж меня вытряхивать из юбки?
Поверьте, — этот спорт вам вовсе не к лицу!
Он Богом не вменен в обязанность отцу!
Оставьте же меня! Взгляните же в газету!
Все ваши выкрики — сплошная чепуха!
К чему истерику затеяли вы эту?
Здесь о портрете речь!

Т а р ж и

Портрете?.. Ха-ха-ха!
А ну-ка, дай взглянуть! На самом видном месте...
(*Читает.*)

«Портрет мадмуазель... Мадмуазель Таржи...»
Звони в редакцию и экземпляров двести...
Нет — двести пятьдесят сейчас же закажи
И спешно разошли по нашим всем знакомым!
Но только никого не позабудь, смотри ж!
Я знаю, что статья их поразит как громом...
Сегодня о тебе узнает весь Париж!
(*Читает.*)

«А эти линии пленительные тела...»
Как хорошо, что ты немного потолстела!
«Что за изгиб бровей, какой точеный нос!»
Как ловко пишут, а? Какой язык картинный!
Но почему портрет еще он не принес?
Мне так не терпится прибить его в гостиной!

К л е р е т а

Вас радует статья, но дело не в статье:
Статья написана о мастерском портрете,
А написал портрет художник Клод Фрапье...

Т а р ж и

Я знаю наперед соображенья эти!
Напрасно предо мной их развиваешь ты, —
Я возражения имею наготове!

К л е р е т а

Но рисовать ему мешали ведь коты!

Т а р ж и

Не может помешать кот благородной крови!

(Читает.)

«Наш фоторепортер месье Анри Марше
Был в ателье Фрапье сегодня с аппаратом.
Уже заказано огромное клише
Со всеми красками, в газетный лист
форматом...»

К л е р е т а

Портрет величиной во весь газетный лист!

Т а р ж и

Какой тираж? Ого! Тираж-то двести тысяч!

К л е р е т а

Мой Клод прославится!

Т а р ж и

Бесчестный скандалист!
Не только что прогнать, а следовало б высечь!

К л е р е т а

Но Клод — мой друг, папá!

Т а р ж и

Я враг твоих друзей!

К л е р е т а

Враждуйте, но зачем отказывать в квартире?

Т а р ж и
Искореню дотла! Портрет продам в музей!
Взамен смогу купить любую кошку в мире!

К л е р е т а
Купите сразу трех!

Т а р ж и
А мне не запретят!
Куплю и тысячу, а если вгонишь в ярость —
Куплю мильон котов!!

К л е р е т а
Чтоб разводить котят?
Пускай, пускай они покоят вашу старость!
Отцам, которые на дочерей кричат,
Не полагается на старости внучат!
(Уходит.)

Т а р ж и
Я знаю наперед соображенья эти!
Нигде, и никогда, и на за что на свете
Согласья своего не дам на это я!
Да я с месье Фрапье за стол один не сяду!
Таких преступников не надо мне в зятья,
Он валерьянкою поил Шахеразаду!!!
Я был бы не отцом, когда бы разрешил
Вступить в мою семью безнравственным особам!
Зять Франсуа Таржи быть должен котодил!
Зять Франсуа Таржи не будет котодобом!

Входит Ф а н т и н с большим, покрытым бумагой полотном.

Ф а н т и н
Прошу прощения, что я тревожу вас,
Но я сейчас, месье, оставлю вас в покое...
(Ставит полотно посреди сцены и уходит.)

Т а р ж и снимает бумагу: на полотне изображена
нагая женщина в ванной, лицо ее прикрывает
что-то вроде абажура.

Т а р ж и

Не полуоборот... не профиль... не анфас...
А это вообще черт знает что такое!
Чтоб в ванну дочь мою поставить нагишом,
Потом изобразить на полотне большом —
И это, не стыдясь, они зовут портретом!
Полвека я живу уже на свете этом,
Но о таких еще портретах не слышал!
Развратник! Негодяй! Чудовище! Нахал!
Портрет... Но где лицо? Где главное в портрете?
Он ей прикрыл лицо какою-то чадрой,
Зато во всей красе подробности вот эти!
Уж если что прикрыть — подробности прикрой!!
Вот это дочь моя... В таком бесстыдном виде!
За что, о Господи, ко мне Ты так жесток?
Пускай бы в простыне...
В какой-нибудь хламиде!
Пускай хоть что-нибудь!..
Хоть фиговый листок!
Мерзавец дочь мою изображает голой...
Так это вот зовут в искусстве новой школой?
Во времена мои на этакий манер
Художник рисовал Диан или Венер,
Для этой и других универсальных целей
Он девку приводил к себе с ночных панелей,
Кормил ее, поил, платил ей хорошо
И пользовался ей, как собственным решо!
Но, сняв с нее дессу, не говорил при этом:
«Ну а теперь, мой друг, займемся мы
портретом...»

А нынче эту роль играет дочь моя!
А деньги он берет! А приношу их я!
Едва от гибели я спас Шахеразаду,
Так новая беда, как на голову снег!
Я застрелю его! Пускай в тюрьму я сяду —
Теперь я всё равно пропащий человек...

Он думает — я трус! Он думает — я кроткий!
Он думает, что я прощу позор семьи...
Пускай казнят меня! Несчастные сиротки...
Кто приголубит вас, кисуриньки мои?..
Нет! Лучше в суд подам, не подвергая риску
Ни кошек, ни себя. Я предъявляю иск!
Он франков тысяч пять заплатит мне по иску...
Но — Боже мой — какой подымет пресса визг!..
Писаки раззвонят... Уже я так и вижу,
Как бегают, крича, мальчишки по Парижу:
«Сенсационный иск! Скандал! Процесс Таржи!
Дочь Франсуа Таржи разгуливает голой
По ателье Фрапье!» Хоть уши завяжи...
Запахнет тут такой историйкой веселой,
Что опозоришься на целый Божий свет!
Нет, — в суд я не подам! Я не безумец, нет!
Но что же делать мне с вещественной уликой?
Ее везде найдут, куда ее ни тыкай!
А кто-нибудь найдет — произойдет скандал!
А может, кто-нибудь уже ее видал?
Запрятать!.. Но куда? За вешалку в передней?..
Нет, лучше из окна забросить в двор соседний...
Нет, принесут назад! Найдут и принесут,
Еще и награждай за мерзкую рогожу!
Ни выбросить нельзя, ни обратиться в суд!..
Я просто этот срам возьму и уничтожу.
В кусочки изорву и затолкаю в печь...
Необходимо сжечь — без промедленья сжечь!
Блестяще я из положенья выйду...
Чтоб не видал никто — уж позабочусь я...
*(Хватает со стола скатерть, набрасывает
на полотно, закрыв его совершенно.
Бежит к двери, но с порога возвращается.)*
Ах, Боже мой!.. Забыл... Я упустил из виду, —
Ведь есть еще статья... Газетная статья!
Сегодня этот срам уже был переснятым!..
Был в ателье Фрапье уже Анри Марше...
Заказано клише в газетный лист форматом!
Со всеми красками заказано клише!..

Тираж — две тысячи... Нет — двести тысяч!.. Двести!!
Я не переживу. Умру... Умру на месте!
Как людям покажусь? Как честь я сохраню?..
Женю его на ней! Женю... Женю!! Женю!!!
(Убегает.)

Окно медленно приоткрывается,
просовывается голова Клода.

К л о д

Открыто... Никого! Чтоб ни было — я влезу.
Я должен хоть на миг найти покой себе...
Я два часа брожу по мокрому железу,
С карниза на карниз и от трубы к трубе!
Я сколько ни искал — нигде не видно Жака...
Куда-то он пропал, но не пойму — куда...
Квартира — ничего... Мне нравится. Однако
Ведь могут и войти хозяева сюда!..
А кто они? И как им объясню я?.. Лучше
Не думать наперед. Мне это всё равно...
Скажу... что я упал из пролетавшей тучи
И ветром занесен случайно к ним в окно!
Что... мой аэроплан, поднявшийся в Калькутте,
Разбился на пути... Я — спасшийся пилот!
Я к этому окну доплыл на парашюте,
И тут мой парашют вдруг оторвался...

К л е р е т а
(входя)

Клод!

К л о д

Клерета!

К л е р е т а
Дорогой! Вы здесь! Какое чудо!
Упали с неба вы?

К л о д
Прямехонько оттуда!

К л е р е т а
Как вас пустил папа?

К л о д
Мы не видались!

К л е р е т а
Но...
Кто двери вам открыл?

К л о д
Я влез через окно!

К л е р е т а
Как это смело, Клод! Поступок, за который
Я ваша! Высота... Карниз... Кругом враги!..
Но вас вела любовь!

К л о д
Любовь и кредиторы!..
Любовь меня вела... но подвели долги...
Я обанкротился!

К л е р е т а
Невелика досада!
Ведь в сердце у меня открыт для вас кредит!
Вот вам аванс... *(Целует его.)*

К л о д
Беру...

К л е р е т а
И погашать не надо!

К л о д
И нечем: ваших губ ничто не остудит!

К л е р е т а
Мой милый... Мой герой!

К л о д
Клерета...

К л е р е т а

Клод, я ваша!..

И нас не разлучат — мы любим... мы одно!

Стук в дверь.

К л о д

Стучат! (*Бросается к противоположной двери.*)

К л е р е т а

Куда же вы? Ведь там папа!

К л о д

Папаша...

Он движется сюда!..

К л е р е т а

Куда же вы?

К л о д

В окно!

К л е р е т а

Нет, стойте! Ни за что. Мы спрячемся...

Оба прячутся за портрет.

Входит Таржи с кошкой на руках.

Т а р ж и

Клерета!

Открой же — там стучат... Мой Бог!

Ее здесь нет.

(*Открывая дверь.*) Пожалуйста!

Входят Жак и Фантин.

Ж а к

Мы к вам по поводу портрета...

Т а р ж и
(кричит)

Портрета!!!

Ф а н т и н
Ах, убьет!..

Т а р ж и
Я вам задам портрет!

Ж а к
Послушайте, месье...

Ф а н т и н
Сама не знаю как, но...

Ж а к
Я вышел в тот момент...

Ф а н т и н
И спутались они...

Т а р ж и
Что говорят отцу!.. О Боже, как бестактно!

Ж а к
(указывая на полотно)
Не это ли она? Фантина, загляни!

Ф а н т и н
(приподняв скатерть)
Она!

Ж а к
Месье, сейчас вам принесем другое!
Случайно к вам не то попало полотно.

Забирает полотно, за ним открывается целующаяся пара. Жак и Фантин в ужасе ныряют сами за полотно. Первая пара ничего не замечает и продолжает на виду у всех свое занятие.

Т а р ж и

Нет, это вообще черт знает что такое!
Не вижу ничего... В глазах моих темно...
Не вижу!..

Ищет, чем бы закрыть Клода и Клерету, хватается
полотно: закрывает первую пару, обнаруживается
вторая пара — Жак и Фантин, в нежном объятии.

Что? И здесь какой-то грот Венеры?!
Не вижу!!

Опять хватается полотно, закрывает вторую пару,
открывается первая — Клод и Клерета.

До чего ж рискованное па!
Оставьте танец ваш! Ни в чем не знают меры...
(Кричит.) Очнитесь наконец!!

К л о д

Месье Таржи!

К л е р е т а

Папа!

Т а р ж и

Да! да! «Месье Таржи...» На этот раз, мой милый,
Вы не открутитесь: она возвращена!
Испорчена вконец! Я вас заставлю силой
Заботиться о ней!

К л о д

На кой мне черт она!

Я не ветеринар. (В сторону, Клерете.)

Подумайте, Клерета,

Мне — кошку навязать! Нет, какова же месть!

Т а р ж и

Ваш долг, месье Фрапье...

К л е р е т а

Папа, оставьте это!

Т а р ж и

Нет, я восстановлю поруганную честь!

(В сторону.) Женю его на ней...

К л о д

Месье, для вас полезней

Приобрести мышьяк и притравить ее!

Она потрепана, у ней мильон болезней...

Т а р ж и

О чем он говорит? Ко мне, дитя мое!..

К л е р е т а

К чему такой трагизм? Папа, вы не на сцене!

К л о д

Ведь можно заменить! Не вижу в этом драм:

Другая будет выть и прыгать на колени,

Топорщить хвост...

Т а р ж и

Мой Бог!

К л о д

Мяукать по утрам...

Т а р ж и

Какой цинизм!

К л о д

Месье, нельзя же в мастерскую

К художнику, где лак, и краски, и холсты;

Вселить такую тварь...

Т а р ж и

Довольно! Я рискую

Сойти с ума... О дочь, как обманулась ты!

К л е р е т а

Ах, право, что за мысль, папа, вас обуяла?

К л о д

Ну разве место ей, скажите, в ателье?

А если ночью мне она под одеяло

Залезет и начнет царапаться?

Т а р ж и

Месье!!

Во мне мутится ум... Какое вероломство!

К л о д

Нет, Боже упаси от этого добра!

Еще на свет произведет потомство,

А чтоб топить его, нет у меня ведра!

Т а р ж и

О чем он говорит таким холодным тоном?

Убийца! Душегуб!

К л о д

Чтобы мое жильё,

Как ваше, стало бы...

Т а р ж и

Чем стало бы?!

К л о д

Притоном

Для многочисленных поклонников ее!

Чтоб под моим окном они хрипели хором?

Я в обществе таком не проживу трех дней!

И дня не проживу!..

Т а р ж и

Покрыв ее позором,

Обязаны, месье, жениться вы на ней!

Клод
Жениться? Я? На ком? Ответьте, Бога ради...
Мне кажется, что я схожу с ума, клянусь...

Клерета
Жениться? Кто на ком?

Клод
Я — на Шахеразаде?!

Таржи
(кричит)
Клерете!!

Клод
Что?? На ней?! В один момент женюсь!
Любимая!

Объятия, поцелуи.

Таржи
Бедлам.

Клерета
Клод!

Таржи
Светопреставленьё.

Клод
Клерета!

Таржи
Суший ад.

Клерета
Клод!

Таржи
Сумасшедший дом!

К л о д

Навек моя!

Т а р ж и
Кошмар.

К л е р е т а
Мой!

Т а р ж и
Умопомраченье.

Ты мой!
К л е р е т а

Т а р ж и
Бродячий цирк.

К л о д
Люблю тебя!

Т а р ж и
Содом!

А всё ж, в конце концов, я их довел до брака,
Как ни противились, — ему и ей назло!
Я всех перехитрил!.. Их следует, однако,
Прикрыть...

Берет полотно и идет закрывать Клода и Клерету,
затем уходит из комнаты.

Открываются Жак и Фантин.

Ф а н т и н
После того что здесь произошло —
Я опозорена... Вы на глазах у сотен...

Ж а к
Ну, разве на глазах? Здесь было полотно,
И очень плотное!

Фантин

Хоть тысяча полотен —

Я опозорена! Теперь на мне — пятно!

Подумайте, — ведь все, кто в этой темной зале
(указывает на публику)

Такое говорят о нас наперебой...

Жак

Но чтоб они другим об этом не сказали,

Мы скажем им, что мы венчаемся с тобой!

Фантин

Вы слышали? Прошу не сплетничать!

Клод

(выходя с Клеретой из-за полотна)

Под клятвой

Ты обязуешься: торжественный момент!

Клянись, что ни отец, ни тетушка, ни брат твой

На свадьбу кошку нам не поднесут в презент:

Я не переживу!

Клерета

Клянусь тебе!

Входит Таржи.

Таржи

(обращаясь к Клоду)

В прихожей

Стоят какие-то чужие господа

И спрашивают вас.

Клод

Один на гриб похожий,

А у другого плешь, очки и борода?

Таржи

Они!

Фантин
О Боже мой!

Клод
(идя к двери)
Впустить без разговоров!

Клод! Жак

Клод
Что?

Жак
Остановись!

Клод
Зачем?

Жак
Ну разве есть
Рассудок у тебя? Впускаешь кредиторов?!

Клод
Чтоб заплатить долги!

Жак
Кто ж платит?!

Клод
Платит? Тесть!!!

Немая сцена

Занавес

ПРИМЕЧАНИЯ

ПОД СОЗВЕЗДИЕМ ТОПОРА

Воспроизводится последний раздел книги избранных стихотворений поэта — Иван Елагин. Под созвездием Топора. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1976.

«Выходит — ошибся я малость...» (с. 7). — Стихотворение написано по следам статьи Владимира Вейдле (1895—1979), в которой критик утверждал, что Елагин «не лирик», и издевался над манерой Елагина читать стихи не наизусть, а по книге — в противовес Маяковскому, который, с точки зрения Вейдле, читал лучше.

«Все города похожи на Толедо...» (с. 14). — Елагин имеет в виду картину «Вид Толедо в грозу» кисти Эль Греко (1541—1614), уникальный в искусстве Южного Возрождения образец пейзажа. *Алькасар* — крепость, королевский дворец.

«Нечто вроде сценария» (с. 18). — В *Мариенбаде в будущем году* — обыграно название романа французского писателя Алена Роб-Грийе (р. 1922) «В прошлом году в Мариенбаде» (1961) или, что вероятнее, фильм, снятый по этому роману.

«А называют землю Колыма...» (с. 26). — В эпиграф вынесена строка из стихотворения Н. Гумилева «Отрывок» («Христос сказал: убогие блаженны...»; 1910, вошло в сб. «Чужое небо»).

«Ты сказал мне, что я под счастливой родился звездой...» (с. 28). — Как *Дельвиг говаривал* — фактически цитируются пушкинские «Table Talk» («Застольные беседы»): «Дельвиг не любил поэзии мистической. Он говаривал: “Чем ближе к небу, тем холоднее”» (Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1976. Т. 7. С. 177).

В ЗАЛЕ ВСЕЛЕННОЙ

Воспроизводится по изданию: Иван Елагин. В зале Вселенной. Анн-Арбор: Эрмитаж, 1982.

«Чайна Таун! Экзотика!..» (с. 43). — *Чайна Таун* — китайский квартал или район во многих американских городах (в частности, в Нью-Йорке). *Свой смешной новый год* — китайцы отмечают не европейский «солнечный» новый год, а лунный (он приходится в разные годы на конец января — начало марта); именно от китайской традиции идет «Год Дракона», «Год Быка» и т. д.

Цирк (с. 46). — *Карл Радек* (1885—1939) из всех советских «вождей» отличался наиболее карикатурной внешностью.

«Не от того вы лечили меня, доктора...» (с. 57). — *Баккара* — дорогой сорт французского столового хрусталя.

«Туман клубится...» (с. 62). — *Что Марсиане / С твоим Уэльсом?!* —

имеется в виду роман Герберта Уэллса «Война миров» (1898), рассказывающий о катастрофических бедствиях, постигших людей, когда обитатели Марса спустились на Землю для того, чтобы питаться человеческой кровью.

«С перевала вновь на перевал...» (с. 64). — *Карл Ларсон* (Ларссон; 1853—1919) — шведский художник, мастер изображения домашней патриархальной идиллии.

«Мы в самолете из бумажных кружек...» (с. 69). — *Легко поверить Ильфу и Петрову, / Что это только транспортное средство* — отсылка к роману И.Ильфа и Е.Петрова «Золотой теленок» (1931): «Автомобиль не роскошь, а средство передвижения».

«На меня наплывает опять...» (с. 73). — *Вот и ужас стоит надо мной... / Арзамасский, толстовский, бессонный, / Красный, белый, квадратный, ночной* — 4 сентября 1869 г. Л.Н.Толстой писал из Саранска С.А.Толстой: «Третьего дня в ночь я ночевал в Арзамасе, и со мной было что-то необыкновенное. Было 2 часа ночи, я устал страшно, хотелось спать, и ничего не болело. Но вдруг на меня нашла тоска, страх, ужас такие, каких я никогда не испытывал. Подробности этого чувства я тебе расскажу впоследствии; но подобного мучительного чувства я никогда не испытывал, и никому не дай Бог испытать» (Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. М., 1984. Т.XVIII. С.683). Впоследствии пережитое в Арзамасе легло в основу повести «Записки сумасшедшего», где, в частности, говорится: «Еще раз прошел посмотрел на спящих, еще раз попытался заснуть, все тот же ужас красный, белый, квадратный. Рвется что-то, а не разрывается» (Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. М., 1982. Т.XII. С.48).

Увод *Мононгахилы* (с. 77). — *Мононгахила* — одна из трех рек, на которых стоит Питсбург — город, в котором Елагин прожил последние семнадцать лет своей жизни. В стихотворении упоминается стихотворение К.Н.Батюшкова «*Мои пенаты*» (1814), обращенное к В.А.Жуковскому и П.А.Вяземскому; в «ответ» Батюшкову написана лицевая поэма А.С.Пушкина «*Городок*» (1815). Елагин создает собственный «Городок», описывая свой дом в Питсбурге, где в разное время побывали самые разные люди — от архиепископа Иоанна Сан-Францисского (Шаховского) до Евгения Евтушенко. Елагин также перечисляет наиболее важных для него поэтов XX в. — Блока, Цветаеву, Пастернака, Ахматову; интересно, что не упомянут Мандельштам, о чьей судьбе (но не о поэзии) Елагин писал в своих стихах нередко. *Тропининский портрет* — имеется в виду портрет А.С.Пушкина (1827) работы Василия Андреевича Тропинина (1776—1857).

«В тот год с товарных станций эшелоны...» (с. 81). — В эпитафии — строки из стихотворения А.С.Пушкина «*Брожу ли я вдоль улиц шумных...*» (1829).

«Уже ты подводишь итоги...» (с. 87). — В эпитафии цитируется стихотворение Б.Пастернака «*Иней*» (1941), вошедшее в сб. «*На ранних поездах*» (1943).

«В Санта-Монике нынешним летом...» (с. 89). — *Санта-Моника* — город в Калифорнии, жилой пригород Лос-Анджелеса на берегу Ти-

хого океана, где Елагин бывал у Сергея Бонгарта. *Американский поэт* в этом стихотворении расшифровке не поддается.

«Зачем я утром к десяти часам...» (с. 90). — Посвящено Татьяне Фесенко. По поводу этого стихотворения см. письмо А.И.Солженицына в предисловии к наст. изд.

Личное дело (с. 95). — *Калигулу, / Изрытого остой* — т.е. Сталина.

«Я на чужбину уезжал в вагоне...» (с. 102). — В эпитафии цитируется стихотворение Марины Цветаевой «Я берег покидал туманный Альбиона...» (1918), первая строка которого (она же служит эпитафией) принадлежит Е.А.Баратынскому.

«Тебя поздравляю сегодня, друг...» (с. 104). — Написано по поводу семидесятилетия Леонида Ржевского (1977). *Scotch* — шотландское виски.

Петрушка (с. 108). — *Даже рельсы я кладу, / Как сказал поэт Некрасов* — Елагин иронизирует по поводу «Железной дороги» (1864) Н.А.Некрасова; немец в данном случае — граф П.А.Клейнмихель, строитель дороги Москва—Петербург (окончена в 1852 г.).

«Человек на дороге...» (с. 117). — *Рим, подоженный Нероном* — летом 64 г. в Риме разразился сильнейший пожар, уничтоживший десять из четырнадцати районов города. В поджоге народ обвинял римского императора Нерона (37—68). *Слоны Аннибала* — карфагенский полководец Ганнибал во время Второй войны Карфагена с Римом (218—201 до н.э.) использовал в своей армии боевых слонов. *Битва на Марне* — сражение, в котором англо-французские войска остановили наступление германских войск на Париж в сентябре 1914 г. *Полтавский бой* — одно из сражений Северной войны 1700—1721 гг., в котором 27 июня (8 июля) 1709 г. русские войска под командованием Петра I разгромили шведскую армию Карла XII и украинские войска гетмана И.С.Мазепы. *Дарий / От скифских бежит полков* — Дарий I, царь государства Ахеменидов, около 512 г. потерпел поражение от скифов и бежал к Дунаю. *Снится одним — Крым, / Снится другим — Вандея* — во времена Великой французской революции Вандея так же, как и Крым во время гражданской войны 1918—1921 гг., была последним оплотом контрреволюции. Исторические атрибуты стихотворения — еще один пример действия, развернутого Елагиным «во времени, а не в пространстве».

«У самого дома взъерошенным кленом...» (с. 122). — *Так что ж тебе в имени дальнем моем?* — обыграна первая строка стихотворения А.С.Пушкина «Что в имени тебе моем?...» (1829).

Семейный архив (с. 124). — *ЦГАЛИ* (ныне РГАЛИ) — Центральный (ныне Российский) государственный архив литературы и искусства. Об обстоятельствах возникновения этого стихотворения см. предисловие к наст. изд. (в ЦГАЛИ были обнаружены несколько писем Венедикта Марта к Петру Митуричу).

«Вот она — эпоха краха...» (с. 132). — *Солоха* — персонаж повести Н.В.Гоголя «Ночь перед Рождеством»; *Гретхен* — в данном случае — из немецких сказок братьев Гримм; *Хома* — герой повести Гоголя «Вий».

«Засядут в кабинете...» (с. 134). — *Сделав шаг вперед, / Прodelать два шага назад* — обыгрывается название ленинской работы «Шаг вперед, два шага назад» (1904). *Медный таз на голове* — отсылка к Дон Кихоту, который, как известно, вместо шлема носил на голове медный таз.

«Еще много хороших вещей на земле...» (с. 145). — *Лошадь с царем на скале* — памятник Петру I в Петербурге.

«Сочиняю сценарий для фильма...» (с. 148). — *Школа в Вермонте* — летняя русская школа в Миддлбери, где Елагин преподавал с 1968 г. (см. предисловие).

Василию Бетаки (с. 151). — Ленинградский поэт и переводчик Василий Бетаки (р. 1930), эмигрировавший в 1974 г. в Париж, написал весьма полемическую статью о творчестве Елагина «Три спора о поэзии Ивана Елагина» («Грани», 1977, № 103). Однако данное стихотворение вызвано к жизни не статьей, а стихотворением В. Бетаки «Сонет» (с эпиграфом из Елагина), опубликованным в его сборнике «Европа-остров» (Париж, 1981). Диссонансные рифмы в стихотворении Елагина носят вполне иронический характер.

«Суетись всю жизнь, кружись...» (с. 155). — *Другой* — здесь: Дьявол. **Надпись на переводе «Тела Джона Брауна»** (с. 157). — Стихотворение посвящено Иосифу Бродскому, «пробившему в печать» перевод поэмы, выполненный Елагиным (см. предисловие). *Вы — крестный моего «Титаника» / (Почти из Вас цитата, Бродский)* — отсылка к стихотворению И. Бродского «Квintет» (1977): «...И сколько льда / Можно бросить в стакан, чтобы остановить Титаник / Мысли?..»

«Неужели же нет первозаданных, осмысленных слов?..» (с. 159). — В эпиграфе — строфа из стихотворения Н. Заболоцкого «Читая стихи» (1948).

«Под вывеской — окно...» (с. 160). — *Сирано де Бержерак* (1619–1655) — французский поэт и философ, автор знаменитой утопии-памфлета «Иной свет, или Государства и империи Луны» (1650). *Выпячивая нос / Во всю его длину* — у Сирано, как известно, был длинный нос, не раз становившийся предметом насмешек, что ярко отразил в своей героической комедии «Сирано де Бержерак» (1898) французский писатель Эдмон Ростан. *А современник мой уже был на луне!* — первый человек, ступивший на поверхность Луны, — американский астронавт Нил Армстронг (1969).

«Ты на пьесу не сердись, не сердись...» (с. 167). — *Ионеско носорог, носорог!* — имеется в виду пьеса Эжена Ионеско, одного из зачинателей драмы абсурда, «Носорог» (1959).

«Еще есть зал с Крестителем Родена...» (с. 169). — «Креститель», «Граждане Кале», «Адские врата» — скульптуры и скульптурные группы французского скульптора Огюста Родена (1840–1917).

«Поздравляю со снегом, со снегом...» (с. 173). — Очередной образец разворачивания сюжета «во времени, а не в пространстве» — *обры* (собств. «авары») были разгромлены Карлом Великим; *печенеги* и *половчане* — достояние истории более поздней. *Номады* — кочевники.

Зал ожидания (с. 175). — *В свою машину времени / Нас посадил*

Уэльс — имеется в виду роман Герберта Уэллса «Машина времени» (1895).

«Этот снег за стеною больничной...» (с. 187). — *Эмфиземе* легких сопутствовала у Елагина астма (он курил с детства), и Кастальский ключ — *ключ Иппокрены* (античный источник вдохновения) упомянут уже в преддверии смертельной болезни.

«Счетчики на стоянках...» (с. 191). — *Может быть, у алжирского дея под носом / Действительно шишка?* — цитируется последняя фраза «Записок сумасшедшего» Н.В.Гоголя; *дей* — титул пожизненного правителя Алжира; считается, что безумный герой Гоголя вспоминает дея в связи с низложением последнего алжирского дея Гусейн-паша в 1830 г.

«Было ясно мне как дважды два...» (с. 192). — Перевод эпитафия содержится в двух последних строчках стихотворения (английская пословица).

Память (с. 199). — Подробную расшифровку этих стихотворных воспоминаний см. в предисловии к наст. изд. *Канатчикова дача* — московский эвфемизм для обозначения психиатрической больницы; собственно говоря, имелась в виду больница, находящаяся по адресу: Загородное шоссе, д. 2 (позднее — «им. Кашенко», ныне — НИИ Профилактической психиатрии). *Панферов Федор Иванович* (1896—1960) — советский писатель. *Пильняк* (наст. фамилия *Вогау*) Борис Андреевич (1894—1941) — советский писатель; был репрессирован и расстрелян. *Кобе* — японский город, где бывал отец поэта Венедикт Март и где окончил свою жизнь его дед Николай Петрович Матвеев-Амурский. *Клюев Николай Алексеевич* (1884—1937) — выдающийся русский поэт; был репрессирован и погиб в заключении; встреча с ним вряд ли имела место именно в Саратове. *Аренс* — Аренс по имени Николай не выявлен; если предположить, что Елагина подвела память детства, то, возможно, имеется в виду Лев Аренс (1890—1967), поэт и биолог, друг Венедикта Марта, жертва сталинских репрессий. В неизданных воспоминаниях П. В. Митурича «Мое знакомство с Велимиром Хлебниковым» о нем сказано следующее: «Меня часто посещал поэт Аренс. Вороватый забудыга, бездомный и полупьяный, он являлся к нам под наплывом жажды изливания, считая свою судьбу родственной с Велимиром. <...> Мы должны были выслушивать его стихи, его изливания, сам же он слушать не мог, всегда быстро перебьет речь и по своему доскажет начатую мысль, но всегда невпопад, а иногда до удивления превратно. Тогда он обращал свои слова в шутки и снова залезал в туманные дебри словоизвержения, но говорить собеседнику не давал. И когда видел, что я терялся, как с ним быть и чего он в конце концов хочет, он замечал это и начинал, смеясь, бранить себя: “Глупо, я знаю, но ничего не поделаешь, таков мой путь, моя задача...”» (сообщено А.Е.Парнисом). *Ювачев Иван Павлович* — народоволец, отец поэта *Даниила Хармса* (Даниила Ивановича Ювачева; 1905—1942), в 1941 г. арестованного НКВД и скончавшегося в тюремной больнице. *Лебедев-Кумач* (Лебедев) Василий Иванович (1898—1949) — советский поэт, автор многих популярных песен: «Марш веселых ребят», «Песня о

Родине» («Широка страна моя родная...»), «Веселый ветер», «Священная война» и др. *Обзриуты* — литературная группа ОБЭРИУ (Объединение реального искусства) образовалась в 1927 г. и распалась в начале 1930-х годов; в нее входили Д.Хармс, *Александр Введенский* (1904—1941), К.Вагинов, Н.Заболоцкий, И.Бахтерев, Ю.Владимиров, с созданием группы провозгласившие себя «творцами не только нового поэтического языка, но и создателями нового ощущения жизни и ее предметов». *Шварц Антон Исаакович* (1896—1954) — советский артист, мастер художественного слова; выступал с литературными композициями, в частности «Невский проспект» по повести Н.В.Гоголя. *Рыльский Максим Фадеевич* (1895—1964) — украинский советский поэт. «*Реквием*» («Requiem», 1935—1940) — поэма Анны Ахматовой. *Доливо-Соботницкий Анатолий Леонидович* (1893—1965) — певец, бас, профессор Московской консерватории с 1930 г. *Бельмановские песни* — застольные песни шведского поэта и композитора Карла Микаэла Бельмана (1740—1795). *Лисс, Зурбаган* — географические названия из романа А.С.Грина «*Бегущая по волнам*». *Гроссман Леонид Петрович* (1888—1965) — литературовед. *Протасевич Георгий* — друг юности Елагина, узнать что-либо о его дальнейшей судьбе не удалось. *Хемингвей* (Хемингуэй), *Олдингтон* — писатели из довоенного круга чтения Елагина. *Между нами — Пушкин бы сказал — / Всё рождало споры* — парафраз из «Евгения Онегина»: «Меж ними всё рождало споры...» (гл. 2, XVI).

ТЯЖЕЛЫЕ ЗВЕЗДЫ

Воспроизводится последний раздел книги: Иван Елагин. Тяжелые звезды. Анн-Арбор: Эрмитаж, 1986.

«*Нынче я больше уже не надеюсь на чудо...*» (с. 219). — Стихотворение построено на заголовках шести прижизненных книг Елагина, лишь в последней строке упомянут вымышленный сборник «ПО ДОРОГЕ ТУДА» — этим стихотворением в предсмертном «избранном» Елагина открывается раздел «Новые стихи» (1983—1986). *А от тайги до британских морей* — строка из песни «Белая армия, черный барон...» (автор текста П.Горин, музыка С.Покраса).

«*Олень упал. Пробила шею пуля...*» (с. 232). — В эпитафии строка из стихотворения И.А.Бунина «Густой зеленый сумрак у дороги...» (1905).

Памяти Сергея Бонгарта (с. 234). — *И ты не забудешь на темной дороге...* — очередная аллюзия к роману А.Грина «Бегущая по волнам». Ср. со стихотворением «Всю ночь мерцает вывеской отель...»

«*Где машина мчится за машиной...*» (с. 236). — *Рюрик Дудин* (1923—1995) — друг юности Елагина, журналист, под псевдонимом «Роман Днепров» опубликовавший первые посмертные воспоминания о Елагине («Новое Русское Слово», 1987, 13 марта) — «Иван Елагин, каким я его знал».

«В различных проявлениях бытия...» (с. 244). — Французский философ Рене Декарт (1596—1650) основой знания считал непосредственную достоверность сознания: «Мыслю, следовательно, существую».

«Посмотри, как торопится птица...» (с. 246). — Гольбейн Ганс (1497/98—1543) — немецкий художник; имеются в виду его гравюры на темы «Пляски Смерти».

Беженская поэма (с. 248). — Вторая часть поэтических мемуаров Ивана Елагина. *Галлиполи* — временный город-лагерь, разбитый неподалеку от Константинополя армиями Врангеля после эвакуации из Крыма в 1920 г. *Нансеновский паспорт* — документ «апатрида», человека без гражданства какой-либо определенной страны, выдававшийся с 1922 г. (встречается и по сей день); введен по инициативе норвежского путешественника Фрицьофа Нансена (1861—1930). *Слышится, как полозы / Ползют, извилисты. / Не слышать ни голоса / Птицы, ни собачьего / Лая, — только полозы / Проползают вкрадчиво* — парафраз из «Слова о полку Игореве»: «Тогда врани не граахуть, галлицы помлькоша, сороки не троксоташа, полозие ползаша только» («Тогда вороны не граяли, галки примолкли, сороки не стрекотали, только полозы ползали»). «Бесприданница» (1878) — пьеса А.Н.Островского.

Нью-Йорк — Питсбург (с. 256). — Третья, последняя часть поэтических мемуаров Елагина. *Литфонд* — эмигрантская благотворительная организация, ничего общего с одноименной в СССР не имеющая. *Альма Матер* — Елагин окончил именно Нью-Йоркский университет. *А рядом, в двух шагах, живет мой друг* — Л.Д.Ржевский. *Его жена* — поэтесса Агния Шишкова. *Я проработал в «Новом Русском Слове»* — почти целиком все 1950-е годы Елагин работал в этой старейшей русской газете корректором, фельетонистом, редактором отдела объявлений. В поэме упомянуты *Поляков Александр Абрамович* (1879—1971) — в те годы помощник главного редактора газеты; *Мартынов Николай Николаевич* — бывший белый офицер, директор и совладелец книжного магазина при газете, известный также как издатель пасхальных и рождественских открыток — марка «Издания Н.Н.Мартынова» появляется на русских календарях в США до сих пор; *Воронович*, что был известен в «русском Нью-Йорке» как бывший «зеленый» — иначе говоря, воевал и с белыми, и с красными, — он организовал «бригаду стариков»-мойщиков стекол — к шестидесятым годам вся бригада вымерла; *Андрей Седых* (Яков Моисеевич Цвибак; 1902—1994) — писатель, журналист, будущий (с 1973 г.) главный редактор газеты; *Сапронов Анатолий Константинович* (р. 1922) — преподаватель русского языка и шахматист, постоянный партнер Елагина по шахматам (по свидетельству В.А.Синкевич, в «Новом Русском Слове» никогда не работал); *Россолимо* Николас (Николай; 1910—1975) — шахматист, гроссмейстер; *Нарциссов Борис* Анатольевич (1906—1982) — поэт; *Мигуев-Звездухин* — по мифологии стихов Нарциссова, такова фамилия ночного, звездного небосвода. *Голлербах* Сергей — художник, близкий друг Елагина. *Воевать с микадо* —

очевидно, речь идет о русско-японской войне 1904—1905 гг.; *микадо* — японский император. *От Ромула и вплоть до наших дней / Знал тьму литературных анекдотов* — парафраз строк из «Евгения Онегина»: «Но дней минувших анекдоты / От Ромула до наших дней / Хранил он в памяти своей» (гл. 1, VI).

НЕ СОБРАННОЕ В КНИГИ

«Розу в волосы заколите...» (с. 273). — Из сб. «Ты, мое столетие!» (Мюнхен, 1948). Позднее не переиздавалось.

«Всё мудро устроено в мире...» (с. 274). — Из сб. «Ты, мое столетие!» Позднее не переиздавалось.

«Только встречу и поглажу...» (с. 275). — Печатается по тексту альм. «Встречи» (Филадельфия, 1987). *О если б забыться праздной душой / В твоей кочевой кибитке!* — парафраз заключительных строк пушкинского стихотворения «Калмычке» (1829): «Друзья! не всё ль одно и то же / Забыться праздною душой / В блестящей зале, в модной ложе / Или в кибитке кочевой?»

«В тот темный год отца из дома увели...» (с. 276). — Печатается по тексту посмертного сборника «Курган» (Посев, 1987).

Товарная станция (с. 278). — Печатается по тексту сб. «Курган».

Передача (с. 282). — Печатается по тексту сб. «Курган». *Ветер, ветер!* — отсылка к поэме А.А.Блока «Двенадцать» (1918).

«Надо дальше жить, говорят...» (с. 286). — Печатается по тексту сб. «Курган».

«Довольно. Я лгать себе больше не в силах...» (с. 287). — Печатается по тексту альм. «Встречи» (Филадельфия, 1988).

«Я опустил окно в автомобиле...» (с. 288). — Печатается по тому же тексту.

«Проходит жизнь своим путем обычным...» (с. 289). — Печатается по тому же тексту.

«Она задержалась у края стола...» (с. 290). — Печатается по тому же тексту.

«Они горят оранжево, багрово...» (с. 291). — Печатается по тому же тексту.

Из старой тетради (с. 292). — Печатается по тексту альм. «Встречи» (Филадельфия, 1986).

«Еле красноват...» (с. 294). — Печатается по тому же тексту.

«Я принял большую дозу...» (с. 295). — Печатается по тексту альм. «Встречи» (Филадельфия, 1985).

«Стоит мне заглянуть...» (с. 297). — Печатается по тому же тексту. В творчестве нидерландского живописца Хиеронимуса *Босха* (ок. 1450—60—1516) соединились изощренная фантастика и порожденные безграничным воображением гротескно-демонические образы.

«В самом сердце мира — человек...» (с. 298). — Печатается по фонограмме выступления Ивана Елагина на радиостанции «Голос Америки». Опубликовано в «Новом журнале» (Нью-Йорк), 1985, № 161.

Анри Тулуз-Лотрек (1864—1901) — французский живописец и график.

Чернобыль (с. 299). — Печатается по тексту альм. «Встречи» (Филадельфия, 1989).

«Слез не проливайте надо мною...» (с. 300). — Печатается по тому же тексту.

«Здесь чудо всё: и люди, и земля...» (с. 300). — Печатается по тексту альм. «Встречи» (Филадельфия, 1987). По воле поэта стихотворение было опубликовано сразу после его смерти.

Гоголь (с. 301). — Печатается по тому же тексту. Последнее стихотворение Ивана Елагина. Написано под впечатлением картины русского художника *Владимира Шаталова* (р. 1918) «Портрет Гоголя». *Из переписки Гоголя* — имеется в виду книга Н.В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847). *Тройка мчит* — в поэме Гоголя «Мертвые души» образ «птицы-тройки» — олицетворение Руси. *О Русь, какой ты дашь ответ* — парафраз заключительных строк поэмы «Мертвые души»: «Русь, куда ж несешься ты? дай ответ...»

ПОРТРЕТ МАДМУАЗЕЛЬ ТАРЖИ

Воспроизводится по изданию: Иван Елагин. Портрет мадмуазель Таржи. Мюнхен, 1949.

Об истории создания этого водевиля, его публикации и первой постановке см. в предисловии к наст. изд.

Решо (фр.) — нагревательный прибор. *Дессу* (фр.) — здесь: одежда.

Евгений Витковский

СОДЕРЖАНИЕ

ПОД СОЗВЕЗДИЕМ ТОПОРА

«Выходит — ошибся я малость...»	7
«Человек был кроток, тих...»	8
«Обдало меня время печальной волной...»	9
«Негодуюем, тоскуем, хохочем...»	10
«Не надо слов о смерти роковых...»	11
«Не в строчке хорошей тут дело...»	12
«Все города похожи на Толедо...»	14
«Вон человек идет...»	15
«Не была моя жизнь неудачей...»	17
Нечто вроде сценария	18
«В государстве великих разлук ходовая монета — пространство...»	22
«Кривая ветвь совсем не за ограду...»	24
«А называют землю Колыма...»	26
«Опять крутом слезливая зима...»	27
«Ты сказал мне, что я под счастливой родился звездой...»	28
«Я сегодня за широким столом...»	29
«От стакана на комод...»	31
«Я жонглер-скоморох, я циркач...»	32
«Жизнь пора начать сначала...»	34
«Каменоломня старая в цвету...»	35
«Какая осень! Что за странность...»	36
«До небосклона за окном...»	38

В ЗАЛЕ ВСЕЛЕННОЙ

«На площадях танцуют и казнят!...»	41
«Чайна Таун! Экзотика!...»	43
«Я запомнил мой праздник мгновенный...»	45
Цирк	46
«Я скажу языком неположенным...»	51
Игра с осенью	53
«Не от того вы лечили меня, доктора...»	57
«В окна ошарашивает ветер сквозной...»	58
«Очередной обидою...»	60
«Туман клубится...»	62
«Россия под зубовный скрежет...»	63
«С перевала вновь на перевал...»	64
«По узкому спуску, скрипя, дребезжа...»	66
«Осталось ждать совсем немножко...»	68
«Мы в самолете из бумажных кружек...»	69
«Не говори про ангельский хорал...»	70
«Я тоже устал от нелепицы всякой...»	71

«На меня наплывает опять...»	73
«Худошавым подростком...»	75
У вод Мононгахилы	77
«В тот год с товарных станций эшелоны...»	81
«В новогоднюю ночь я к столу подойду...»	82
«Цыганский табор осени разбросан...»	83
«Уже ты подводишь итоги...»	87
«В Санта-Монике нынешним летом...»	89
«Зачем я утром к десяти часам...»	90
«Что ни утро — то листья янтарней...»	91
«И ветер, и снег...»	92
«Из Питсбурга ехал автобус...»	94
Личное дело	95
«Я на чужбину уезжал в вагоне...»	102
«Едва кое-как рассовал ты...»	103
«Тебя поздравляю сегодня, друг...»	104
«В туристическом бюро...»	106
Петрушка	108
«Всё, кажется, в полном порядке...»	115
«Так бывает, что от мыслей горьких...»	116
«Человек на дороге...»	117
«У самого дома взъерошенным кленом...»	122
Семейный архив	124
«Вверху хрусталем и хромом...»	126
Магазин игрушек	127
«Проснулся ночью — болит плечо...»	129
«В добротных фуражках Добрыни Никитичи...»	130
«Мы весело жили, и мглу...»	131
«Вот она — эпоха краха...»	132
«Засядут в кабинете...»	134
«На пустыре, забором огороженном...»	136
Наплыв	137
У мольберта	142
«Видно, было мне так назначено...»	143
«Рано утром над землею нашею...»	144
«Еще много хороших вещей на земле...»	145
«День начинался медленно. Сперва...»	146
«Мой век! От стука...»	147
«Сочиняю сценарий для фильма...»	148
«Вот мне и стало казаться...»	150
Василию Бетаки	151
Чучело	152
«Суетись всю жизнь, кружись...»	155
Надпись на переводе «Тела Джона Брауна»	157
«Я опять лечу на самолете...»	158
«Неужели же нет первоначальных, осмысленных слов?..»	159
«Под вывеской — окно...»	160
«Ах как всё это, право, печально!..»	162

«Два пенсильванских немца в черных шляпах...»	163
«Какая-то чушь, какая-то блажь...»	164
«По каменным плитам колеса...»	166
«Ты на пьесе не сердись, не сердись...»	167
«Ливни, ливни то и дело...»	168
«Еще есть зал с <i>Крестителем</i> Родена...»	169
«Сегодня день непонятный вовсе...»	170
«Видно, пришел каюк...»	171
«Мы с тобой о чем-то разговариваем...»	172
«Поздравляю со снегом, со снегом...»	173
Зал ожидания	175
«Ежевечернее событие...»	180
Олимпиада	181
«На ноге висит полпуда...»	186
«Этот снег за стеною больничной...»	187
«Часто мне снится высокий маяк...»	188
«Веку убийства...»	190
«Счетчики на стоянках...»	191
«Было ясно мне как дважды два...»	192
Блошиный рынок	193
«Тут и вода в реке, мой друг...»	195
«Тут птицы пролетают стаями...»	197
Память	199

ТЯЖЕЛЫЕ ЗВЕЗДЫ

«Нынче я больше уже не надеюсь на чудо...»	219
«Всё растёт и растёт он, кладбищенский мой околоток...»	220
«Я забился за кулисы...»	221
«С ворохами рыжей рвани...»	222
«Всё снега, да снега, да метели...»	223
«Я становлюсь под старость разговорчив...»	224
«Про эту скрипучую...»	225
«Что вспоминать? Плакать о чем?...»	226
«Мой взгляд, отделившись быстро...»	227
«Воздух темнел на Владимирской горке...»	228
«Привыкали мы всякую ересь...»	230
«Гурьбою по булыжной мостовой...»	231
«Олень упал. Пробила шею пуля...»	232
Памяти Сергея Бонгарта	234
«Где машина мчится за машиной...»	236
«Меж небом и землею в коридоре...»	237
«Сам я толком не знаю...»	238
Притча о времени, или Разговор перед Новым Годом	239
Монолог пенсионера	241
«Всё оказалось очень просто...»	243
«В различных проявлениях бытия...»	244

«Я слушал стиха соловьиную медь...»	245
«Посмотри, как торопится птица...»	246
«Где-то вверху, за холмы уходя...»	247
Беженская поэма	248
Нью-Йорк — Питсбург	256

НЕ СОБРАННОЕ В КНИГИ

«Розу в волосы заколите...»	273
«Всё мудро устроено в мире...»	274
«Только встречу и погляжу...»	275
«В тот темный год отца из дома увели...»	276
Товарная станция	278
Передача	282
«Надо дальше жить, говорят...»	286
«Довольно. Я лгать себе больше не в силах...»	287
«Я опустил окно в автомобиле...»	288
«Проходит жизнь своим путем обычным...»	289
«Она задержалась у края стола...»	290
«Они горят оранжево, багрово...»	291
Из старой тетради	292
«Еле красноват...»	294
«Я принял большую дозу...»	295
«Стоит мне заглянуть...»	297
«В самом сердце мира — человек...»	298
Чернобыль	299
«Слез не проливайте надо мною...»	300
«Здесь чудо всё: и люди, и земля...»	300
Гоголь	301
ПОРТРЕТ МАДМУАЗЕЛЬ ТАРЖИ	303
ПРИМЕЧАНИЯ	368

Елагин И.

Е47 Собрание сочинений: В 2 т. Т.2: Стихотворения. Портрет мадмуазель Таржи / Составл., подготовка текста, примеч. Е.Витковского. — М.: Согласие, 1998. — 382 с.

ISBN 5-86884-064-X (Т.2)

ISBN 5-86884-062-3

Иван Елагин (1918—1987), один из самых значительных поэтов русского зарубежья, большую часть своей жизни прожил в США. Отмеченный еще И.Бунинным как смелый и находчивый мастер стиха, высоко ценимый И.Бродским и А.Солженицыным, Елагин, оставаясь до конца своих дней русским поэтом, сумел соединить в своем творчестве две культуры — русскую и американскую. Его поэтический опыт в этом смысле уникален.

Во второй том вошли стихотворения из сборников Ивана Елагина «Под созвездием Топора» (1976), «В зале Вселенной» (1982), «Тяжелые звезды» (1986), стихотворения не собранные в книги, и пьеса «Портрет мадмуазель Таржи» (1949).

УДК 882

ББК 84(2Рос=Рус)6

Книги издательства «Согласие» можно приобрести по адресу:

113054, Москва, ул. Бахрушина, 28.

Телефон: (095) 959-20-60, факс: 959-20-39.

Распространение в Европе: Buchgalerie «Soglasie»,
Buttermarkt, 19, 50667 Köln, Deutschland.

Telefon: (049) 221-257-82-40, Fax: 221-257-82-37.

ИВАН ЕЛАГИН
Собрание сочинений в двух томах
Том второй

Компьютерная верстка *Г.С.Азимов*
Корректор *Г.В.Заславская*

ЛР №04055 от 16 декабря 1992 г. Сдано в набор 03.06.97. Подписано в печать 11.09.97. Формат 84x108/32. Бумага офсетная. Гарнитура Ньютон. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,05. Уч.-изд. л. 13,2. Тираж 5000 экз. Заказ № 509

АО «Согласие». 113054, Москва, ул. Бахрушина, 28.

АО Типография «Новости». 107005, Москва, ул. Фр. Энгельса, 46.

